

**К.МАРКС
Ф.ЭНГЕЛЬС
В.И.ЛЕНИН**

*О ЖЕНСКОМ
вопросе*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**К. МАРКС
Ф. ЭНГЕЛЬС
В. И. ЛЕНИН**

*О Женском
вопросе*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1971

Составитель сборника и автор предисловия *В. Л. Бильшай.*

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И.
0-11 О женском вопросе. М., Политиздат, 1971.
224 с.

Сборник содержит высказывания классиков марксизма-ленинизма по женскому вопросу, о путях всестороннего раскрепощения женщины в социалистическом и коммунистическом обществе.

Издание рассчитано на пропагандистов, агитаторов, партийный и профсоюзный актив, на всех, кто интересуется проблемами научного коммунизма, марксистско-ленинским учением о женском вопросе и женском движении.

ЗК4 + 327.6

1—1—1

111—70

Сдано в набор 15 января 1971 г. Подписано в печать 18 мая 1971 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 11,76.
Учетно-изд. л. 12,04. Тираж 75 тыс. экз. Заказ № 146. Цена 33 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пока жизнь женщины была ограничена рамками домашнего очага, порабощение ее в семье могло в лучшем случае вызвать сочувствие к ней гуманистов, те или иные соображения о средствах облегчения участи униженного в эксплуататорском обществе женского пола. Но стоило женщине переступить порог капиталистического предприятия, как стали возникать небывалые еще, новые социальные проблемы, порождаемые капиталистической эксплуатацией женского труда: неравная плата за равный труд, непосильные для женского организма условия труда, игнорирование капиталистом и капиталистическим государством материнской функции работницы и вытекающих отсюда специфических нужд женской части пролетариата. И чем больше возрастала женская армия труда, тем острее становились женские проблемы в рабочем движении, тем настоятельнее выступал перед всем обществом многосторонний и трудный женский вопрос.

И без того сложный женский вопрос был до предела запутан буржуазной социологией, сводившей его сущность то к биологической «трагедии женщины», то к «мужскому эгоизму» и иным антинаучным вымыслам. Хотя литература по женскому вопросу выходила в таком изобилии, что, по словам Августа Бебеля, ее невозможно было прочесть в течение одной жизни, с каждым следующим произведением причины, породившие женский вопрос, становились все менее понятными. Так было до тех пор, пока научный коммунизм не внес

и сюда полной ясности, вскрыв классовые корни и специфику женского вопроса и указав единственно верный, научно обоснованный путь его решения.

Уже в первых совместных произведениях Маркса и Энгельса — «Святом семействе», «Немецкой идеологии», как и в их ранних произведениях, содержатся строки, характеризующие «бесчеловечность общего положения женщины» в капиталистическом обществе; в них можно найти и критику лицемерной буржуазной морали, и мысли о воспитании подрастающего поколения.

В ряде работ Маркса и Энгельса обрисовано положение женщины в капиталистическом производстве. В труде Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», где рабочий вопрос исследован со всех сторон, показано и положение наиболее жестоко эксплуатируемой части пролетариата — женщин и детей.

Капиталистическая индустриализация, упростившая процесс труда, открыла широкий доступ в промышленность женщинам и детям. «В результате всех усовершенствований машин,— поясняет Энгельс,— действительная, требующая физического напряжения работа все более и более переносится на машину, и работа взрослых мужчин таким образом сводится к простому наблюдению, которое вполне могут осуществить и слабосильная женщина и ребенок, получающие за это в два или даже в три раза меньшую плату» (см. настоящий сборник, стр. 10).

На огромном статистическом материале и на основе собственных наблюдений Энгельс создает живую картину пагубных социальных последствий капиталистической эксплуатации женского и детского труда в широко распространенной тогда в Англии «легкой» промышленности — ткацкой, кружевной, швейной, шляпной. Страница за страницей здесь вырисовываются полные драматизма черты бесчеловечной системы выкачивания жизненных соков из женщин и детей — пролетариев на капиталистических предприятиях.

Энгельс говорит о пагубном влиянии фабричного труда на женский и детский организм, приводящего к различным отклонениям от нормального развития. «Какую богатую коллекцию болезней создала эта отвратительная алчность буржуазии! — восклицает Энгельс. — Женщины, неспособные рожать, дети — калеки.., целые

поколения, обреченные на гибель, изнуренные и хилые» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 394—395). Этот глубоко волнующий раздел Энгельс заключает предъявлением буржуазии «обвинения в социальном убийстве». Он показывает далее, как многочасовой фабричный труд женщин разрушает семью и «имеет самые деморализующие последствия как для супругов, так и для детей».

Трудно переоценить значение данной работы Энгельса для теории женского движения. Недаром же Маркс через 22 года после опубликования «Положения рабочего класса в Англии» в I томе «Капитала» писал, что социальные последствия капиталистической эксплуатации женского и детского труда с такой исчерпывающей полнотой описаны в этом произведении Энгельса, «что я здесь ограничиваюсь простым напоминанием об этом» (см. настоящий сборник, стр. 38).

Много воды утекло с тех пор. Рабочий класс вырвал у буржуазии рабочее законодательство, в ряде капиталистических государств появились нормы, направленные на охрану женского и детского труда. Но научный анализ коренных проблем женского труда, данный в работе «Положение рабочего класса в Англии», и сформулированные там программные требования рабочего движения по женскому вопросу сохраняют свое научное и практическое значение по сей день. Это: равная плата за равный труд, охрана женского труда на производстве с учетом физиологических особенностей женского организма, характеристика материнства как социальной функции женщины и значения для общества безболезненного совмещения ее общественно полезного труда и материнства.

Вскрывая законы развития капиталистического способа производства, Маркс в «Капитале» отмечает, что беспощадная эксплуатация женщин и детей резко увеличивает прибыли капиталистов: фактически за ту же заработную плату, какую рабочий получал, когда работал один, капиталист теперь принуждает работать не только самого рабочего, но и его жену и детей. «Выбрасывая всех членов рабочей семьи на рынок труда, машины распределяют стоимость рабочей силы мужчины на всю его семью. Поэтому они понижают стоимость его рабочей силы» (см. настоящий сборник, стр. 32).

Дешевый женский и детский труд буржуазия использует как орудие наступления на рабочий класс, как средство увеличения резервной армии труда. Это порождает ряд новых проблем в рабочем движении, таких, как конкуренция между отдельными отрядами рабочего класса, и др.

В новую эпоху, в условиях империализма, капиталистическая эксплуатация женского труда в промышленности и сельском хозяйстве как царской России, так и других европейских стран показана в произведениях В. И. Ленина. Вместе с тем Ленин подчеркивает, что «привлечение к производству женщин и подростков есть явление в основе своей прогрессивное» (см. настоящий сборник, стр. 56).

В трудах основоположников марксизма-ленинизма показано неравноправное положение женщины в семье, поставлен вопрос об условиях ее всестороннего раскрепощения.

Труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» дает полное представление не только о социально-экономических корнях и способах закрепощения и унижения женщины в эксплуататорском обществе, но и о единственно возможных путях ее освобождения в условиях социализма.

Огромная роль в первобытном обществе коммунистического домашнего хозяйства и заслуженное почитание материнства, указывает Энгельс, обуславливают высокое положение женщины. Однако дальнейшее развитие общества закономерно приводит к возникновению частнособственнической единобрачной семьи, где муж — собственник фамильного имущества, а жена, оторванная от общественно полезного труда, — его служанка. Только социализм, покончив с частной собственностью на средства производства, освободит женщину, обеспечив ей экономическую самостоятельность, независимость от мужчины. Следовательно, «первой предпосылкой освобождения женщины, — говорит Энгельс, — является возвращение всего женского пола к общественному производству, что в свою очередь требует, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества» (см. настоящий сборник, стр. 159).

Интересные высказывания по женскому вопросу содержатся в письмах Маркса и Энгельса. Так, в письме

Людвигу Кугельману Маркс с гордостью писал, что активная деятельница женского рабочего движения в Англии, г-жа Ло, избрана в члены Генерального Совета Первого Интернационала (см. настоящий сборник, стр. 63). В других письмах тому же адресату Маркс высоко оценивал женское движение Германии, ставшее на позиции Интернационала; подчеркивал, что «великие общественные перевороты невозможны без женского фермента» (см. настоящий сборник, стр. 64).

Великий продолжатель дела Маркса и Энгельса Владимир Ильич Ленин придавал женскому вопросу и женскому движению огромное значение. По свидетельству Клары Цеткин, Ленин считал женское движение существенной составной частью движения масс. Создавая в России партию революционного действия — большевистскую партию, Ленин последовательно проводил как в своих произведениях, так и в программных документах партии идею неразрывного единства и взаимосвязи женского и общего освободительного движения в стране.

После Великой Октябрьской социалистической революции Ленин поставил задачу раскрепощения женщины и привлечения женских масс к равному с мужчинами участию в общественной, производственной и культурной деятельности в число первостепенных задач Советского государства. С гордостью создатель первого социалистического государства заявил, что «из тех законов, которые ставили женщину в положение подчиненное, в Советской республике не осталось камня на камне» (см. настоящий сборник, стр. 98).

Вместе с тем Ленин подчеркивал, что «равенство по закону не есть еще равенство в жизни». «Нам надо, — пояснял Ленин, — чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником» (см. настоящий сборник, стр. 105).

Советское государство под руководством Ленина впервые в истории объявило материнство социальной функцией женщины, установив вытекающую отсюда государственную охрану материнства и младенчества.

Говоря о тех задачах Советской власти, решение которых должно способствовать социальному равенству полов, Ленин в число этих задач включил «неуклонные, систематические меры», направленные «к замене инди-

видуального хозяйничанья отдельных семей общим кормлением больших групп семей». Помимо общественной службы быта, Ленин вслед за Энгельсом придавал большое значение в решении женского вопроса сочетанию семейного и общественного воспитания детей, любовно назвал детские учреждения «ростками коммунизма».

Руководствуясь ленинским учением, Коммунистическая партия и Советское государство впервые в истории проложили пути к фактическому социальному равенству полов в первом социалистическом государстве.

В беседах с Кларой Цеткин осенью 1920 г. Ленин начертал развернутую систему мероприятий для полного решения всех проблем женского вопроса в процессе социалистического и коммунистического строительства (см. настоящий сборник, стр. 203—204).

Здесь он дал важнейшие указания по программе и тактике международного женского движения. Невозможно переоценить значение для современного коммунистического движения положений Ленина о соотношении демократических и социалистических лозунгов в женском движении. Придавая огромное значение женскому движению в борьбе за единство широких народных масс, выступающих против империалистической реакции, против империалистических войн, Ленин дал четкие указания о методах привлечения женщин к активной общественной деятельности, к освободительной борьбе трудящихся.

* * *

В сборник вошли далеко не все высказывания классиков научного коммунизма по женскому вопросу. Но здесь собрано самое главное, основополагающее в марксистско-ленинском учении о женском вопросе и женском движении.

Материалы сборника расположены в тематическом порядке по четырем разделам. Внутри разделов соблюдается хронологическая последовательность.

Раздел первый
**КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ
ЭКСПЛУАТАЦИЯ
ЖЕНСКОГО И ДЕТСКОГО ТРУДА
И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

ИЗ СТАТЬИ Ф. ЭНГЕЛЬСА

«ПОЛОЖЕНИЕ АНГЛИИ. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК»

...В этих четырёх отраслях промышленности*, в изготовлении пряжи и тканей, произошёл, таким образом, коренной переворот. Вместо работы на дому стали сообща работать в больших зданиях. Ручной труд был заменён двигательной силой пара и работой машин. С помощью машины восьмилетний ребёнок производил теперь больше, чем прежде двадцать взрослых мужчин. Шестьсот тысяч фабричных рабочих, из которых половина детей и больше половины лиц женского пола, исполняют работу ста пятидесяти миллионов человек...

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 611

ИЗ КНИГИ Ф. ЭНГЕЛЬСА

«ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ»

До введения машин превращение сырья в пряжу и затем в ткань совершалось на дому у рабочего. Жена и дочери пряли пряжу, которую отец семейства превращал в ткань; если он сам её не обрабатывал, пряжа продавалась. Эти семьи ткачей жили большей частью в деревне, близ городов, и могли неплохо существовать на свой заработок, так как местный рынок всё ещё был в смысле спроса на ткани решающим и даже почти единственным рынком, а всеилие конкуренции, проложившей себе дорогу впоследствии в связи с завоеванием иностранных рынков и расширением торговли, не оказывало ещё заметного действия на заработную плату.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 243

* Хлопчатобумажной, шерстяной, льняной и шелковой. *Ред.*

...В результате всех усовершенствований машин действительная, требующая физического напряжения работа всё более и более переносится на машину и работа взрослых мужчин таким образом сводится к простому наблюдению, которое вполне могут осуществлять и слабосильная женщина и ребёнок, получающие за это в два или даже в три раза меньшую плату...

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 368

Таким образом, по мере того как деятельность рук и мускульное напряжение заменяется, с введением машин, силой воды или пара, необходимость использовать взрослых мужчин отпадает, а так как женщины и дети не только получают более низкую плату, но, как уже сказано, более пригодны к этой работе, чем мужчины, то они и занимают их место. В прядильнях при ватер-машинах работают только женщины и девушки, при мюль-машинах — один взрослый мужчина-прядильщик (который с применением сельфакторов становится излишним) и несколько присучальщиков для связывания нитей, большей частью женщин и детей, порой молодых мужчин 18—20 лет, иногда старых, лишившихся работы прядильщиков *. У механических ткацких станков работают большей частью женщины от 15 до 20 лет и старше, иногда и мужчины, которые, однако, редко остаются при этом занятии после двадцати одного года. В прядильнях у ровничных машин тоже встречаются только женщины, в крайнем случае несколько мужчин бывают заняты точкой и чисткой чесальных машин. Кроме того на всех фабриках находят работу ещё известное число детей, занятых сниманием и насаживанием шпуплек (doffers), несколько взрослых мужчин-надсмотрщиков в мастерской, один механик и один машинист для обслуживания паровой машины, а также плотники, сторожа и т. п. Но основная работа производится женщинами и

* «В некоторых отраслях хлопчатобумажной промышленности в Ланкашире положение вещей в отношении заработной платы стало очень запутанным: сотни молодых мужчин от 20 до 30 лет выполняют работу присучальщиков или какую-нибудь другую, вырабатывая не более 8—9 шилл. в неделю, между тем как на той же фабрике дети 13 лет зарабатывают по 5 шилл., а молодые девушки от 16 до 20 лет по 10—12 шилл. в неделю». Отчет фабричного инспектора Л. Хорнера, октябрь 1844 года.

детьми. Фабриканты отрицают также и это и даже обнародовали в прошлом году обстоятельные таблицы, которые должны были доказать, что машины вовсе не вытесняют взрослых мужчин. Из этих таблиц явствует, что женщины составляют более половины (52%) всех фабричных рабочих, мужчины около 48% и что более половины всех этих рабочих старше 18 лет...

Из речи лорда Эшли в палате общин 15 марта 1844 г. в защиту законопроекта о десятичасовом рабочем дне мы заимствуем некоторые сведения о возрасте и поле рабочих, сведения, не опровергнутые данными фабрикантов, которые к тому же касаются только части английской фабричной промышленности. Из 419 560 фабричных рабочих Великобритании (1839 г.) 192 887 человек, т. е. почти половина, были моложе 18 лет; 242 296 были женского пола, из них 112 192 моложе 18 лет. Таким образом, получается, что из рабочих мужского пола 80 695 были моложе 18 лет, а взрослых мужчин-рабочих насчитывалось всего 96 569, или 23%, т. е. *меньше четверти* общего числа рабочих. На хлопчатобумажных фабриках женщины составляли 56 $\frac{1}{4}$ %, на фабриках шерстяных изделий — 69 $\frac{1}{2}$ %, на шелковых фабриках — 70 $\frac{1}{2}$ %, на льнопрядильных — 70 $\frac{1}{2}$ %. Этих цифр, думается, достаточно, чтобы доказать вытеснение взрослых мужчин-рабочих; стоит, впрочем, зайти на первую попавшуюся фабрику, чтобы убедиться в этом. В результате неизбежно опрокидывается существующий общественный распорядок, и этот перелом, будучи насильно навязан рабочим, имеет для них самые губительные последствия. Прежде всего, работа женщин совершенно разрушает семью; ведь если жена проводит на фабрике 12—13 часов в день, а муж работает не меньше там же или где-либо в другом месте, то какова может быть судьба их детей? Они растут совсем без надзора, как сорная трава, или же их оставляют на попечении посторонних лиц, получающих за это один или полтора шиллинга в неделю, а как те с ними обращаются, нетрудно себе представить. Вот почему в фабричных округах ужасающим образом растёт число несчастных случаев с малыми детьми, оставленными без надзора. По записям манчестерского следователя (согласно данным комиссии по обследованию фабричного труда, доклад д-ра Хокинса, стр. 3), за 9 месяцев погибло от

ожогов 69 детей, утонуло — 56, разбилось насмерть — 23, погибло вследствие других несчастных случаев — 77, т. е. всего было 225 несчастных случаев*, между тем как в нефабричном Ливерпуле в течение 12 месяцев было всего 146 несчастных случаев со смертельным исходом. Несчастные случаи в угольных копях не входят в эти данные ни по тому, ни по другому городу, и нужно ещё иметь в виду, что власть манчестерского следователя не простирается на Солфорд, и поэтому население обоих рассматриваемых округов можно считать приблизительно одинаковым.— Газета «Manchester Guardian» почти в каждом номере сообщает об одном или нескольких случаях тяжёлых ожогов. Само собой понятно и вполне доказано фактами, что работа матерей является также одной из причин, которые увеличивают высокую смертность малых детей. Женщины возвращаются на фабрику часто уже через три-четыре дня после родов, оставив, конечно, грудного ребёнка дома; в свободные часы они торопятся домой, чтобы накормить ребёнка и самим кое-что перехватить. Что это за кормление — легко себе представить. Лорд Эшли приводит показания нескольких работниц.

«М. Г., двадцати лет, имеет двух детей, младший еще грудного возраста и остается на попечении старшего; она уходит на фабрику утром, в начале шестого, и возвращается к восьми вечера; в течение дня молоко сочится у нее из груди так, что смачивает платье.— Г. В. имеет трех детей, уходит из дому в пять часов утра в понедельник и возвращается лишь в субботу к семи часам вечера; по возвращении у нее так много возни с детьми, что она не ложится спать раньше трех часов ночи. Часто она приходит вся вымокшая от дождя и должна работать в таком состоянии. «Грудь у меня страшно болела,— говорит она,— и я бывала вся мокрая от проступавшего молока»».

Применение наркотических средств, для того чтобы дети лежали спокойно, только поощряется этой подлой системой, и оно действительно широко распространено в фабричных округах. По мнению д-ра Джонса, ведающего записью актов гражданского состояния Манчестерского округа, этот обычай является главной причиной

* В 1843 г. в числе несчастных случаев, зарегистрированных в манчестерской больнице, было 189 — сто восемьдесят девять! — случаев ожогов. Сколько из них имело смертельный исход, не указано.

частых смертных случаев от конвульсий. Работа женщин на фабрике неизбежно разрушает семью, и при современном состоянии общества, покоящемся на семье, обстоятельство это имеет самые деморализующие последствия как для супругов, так и для детей. Мать, у которой нет времени заботиться о своем ребёнке и дарить ему в первые годы жизни самую обыкновенную материнскую ласку,— мать, которой редко удаётся видеть своего ребёнка, не может быть ему матерью, она неизбежно относится к нему равнодушно, без любви, без всякой заботливости, как к совершенно чужому ребёнку. И дети, выросшие в таких условиях, позже оказываются совершенно потерянными для семьи, никогда не почувствуют себя дома в той семье, которой впоследствии обзаведутся, потому что слишком привыкли к жизни в одиночку, и это неизбежно еще больше способствует разрушению семьи в рабочей среде. Причиной развала семьи является также и детский труд. Как только дети способны заработать больше того, во что обходится родителям их содержание, они начинают платить родителям за стол и квартиру, а остальное тратят на себя. Происходит это нередко уже на четырнадцатом и пятнадцатом году жизни (Пауэр, доклад о городе Лидсе, в разных местах; Тафнелл, доклад о Манчестере, стр. 17 и др. в «Отчёте комиссии по обследованию фабричного труда»). Одним словом, дети становятся самостоятельными, смотрят на родительский дом как на пансион, который они часто меняют на другой, если им дома перестаёт нравиться.

Во многих случаях работа женщины на фабрике не разрушает семью полностью, но ставит её на голову. Жена зарабатывает на всю семью, а муж сидит дома, смотрит за детьми, убирает, стряпает. Таких случаев очень и очень много; в одном Манчестере можно насчитать много сотен таких мужей, обречённых на выполнение домашних работ. Нетрудно себе представить, какое справедливое возмущение вызывает у рабочих эта настоящая кастрация и к какому радикальному изменению всех семейных отношений она приводит в то время, когда все остальные общественные отношения остаются без перемен. Передо мной лежит письмо английского рабочего, Роберта Паундера, проживающего в Баронс-билдингс, Вудхаусмур-Сайд, в Лидсе (буржуазия может

отыскать его там, для неё я и указываю точный адрес), адресованное Остлеру. Едва ли мне удастся и наполовину передать в переводе всю непосредственность этого письма; если орфографические ошибки и можно соответственно передать, то особенности йоркширского диалекта теряются совершенно. В этом письме автор рассказывает, как другой рабочий, его знакомый, в поисках работы попал в Сент-Хеленс в Ланкашире и там разыскал одного своего старого друга.

«И вот, сударь, он нашел его, и когда он подошел к его лачуге, как вы думаете, что он увидел? Сырой низенький подвал, а обстановка такая: два старых стула, круглый стол на трех ножках, сундук, никакой кровати, а только охапка старой соломы в углу, покрытая парой грязных простынь, и два обрубка дерева у камина. Когда мой бедный друг вошел туда, бедняк Джек сидел на одном обрубке у огня и как вы думаете, что он делал? Он чинил чулки своей жены штопальной иглой, и как только он увидел своего друга на пороге, он хотел спрятать свою работу, но Джо — так зовут моего знакомого — видел все и сказал: «Черт возьми, Джек, что ты делаешь? где твоя жена? что это у тебя за работа?». Бедный Джек был смущен и сказал: «Я знаю, что эта работа не для меня, но моя бедная жена на фабрике; она отправляется туда с утра, в половине шестого, работает там до восьми вечера и так устает, что, возвратившись домой, ничего больше делать не может. Поэтому мне приходится за нее делать, что я могу. У меня нет работы и не было уже более трех лет, и во всю жизнь я ее не найду». Тут он горько заплакал и сказал: «Да, любезный Джо, есть достаточно работы для женщин и детей в этой местности, но нет работы для мужчин. Легче сто фунтов стерлингов найти на улице, чем найти работу. Но я никогда не поверил бы, чтобы ты или кто другой мог увидеть, как я штопаю чулки своей жене, потому что это нехорошая работа. Но жена моя почти не может уже стоять на ногах, и я боюсь, что она заболит, и я тогда не знаю, что с нами станет, потому что она уже давно стала мужчиной в доме, а я женщиной. Нехорошая это работа, Джо. Не всегда было так», — продолжал он, горько плача. — «Но скажи мне, Джек, — спросил Джо, — как же ты жил все это время, не имея никакой работы?». — «Я скажу тебе, Джо, — ответил Джек, — я жил, как жилось, а жилось очень плохо. Когда я женился, я, как ты знаешь, имел достаточно работы, и лентяем, как ты знаешь, я никогда не был». — «Нет, лентяем ты никогда не был». — «Наш дом был хорошо обставлен, и Мэри не приходилось работать, я зарабатывал достаточно на двоих. Но теперь все стало вверх ногами; Мэри должна работать, а я должен оставаться дома, присматривать за детьми, подметать, стирать, стряпать и штопать. Когда моя бедная жена возвращается вечером домой, она совсем разбита и ничего больше делать не может. Знаешь, Джо, это очень трудно для человека, который привык к другому». — «Да, — ответил Джо, — это нелегко». И Джек снова начал плакать; он говорил, что лучше бы он никогда не женился, никогда не родился на свет; но когда он

женился на Мэри, ему и в голову не приходило, что так может случиться. «Я не раз плакал из-за этого», — сказал Джек. Ну, сударь, когда Джо все это услышал, как он позже рассказывал мне, он проклял фабрики, фабрикантов и правительство всеми теми проклятиями, которым с детства научился на фабрике».

Можно ли себе представить более нелепое, более бессмысленное положение, чем то, которое описано в данном письме? А между тем положение, в котором мужчина перестаёт быть мужчиной, а женщина лишается своей женственности, но которое не может придать ни мужчине настоящей женственности, ни женщине настоящей мужественности, положение, которое самым позорным образом унижает оба пола и в каждом из них — человеческое достоинство, — это положение и есть конечное следствие нашей хвалёной цивилизации, последний результат всех тех усилий, которые были сделаны сотнями поколений для того, чтобы улучшить условия своего существования и существования своих потомков! Видя, как превращаются в насмешку результаты всех людских стараний и усилий, нам остается только или отчаяться в самом человечестве и его судьбах, или признать, что оно до сих пор искало своё счастье на ложных путях. Мы должны признать, что такое полное искажение отношений между полами могло произойти только потому, что отношения эти с самого начала были построены на ложной основе. Если господство женщины над мужчиной, неизбежно вызываемое фабричной системой, недостойно человека, значит и первоначальное господство мужчины над женщиной следует также признать недостойным человека. Если женщина теперь основывает, как некогда делал это мужчина, своё господство на том, что именно она добывает большую часть или даже всю совокупность общего имущества семьи, значит общность имущества была не подлинная, не разумная, раз один из членов кичится тем, что внёс большую долю. Тот факт, что семья в современном обществе разваливается, только доказывает, что связующей нитью её была не семейная любовь, а личная заинтересованность, сохранившаяся несмотря на кажущуюся общность имущества*. Такие же взаимоотношения

* Как много замужних женщин работает на фабриках, видно из данных самих фабрикантов: на 412 фабриках в Ланкашире работает 10 721 замужняя женщина; из их мужей только

возникают, когда дети поддерживают своих безработных родителей, в том случае, если они не платят им попросту за харчи, как уже было сказано. Д-р Хокинс сообщает в докладе о фабричном труде, что такие отношения встречаются очень часто, и в Манчестере это явление общеизвестно. Как в иных случаях жена, так тут дети — хозяйева в доме. Лорд Эшли приводит такой пример в своей речи (в палате общин 15 марта 1844 г.): один человек бранил своих двух дочерей за то, что они были в трактире, на что те заявили, что им надоело терпеть над собой команду: идите, мол, к чёрту, нам приходится вас содержать, надо же что-нибудь иметь за свою работу; они выехали из родительского дома, покинув отца и мать на произвол судьбы.

Незамужним женщинам, выросшим на фабрике, приходится не лучше, чем замужним. Само собой понятно, что девушка, с девяти лет работающая на фабрике, не могла обучиться домашним работам, и вследствие этого все фабричные работницы совершенно неопытны в этом отношении и не в состоянии вести домашнее хозяйство. Они не умеют ни шить, ни вязать, ни готовить, ни стирать, они незнакомы с самыми обычными домашними работами, а о том, как обходиться с маленькими детьми — они и понятия не имеют. «Отчёт комиссии по обследованию фабричного труда» приводит этому десятки примеров, а д-р Хокинс, автор доклада о Ланкашире, высказывает следующие взгляды (на стр. 4 «Отчёта»):

«Девушки выходят замуж рано и необдуманно; у них нет ни возможности, ни времени, ни случая ознакомиться с самыми обычными обязанностями хозяйки, и если бы у них все это и было, то после замужества у них не оказалось бы времени для выполнения этих обязанностей. Мать оторвана от своего ребенка ежедневно в течение двенадцати часов: за ребенком присматривает нанятая за особую плату девочка или старуха; к тому же жилищем фабричных рабочих слишком часто бывает не то, что называется домом (home), а подвал, в котором нет ни кухонной посуды, ни необходимых принадлежностей для стирки, шитья и штопки, где отсутствует все, что могло бы сделать жизнь приятной и культурной, а семейный очаг привлекательным. По этим и по другим причинам, и в особенности ради со-

5314 человек работают тоже на фабриках, 3927 имеют другого рода занятия, 821 находятся без работы, а относительно 659 — сведений нет. Таким образом, на каждую фабрику приходится двое, если не трое мужчин, живущих за счет труда своей жены.

хранения жизни и здоровья детей, я могу лишь желать и надеяться, что наступит время, когда работа замужних женщин на фабриках будет запрещена».

Отдельные примеры и показания см. «Отчёт комиссии по обследованию фабричного труда», Кауэлл, документы, стр. 37, 38, 39, 72, 77, 50. Тафнелл, документы, стр. 9, 15, 45, 54 и др.

Но всё это, однако, ещё не самое большое зло. Моральные последствия работы женщин на фабриках значительно хуже. Совместное пребывание людей обоего пола и всех возрастов в одной мастерской, неизбежное сближение между ними, скопление людей, не получивших никакого интеллектуального и нравственного воспитания, в одном тесном пространстве — всё это не может оказывать благоприятное влияние на развитие женского характера. Фабрикант, если даже он и следит за этим, может вмешаться только тогда, когда действительно происходит что-нибудь скандальное; о постоянном, но менее заметном влиянии более распущенных людей на более нравственных, и в особенности на молодых, он не может знать, а следовательно и предупредить тоже не может. А ведь именно это влияние самое вредное. Разговоры, которые ведутся на фабрике, многими были названы перед фабричной комиссией 1833 г. «неприличными», «скверными», «грязными» и т. д. (Кауэлл, документы, стр. 35, 37 и многие другие). Здесь в малом масштабе происходит то, что в крупном масштабе мы видели в больших городах. Централизация населения имеет одинаковые последствия для людей, независимо от того, происходит ли она в большом городе или на маленькой фабрике. Если фабрика меньше, то сближение больше и общение неизбежнее. Последствия не заставляют себя долго ждать. Один свидетель в Лестере говорил, что он охотнее послал бы свою дочь побираться, чем на фабрику, что фабрика — истинное преддверие ада и что большинство проституток города обязаны своей судьбой фабрике (Пауэр, документы, стр. 8). Другой свидетель из Манчестера «не колеблясь утверждает, что три четверти молодых фабричных работников в возрасте от 14 до 20 лет уже потеряли невинность» (Кауэлл, документы, стр. 57). Член комиссии Кауэлл утверждает вообще, что нравственность фабричных рабочих несколько ниже среднего уровня нравственности

рабочего класса (стр. 82), а д-р Хокинс говорит («Отчёт», стр. 4):

«Нравственность нелегко определить в цифрах, но если верить моим собственным наблюдениям и мнению всех тех, с кем мне приходилось говорить об этом, а также общему впечатлению от всех полученных мной показаний, то складывается в высшей степени печальная картина влияния фабричной жизни на нравственность молодежи женского пола».

Само собой понятно, что фабричное рабство в такой же мере, как и всякое другое, если не больше, даёт хозяину *jus primae noctis**. И в этом отношении фабрикант является господином над телом и прелестями своих работниц. Увольнение есть достаточная угроза для того, чтобы в девяти случаях из десяти, если не во всех девяти из ста, сломить всякое сопротивление девушки, которая и без того не очень-то дорожит своим целомудрием. Если фабрикант в достаточной мере низок, а отчёт комиссии сообщает о многих таких случаях, — то его фабрика является в то же время и его гаремом; и если не все фабриканты пользуются этим правом, то положение девушек по существу от этого не меняется. В начальную пору фабричной промышленности, когда фабриканты в своём большинстве были выскочками без образования и не считались с лицемерными нравами общества, они преспокойно пользовались своим «благоприобретенным» правом.

Чтобы правильно оценить последствия фабричного труда для физического состояния женщин, необходимо прежде всего познакомиться с трудом детей, а также с различными видами самого труда. Дети нашли применение на фабриках с самого возникновения современной промышленности: сначала вследствие небольших — позже увеличенных — размеров машин, на них работали почти исключительно дети, причём набирались они главным образом из приютов, и фабриканты нанимали их гуртом в качестве «учеников» на долгие годы. Дети получали общий стол, жильё и одежду и были, разумеется, полнейшими рабами своего хозяина, который обращался с ними с величайшей жестокостью и варварством. Уже в 1796 г. негодование, вызванное в общест-

* — право первой ночи. *Ред.*

венном мнении этой возмутительной системой, было столь энергично выражено д-ром Персивалом и сэром Р. Пилем (хлопчатобумажным фабрикантом, отцом теперешнего министра), что парламент в 1802 г. принял закон об учениках, прекративший самые вопиющие злоупотребления¹. С течением времени вступила в силу конкуренция свободных рабочих, которая вытеснила систему ученичества. Постепенно фабрики начали всё чаще строить в городах, машины приобрели бóльшие размеры, помещения стали лучше проветриваться и содержаться; вместе с тем постепенно появлялось всё больше работы для взрослых и для подростков, относительное число занятых на фабриках детей поэтому несколько уменьшилось, и возраст, когда они начинали работать, несколько повысился. Теперь реже стали брать на работу детей моложе 8—9 лет. Как мы увидим ниже, законодательной власти впоследствии не раз приходилось брать на себя защиту детей от алчности буржуазии.

Высокая смертность среди детей рабочих, и особенно фабричных рабочих, есть достаточное доказательство тех нездоровых условий, в которых они проводят свои ранние годы. Те же причины влияют и на детей, которые остаются в живых, хотя, конечно, не в такой сильной мере, как они действуют на тех, кого доводят до гибели. В самых благоприятных случаях эти причины влекут за собой только предрасположение к какому-нибудь заболеванию или задержку в развитии, а следовательно и меньшую физическую силу, чем у нормального ребёнка. Деятилетний ребёнок фабричного рабочего, который вырос в нужде и всевозможных лишениях, в сырости и холоде, всегда был недостаточно тепло одет и жил в скверном жилище, обладает далеко не той работоспособностью, какой обладает ребёнок, выросший в более здоровых условиях. С девяти лет его отправляют на фабрику, где он работает ежедневно 6½ часов (прежде он работал 8, а ещё раньше 12—14 и даже 16 часов) до тринадцатилетнего возраста, а с этого времени до восемнадцати лет — 12 часов. Причины, неблагоприятно действующие на его организм, не прекращаются, а работы становится больше. Можно допустить, что деятилетний ребёнок, даже если это ребёнок рабочего, может выдержать ежедневную работу в 6½ часов без

того, чтобы вред от такой работы для его организма был заметным и ощутимым; но уж во всяком случае пребывание в удушливой, сырой, часто к тому же и жаркой фабричной атмосфере благоприятно влиять на здоровье не может. И при всех обстоятельствах непростительно, чтобы то время, которое должно было бы посвящаться исключительно физическому и духовному воспитанию детей, приносилось в жертву алчности бесчувственной буржуазии: детей лишают школы и чистого воздуха, чтобы выжимать из них прибыль для господ фабрикантов. Правда, буржуазия на это отвечает: если мы не будем занимать детей на фабриках, они всё равно останутся в условиях, неблагоприятных для их развития. В общем это верно, но что же это значит, если вдуматься как следует? Это значит, что буржуазия сначала ставит детей рабочих в скверные условия, а затем ещё использует эти скверные условия для своей же выгоды! Она ссылается в своё оправдание на положение, которое в такой же мере является делом её рук, как и вся фабричная система; она оправдывает своё сегодняшнее преступление тем преступлением, которое совершила вчера. И если бы фабричное законодательство хоть до некоторой степени не связывало им рук, как бы отстаивали интересы рабочих эти «благожелательные», «гуманные» буржуа, которые и фабрики-то свои построили, мол, исключительно ради блага рабочих! Послушаем, что делалось на фабриках, когда фабричный инспектор ещё не стоял у фабрикантов над душой. Пусть изобличит их свидетельство, авторитет которого они сами признают, — отчёт фабричной комиссии 1833 года.

Отчёт центральной комиссии сообщает, что на фабриках дети изредка начинали работать с пятилетнего возраста, чаще — с шестилетнего, очень часто с семилетнего и большей частью с восьми-девятилетнего возраста, что рабочее время продолжалось часто 14—16 часов в день (не считая перерыва на еду), что фабриканты позволяли надзирателям бить детей и часто сами давали волю рукам.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 372—381

Влияние фабричного труда на женский организм тоже очень своеобразно. Нарушения организма, вызы-

ваемые у женщины длинным рабочим днём, ещё более серьёзны, чем у мужчины: изменения таза — отчасти вследствие неправильного положения и неправильного развития самих тазовых костей, отчасти вследствие искривления нижней части позвоночника, нередко вызываются этой причиной...

О том, что фабричные работницы рожают труднее, чем другие женщины, равно как и о том, что у них чаще бывают выкидыши, свидетельствуют многие повивальные бабки и акушёры (см., например, д-р Хокинс, документы, стр. 11 и 13). Кроме того работницы страдают свойственной всем фабричным рабочим общей слабостью организма, а в случае беременности они работают на фабрике *до самого момента родов*, и вполне понятно: ведь если они оставят работу раньше, то могут опасаться, что их место займут другие, а их самих рассчитают, к тому же и заработка они за это время не получают. Очень часто бывает, что женщина, проработавшая до вечера, на другое утро уже родила, а нередко случается, что она рождает тут же на фабрике, среди машин. И если господа буржуа и не видят в этом ничего особенного, то их жёны, может быть, согласятся со мной, что ставить беременную женщину в необходимость до самого дня родов работать ежедневно 12—13 (а раньше было ещё больше) часов стоя и часто нагибаясь — это жестокость и подлое варварство. Но это ещё не всё. Женщины довольны, если им позволяют не работать в течение двух недель после родов, и считают это большим сроком. Многие уже через неделю и даже через 3—4 дня возвращаются на фабрику, чтобы проработать *полный* рабочий день. Я слышал однажды, как фабрикант спросил надсмотрщика: Такая-то не пришла ещё? — Нет. — А давно она родила? — Неделю тому назад. — Так она могла давно уже вернуться. Такая-то остаётся в таких случаях дома не более трёх дней. — Всё это вполне понятно: боязнь увольнения, боязнь безработицы гонит работницу на фабрику, несмотря на слабость, несмотря на боль; интересы фабриканта не терпят, чтобы рабочие сидели дома по болезни; рабочие не должны болеть, работницы не могут себе позволить полежать после родов, иначе фабриканту придётся остановить машины или ломать свою сиятельную голову над тем, чтобы придумать временный выход из положения;

во избежание этого он рассчитывает своих рабочих, если они позволяют себе хворать.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 389—390

Местность, в которой живут вязальщики, является также главным центром *кружевного* производства. В упомянутых трёх графствах работает в общем 2 760 кружевных машин, а во всей остальной Англии — только 786. Вследствие строгого разделения труда кружевное производство очень осложнилось, разбившись на множество отдельных отраслей. Сначала нитки наматываются на шпульки — работа, которую выполняют девушки 14 лет и старше (*winders*); затем шпульки вставляются в машину, нитки продеваются через мелкие отверстия, которых на каждой машине бывает в среднем около 1800, и им даётся дальнейшее направление — эту работу выполняют мальчики 8 лет и старше (*threaders*); затем рабочий изготовляет кружево, которое выходит из машины в виде широкой полосы; совсем маленькие дети разделяют полосу на отдельные части, выдёргивая соединяющие их нити; этот процесс называется *running* или *drawing lace*, а сами дети называются *lace-runners*.— После этого кружево окончательно готовится к продаже.— Как мотальщицы, так и вдевальщики не имеют определенного рабочего времени — они бывают нужны, когда нитки в машине подходят к концу; а так как работа продолжается и ночью, то их могут во всякое время вызвать на фабрику или в мастерскую кружевника. Нерегулярность занятий, частая ночная работа и вытекающий отсюда неправильный образ жизни,— всё это влечёт за собой множество зол, физических и моральных, в особенности же, как указывают все, беспорядочные и ранние половые сношения. Самый труд очень вреден для глаз; общих хронических заболеваний у вдевальщиков не обнаруживается, но среди них распространено воспаление глаз, а само вдевание ниток вызывает боль в глазах, слезотечение, временную затуманенность зрения и т. п. Что же касается мотальщиц, то установлено, что труд их приносит серьёзный вред зрению, вызывая частые воспаления роговой оболочки, а нередко и катаракту.— Работа самих кружевников очень тяжела; машины изготовляются всё более широкими, и в настоящее время в

ходу бывают почти исключительно такие машины, на которых должны работать три работника; рабочие сменяют друг друга через каждые четыре часа в течение круглых суток, и каждый из них работает 8 часов из 24. Отсюда понятно, почему мотальщицам и вдевальщикам так часто приходится работать ночью, чтобы машина слишком долго не простаивала. Ведь чтобы продеть нитки в 1800 отверстий, требуется работа троих детей в течение двух часов. Некоторые машины уже приводятся в движение силой пара, которая вытесняет труд мужчин. В «Отчёте комиссии по обследованию детского труда» всюду говорится о том, что детей вызывают на «кружевную фабрику»; из этого очевидно следует, что в настоящее время либо кружевники работают в больших фабричных помещениях, либо применение силы пара к изготовлению кружев получило общее распространение. И в том и в другом случае перед нами дальнейшее распространение фабричной системы.— Самым нездоровым следует признать труд детей, выдёргивающих нитки из готовых кружев; это большей частью дети семи, даже пяти или четырёх лет. Комиссар Грейнджер застал даже за этой работой ребёнка *двух лет*. Постоянное высматривание в сложном кружевном узоре одной и той же нитки, которую надо выдёргивать при помощи иголки, очень вредно сказывается на глазах, в особенности если работа, как это обычно бывает, продолжается в течение 14 или 16 часов. В лучшем случае развивается очень сильная близорукость, а в худшем, который встречается довольно часто, неизлечимая слепота как следствие катаракты. Кроме того, дети работая постоянно в согнутом положении, вырастают слабыми, узкогрудыми и — вследствие дурного пищеварения — золотушными; нарушение функций женских органов составляет почти общее явление у девочек, равно как и искривление позвоночника, так что «этих детей всегда можно узнать по их походке». Такие же последствия, как для глаз, так и для всего организма, имеет *вышивание* кружев. Все медицинские эксперты единогласно свидетельствуют, что здоровье детей, занятых в кружевном производстве, сильно страдает от их работы, что все они бледны, слабы, хилы, слишком малы для своего возраста и обладают гораздо меньшей сопротивляемостью болезням, чем другие дети. Они обычно страдают общей

слабостью, частыми обмороками, головными болями, болями в боку, в спине и в пояснице, сердцебиениями, тошнотой, рвотой и отсутствием аппетита, искривлением позвоночника, золотухой и чахоткой. Особенно глубоко этот вид работы всегда подрывает женский организм: везде жалуются на бледную немочь, трудные роды и выкидыши (Грейнджер. «Отчёт» — во многих местах). Тот же младший чиновник докладывал комиссии по обследованию детского труда, что дети очень часто плохо одеты и оборваны, плохо питаются, большей частью одним хлебом и чаем, и часто целыми месяцами не видят мяса. — Что же касается их нравственности, то он говорит об этом следующее:

«Все обитатели Ноттингема — полиция, духовенство, фабриканты, рабочие и сами родители этих детей — в один голос утверждают, что современная система труда является в высшей степени благоприятной почвой для безнравственности. Вдевальщики, большей частью мальчики, и мотальщицы, большей частью девочки, одновременно вызываются на фабрику, часто среди ночи, а так как родители их не могут знать, сколько времени они там будут заняты, то они имеют полную возможность заводить дурные знакомства и шататься вместе по окончании работы. Это немало содействовало развитию безнравственности, принявшей в Ноттингеме, по всеобщему признанию, ужасающие размеры. Мы не говорим уже о том, что это в высшей степени неестественное положение вещей совершенно нарушает покой и домашний распорядок семей, к которым принадлежат эти дети и молодые люди».

Другая отрасль производства кружев, плетение их на коклюшках, распространена в сельскохозяйственных районах — Нортгемптоншире, Оксфордшире, Бедфордшире и Бакингемшире. Заняты в этом производстве большей частью дети и подростки, которые все жалуются на плохое питание и на то, что редко получают мясо. Самый труд их крайне вреден для здоровья. Дети работают в небольших, плохо проветриваемых, душных комнатах, всегда в сидячем положении, согнувшись над коклюшками. Чтобы как-нибудь поддержать тело в этом неудобном положении, девушки носят корсеты с деревянными планками, а так как большинство девушек начинает работать в раннем возрасте, когда кости еще очень мягкие, корсеты эти вызывают полное смещение грудной клетки и рёбер и вообще узкогрудость. Поэтому большинство из этих девушек, промучившись от жесто-

ких (severest) последствий дурного пищеварения, вызванного сидячим образом жизни и плохим воздухом, умирают от чахотки. Они не получают почти никакого воспитания, и меньше всего нравственного воспитания, — любят наряды, и вследствие этого их моральный уровень самый жалкий, а проституция среди них носит почти эпидемический характер. («Отчёт комиссии по обследованию детского труда», доклад Бёрнса.)

Такова цена, которую общество платит за то, чтобы нарядные буржуазные дамы имели удовольствие носить кружева! Разве это не очень дешёвая цена? Всего лишь несколько тысяч слепых рабочих, лишь некоторое количество чахоточных дочерей пролетариата, лишь одно хилое поколение плебейской массы, которое передаёт эту хилость своим таким же плебейским детям и внукам, — какое это имеет значение? Никакого, решительно никакого! Наша английская буржуазия равнодушно отложит в сторону отчёт правительственной комиссии и по-прежнему будет наряжать своих жён и дочерей в кружева. — Душевное равновесие английского буржуа замечательная вещь!

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 416—419

...Нам остаётся ещё заняться одной категорией рабочего населения Лондона, заслуживающей особого внимания ввиду необычайной жестокости, с которой она эксплуатируется алчной буржуазией. Я имею здесь в виду модисток и швей.

Как это ни удивительно, изготовление именно тех предметов, которые служат для украшения *буржуазных дам*, сопровождается самыми печальными последствиями для здоровья занятых этим рабочих. Мы уже столкнулись с этим, когда говорили о производстве кружев, а здесь мы докажем это на примере лондонских модных лавок. В этих заведениях занято множество молодых девушек, в общей сложности около 15 тыс., которые большей частью приехали из деревни, живут и столуются у хозяев и, таким образом, находятся у них в полном рабстве. Во время фешенебельного сезона, который продолжается приблизительно четыре месяца в году, число рабочих часов даже в лучших предприятиях доходит до 15 в день, а в случае срочных заказов — до 18. Но в большинстве мастерских в этот период работают

без какого-либо ограничения времени, так что девушки никогда не имеют на отдых и сон более шести часов, а часто всего только три или четыре, а иногда и два часа в сутки. Таким образом они работают от 19 до 22 часов в сутки, если — что бывает довольно часто — не работают всю ночь напролёт! Единственным пределом продолжительности их работы является полнейшая физическая невозможность дольше держать иголку в руках. Случается, что эти беспомощные существа по девять дней подряд не раздеваются и спят только урывками на матраце; пищу им дают мелко нарезанную, чтобы они как можно скорее могли проглотить её. Одним словом, при помощи морального кнута, удерживающего их в рабстве, — угрозы расчёта, — этих несчастных девушек принуждают к такой продолжительной и непрерывной работе, какой не мог бы выдержать и крепкий мужчина, а тем более не выдерживает хрупкая девушка в возрасте от 14 до 20 лет. К тому же духота в мастерских и спальных помещениях, согнутое положение, часто скверная, трудно перевариваемая пища, но главным образом продолжительный труд и отсутствие свежего воздуха — всё это оказывает самое губительное влияние на здоровье девушек. Очень скоро появляются утомление, истощение, слабость, потеря аппетита, боли в плечах, спине и пояснице и прежде всего головные боли; затем наблюдается искривление позвоночника, высокие сутулые плечи, худоба, припухшие, слезящиеся и вообще больные глаза, близорукость, кашель, узкогрудость и одышка, равно как и всевозможные женские болезни. Во многих случаях глаза так портятся, что наступает неизлечимая слепота, полное нарушение зрения, а если зрение ещё достаточно сохранилось, чтобы можно было продолжать работу, чахотка обычно кладёт конец короткой и печальной жизни этих изготовительниц нарядов. Даже у тех, которые достаточно рано оставляют эту работу, здоровье бывает настолько подорвано, что никогда не восстанавливается вполне; они постоянно хворают, особенно после брака, и производят на свет хилых детей. Все врачи, опрошенные комиссией по обследованию детского труда, единогласно утверждали, что трудно себе представить образ жизни, который так разрушал бы здоровье и приводил бы к столь ранней смерти, как жизнь модисток.

С не меньшей жестокостью, но только менее непосредственно, эксплуатируются в Лондоне *швеи* вообще. Труд девушек, занятых изготовлением корсетов, тяжёл, утомителен и вреден для глаз. Какую же заработную плату они получают? Этого я не знаю, но мне известно, что предприниматель, ручающийся за выданный ему материал и распределяющий работу между швеями, получает по $1\frac{1}{2}$ пенса — 15 прусских пфеннигов — со штуки. Отсюда он ещё оставляет себе известный процент, по меньшей мере $\frac{1}{2}$ пенни, так что бедной девушке на руки достаётся не больше 1 пенни. Девушки, изготавливающие галстуки, вынуждены работать 16 часов и получают в неделю по $4\frac{1}{2}$ шилл., т. е. $1\frac{1}{2}$ талера на прусские деньги, но на эту сумму они могут купить не больше, чем на 20 зильбергрошей в самом дорогом городе Германии*. Но хуже всего живётся тем, которые шьют рубашки. За обыкновенную рубашку они получают $1\frac{1}{2}$ пенса. Раньше они получали от 2 до 3 пенсов, но с тех пор как рабочий дом в Сент-Панкресе, руководимый *буржуазно-радикальной* администрацией, стал брать работу по $1\frac{1}{2}$ пенса, бедные женщины вынуждены были согласиться на эту плату. За тонкую рубашку с вышивкой, которая может быть изготовлена в один день при восемнадцати часах работы, платят 6 пенсов, т. е. 5 зильбергрошей. Таким образом, по многочисленным показаниям работниц и предпринимателей, заработная плата этих швей составляет при очень напряжённой и продолжающейся до глубокой ночи работе $2\frac{1}{2}$ —3 шилл. в неделю! Но венцом этого позорного варварства является то, что швей заставляют вносить в виде залога часть стоимости выданного им материала, для чего им, конечно, приходится — о чём прекрасно знают и собственники — этот материал частично закладывать и затем либо выкупать его с некоторой потерей для себя, либо, если они этого сделать *не в состоянии*, отвечать перед мировым судьёй, как это случилось с одной швейей в ноябре 1843 года. Одна несчастная девушка, оказавшись в таком положении и не зная, что предпринять, утопилась в канале в августе 1844 года. Швеи обычно живут нищенски в маленьких мансардах, причём в каждой из них их набивается столько, сколько только может

* Ср. «Weekly Dispatch», 16 марта 1844 года.

вместиться, и зимой единственным средством для обогрева большей частью служит естественная теплота организмов живущих здесь людей. Здесь они гнут спину над работой, шьют с 4—5 часов утра до полуночи, в несколько лет разрушают своё здоровье и готовят себе раннюю могилу, не имея возможности удовлетворить даже своих самых насущных потребностей *, между тем как внизу по улице проносятся блестящие экипажи крупной буржуазии и, быть может, тут же поблизости какой-нибудь ничтожный дэнди проигрывает в один вечер в фараон больше денег, чем они могут заработать в течение целого года.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 433—436

Перейдём теперь к важнейшим отраслям английской горной промышленности — к железным рудникам и каменноугольным копям, которые «Отчёт комиссии по обследованию детского труда» рассматривает вместе и притом очень подробно, как этого и требует важность предмета. Почти вся первая часть этого отчёта касается положения рабочих, занятых в этих двух отраслях. Подробное описание положения промышленных рабочих, данное мной выше, позволяет мне быть здесь настолько кратким, насколько этого требуют размеры настоящей книги.

В каменноугольных копях и железных рудниках, которые разрабатываются примерно одинаковым образом, применяется труд детей 4, 5, 7 лет, но большей частью старше 8 лет. Они используются для перетаскивания добытой руды или угля с места добычи к конной дороге или в главную шахту, а также для того, чтобы открывать и закрывать ведущие из одной части шахты в другую двери, пропуская рабочих и груз. Для наблюдения

* Томас Гуд, самый талантливый из всех современных английских юмористов и, подобно всем юмористам, человек с очень чуткой душой, но без всякой духовной энергии, опубликовал в начале 1844 г., когда описание несчастного положения швей заполняло все газеты, прекрасное стихотворение: «The Song of the Shirt» («Песня о рубашке»). Оно вызвало немало жалостливых, но бесполезных слез у буржуазных девиц. За недостатком места я не могу воспроизвести здесь это стихотворение. Первоначально оно было помещено в «Punch», а потом обошло все газеты. Положение швей обсуждалось тогда во всех газетах, и потому приводить специальные цитаты не стоит.

за этими дверями используются большей частью самые маленькие дети, которые таким образом вынуждены одиноко просиживать 12 часов в день в темноте, в тесном, большей частью сыром проходе, не имея даже достаточно работы, чтобы спастись от оупляющей скуки ничегонеделания. Зато перетаскивание угля и железной руды — очень тяжёлый труд, потому что довольно большие ящики без колёс, наполненные породой, приходится тащить волоком по неровному полу штолен, часто по сырой глине или по воде, по крутым подъёмам и проходам, иногда столь тесным, что рабочим приходится пробираться по ним ползком. Поэтому для этой тяжёлой работы используются дети постарше и девочки-подростки. Смотря по обстоятельствам, на каждый ящик для руды приходится один взрослый рабочий или двое детей, из которых один тащит, а другой сзади подталкивает...

Дети и подростки, занятые перетаскиванием угля и железной руды, все жалуются на большую усталость. Даже в тех промышленных заведениях, где царит самая бессовестная эксплуатация, мы не встречаем такого всеобщего и такого крайнего истощения. Многочисленные примеры этого приведены на каждой странице отчёта. Очень часто случается, что дети, вернувшись домой, падают на каменный пол у очага и тотчас же засыпают, что они даже не в состоянии что-нибудь съесть, и родители должны их сонных умыть и укладывать в постель. Часто дети от усталости падают и засыпают по дороге, и родителям приходится разыскивать их глубокой ночью и сонных приводить домой. Обычным, по-видимому, является то, что по воскресеньям эти дети значительную часть дня проводят в постели, чтобы хоть несколько отдохнуть от работы за неделю; церковь и школу посещают лишь немногие дети, да и на тех учителя жалуются, что, при всём своём желании учиться, они всё время находятся в сонливом состоянии и очень тупы. Так же обстоит дело с девушками и женщинами. Их самым жестоким образом заставляют работать через силу. — Эта усталость, почти всегда доведённая до крайне болезненного состояния, не остаётся без влияния на организм рабочих...

...Женщины, по-видимому, особенно страдают от этой работы; сложение их редко бывает вполне нормальным,

вернее — почти никогда не бывает таким. В отчёте приведены также многие доказательства того, что работа в рудниках и копях вызывает у женщин ненормальности в строении таза, влекущие за собой тяжёлые роды, часто даже кончающиеся смертью...

Женщины и дети, которые должны оттаскивать уголь, запрягаются в ящики для руды при помощи сбруи и цепи, проходящей иногда между ног, и ползут на четвереньках по низким штольням, а сзади другой подталкивает головой и руками. Подталкивание головой вызывает местное раздражение, болезненные опухоли и нарывы. Во многих случаях штольни к тому же бывают сырыми, так что рабочим приходится ползти по грязной или солёной воде в несколько дюймов глубиной, что также вызывает раздражение кожи. Нетрудно представить себе, в какой мере способствует развитию болезней, и без того свойственных углекопам, такой ужасный, невольничий труд...

Что касается умственного развития и нравственности рабочих горных промыслов, то, согласно «Отчёту комиссии по обследованию детского труда», и с тем и с другим дело обстоит в Корнуэлле сносно, а в Олстон-Муре даже превосходно; зато в угольных районах и умственный и нравственный уровень в общем очень невысокий. Рабочие живут в деревне, в глухих местах, и, коль скоро они выполняют свою тяжёлую работу, никто кроме полиции ими не интересуется. Вследствие этого, а также и потому, что дети начинают работать в очень юном возрасте, духовное развитие их находится на очень низком уровне. Обычные школы им недоступны, вечерние и воскресные школы ничего не дают — учителя никуда не годятся. Поэтому лишь немногие умеют читать и ещё меньше — писать. Единственное, что они, по свидетельству членов комиссии, понимают, это то, что за свой тяжёлый и опасный труд они получают слишком ничтожную заработную плату. — Церкви они не посещают никогда или почти никогда; все священники жалуются на невиданное отсутствие религиозного чувства. И действительно, эти люди обнаруживают такое невежество в религиозных и мирских вопросах, перед которым бледнеют приведённые нами выше примеры, касающиеся промышленных рабочих. Религиозные понятия им знакомы только по ругательствам, а нравственность

их разрушается самими условиями их труда. Ясно само собой, что переутомление всех углекопов не может не способствовать пьянству. Что касается нравственности в отношениях между полами, то достаточно сказать, что вследствие высокой температуры в копиях мужчины, женщины и дети работают нередко совсем голые, а в большинстве случаев едва прикрытые. К каким это ведёт последствиям в тёмных и уединённых коридорах копей, каждый может себе представить. Несоразмерно большое число внебрачных детей достаточно ясно показывает, что происходит там среди этих наполовину одичавших людей; но оно доказывает также, что внебрачные половые сношения здесь не дошли ещё, как в городах, до проституции. Труд женщин имеет здесь такие же последствия, как и на фабриках: он разрушает семью и совершенно лишает женщину возможности выполнять свои материнские и домашние обязанности.

Когда «Отчёт комиссии по обследованию детского труда» был представлен в парламент, лорд *Эшли* поспешил внести законопроект, без всяких оговорок запрещающий в рудниках и копиях труд женщин и очень ограничивавший труд детей. Закон прошёл², но в большинстве местностей он остался мёртвой буквой, потому что даже не назначили горных инспекторов, которые следили бы за его исполнением. К тому же в сельских округах, где находятся горные промыслы, обойти закон и без того очень легко. Поэтому не приходится удивляться, если в прошлом году союз углекопов официально уведомил министра внутренних дел, что в копиях герцога Гамильтона в Шотландии работает свыше 60 женщин, и если при опубликовании газетой «*Manchester Guardian*» сообщения о том, что, если не ошибаюсь, вблизи Уигана во время взрыва копи погибла девушка, никто и внимания не обратил на то, что этим был обнаружен факт нарушения закона. В некоторых отдельных случаях закон, может быть, и соблюдается, но в общем всё осталось по-старому.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 466—473

«КАПИТАЛ»

а) ПРИСВОЕНИЕ КАПИТАЛОМ
ДОБАВОЧНЫХ РАБОЧИХ СИЛ.
ЖЕНСКИЙ И ДЕТСКИЙ ТРУД

Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством применения рабочих без мускульной силы или не достигших полного физического развития, но обладающих более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин! Этот мощный заменитель труда и рабочих превратился тем самым немедленно в средство увеличивать число наемных рабочих, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи без различия пола и возраста. Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но овладел и обычным временем свободного труда в домашнем кругу для нужд самой семьи*.

Стоимость рабочей силы определяется рабочим временем, необходимым для существования не только отдельного взрослого рабочего, но и рабочей семьи. Выбрасывая всех членов рабочей семьи на рынок труда, машины распределяют стоимость рабочей силы мужчины на всю его семью. Поэтому они понижают стоимость его рабочей силы. Быть может, купля семьи, раздроб-

* Во время хлопкового кризиса, сопровождавшего Гражданскую войну в Америке, д-р Эдуард Смит был послан английским правительством в Ланкашир, Чешир и т. д. для обследования состояния здоровья рабочих хлопчатобумажной промышленности. Он сообщает между прочим: в гигиеническом отношении кризис, помимо вытеснения им рабочих из фабричной атмосферы, имел и многие другие положительные последствия. Жены рабочих находят теперь необходимый досуг, чтобы покормить детей грудью, вместо того чтобы отравлять их микстурой Годфри (опиумным препаратом). У них теперь появилось время, чтобы научиться стряпать. К несчастью, это поварское искусство было постигнуто в такой момент, когда им нечего было есть. Но из этого видно, до какой степени капитал узурпировал для своего самовозрастания труд, необходимый для потребностей семьи. Точно так же кризис был использован с той целью, чтобы в особых школах научить дочерей рабочих шитью. Понадобились американская революция и мировой кризис, чтобы рабочие девушки, которые придут для всего мира, научились шить!

ленной на 4 рабочих силы, стоит дороже, чем раньше стоила купля рабочей силы главы семьи, но зато теперь 4 рабочих дня заступают место одного, и их цена понижается пропорционально превышению прибавочного труда четырех над прибавочным трудом одного. Для существования одной семьи теперь четверо должны доставлять капиталу не только труд, но и прибавочный труд. Таким образом, машины вместе с человеческим материалом эксплуатации, этой настоящей аренной капиталистической эксплуатации *, с самого начала увеличивают и степень эксплуатации.

Машины революционизируют также до основания формальное выражение капиталистического отношения, договор между рабочим и капиталистом. На базисе товарообмена предполагалось прежде всего, что капиталист и рабочий противостоят друг другу как свободные личности, как независимые товаровладельцы: один — как владелец денег и средств производства, другой — как владелец рабочей силы. Но теперь капитал покупает несовершеннолетних или малолетних. Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которой он располагал как формально свободная личность. Теперь он продает жену и детей. Он становится рабо-

* «Численный рост рабочих был велик вследствие усиливающейся замены труда мужчин трудом женщин и особенно труда взрослых трудом малолетних. Три девочки 13-летнего возраста, с заработной платой от 6 до 8 шилл. в неделю, заменяют взрослого мужчину, плата которого колеблется от 18 до 45 шиллингов». (*Th. De Quincey*. «*The Logic of Political Economy*». London, 1844, примечание к стр. 147). Так как без некоторых функций, необходимых в семье, например присмотра за детьми и кормления их, невозможно совсем обойтись, то матерям, отнятым капиталом, приходится в большей или меньшей мере прибегать к услугам заместителей. Работы, которых требует потребление семьи, например шитье, починка и т. д., приходится заменять покупкой готовых товаров. Уменьшению затраты домашнего труда соответствует поэтому увеличение денежных расходов. Поэтому издержки производства рабочей семьи возрастают и уравнивают увеличение дохода. К этому присоединяется то обстоятельство, что делаются невозможными экономия и целесообразность в пользовании жизненными средствами и в их приготовлении. Об этих фактах, которые утаиваются официальной политической экономией, богатый материал можно найти в отчетах фабричных инспекторов, в отчетах Комиссии по исследованию условий детского труда, а в особенности в отчетах о здоровье населения.

торговцем*. Спрос на детский труд часто и по форме напоминает спрос на негров-рабов, образчики которого мы привыкли встречать в объявлениях американских газет.

«Мое внимание»,— рассказывает, например, один английский фабричный инспектор,— «привлекло объявление в местной газете одного из значительнейших мануфактурных городов моего округа. Объявление гласит: «Требуется 12—20 мальчиков в таком возрасте, чтобы они могли сойти за 13-летних. Плата 4 шилл. в неделю. Спросить и т. д.»**.

Фраза «чтобы они могли сойти за 13-летних» объясняется тем, что согласно фабричному акту дети моложе 13 лет могут работать только 6 часов. Официальный врач (certifying surgeon) должен удостоверить возраст. Поэтому фабрикант требует таких мальчиков, которые выглядят так, будто им уже минуло 13 лет. Уменьшение числа занятых фабрикантами детей моложе 13 лет, совершающееся нередко скачками и так поражающее в английской статистике за последние 20 лет, по словам самих фабричных инспекторов, было в большой мере делом этих certifying surgeons, изменяющих возраст детей сообразно эксплуататорской жажде капиталистов и торгашеской потребности родителей. В Бетнал-Грине, печально известном районе Лондона, каждый понедельник и вторник утром совершается открытый торг, на

* В противоположность тому великому факту, что ограничение женского и детского труда на английских фабриках было завоевано у капитала взрослыми рабочими-мужчинами, еще самые недавние отчеты Комиссии по обследованию условий детского труда отмечают поистине возмутительные и вполне достойные работорговцев черты рабочих-родителей в том, что касается торгашества детьми. А капиталистические фарисеи, как можно видеть из тех же отчетов, обличают это ими же самими созданное, увековечиваемое и эксплуатируемое зверство, которое в других случаях они называют «свободой труда». «Детский труд был призван на помощь... даже для того, чтобы дети зарабатывали себе собственный хлеб насущный. Не имея сил выдержать такой непомерный труд, не имея подготовки, необходимой для направления своей дальнейшей жизни, они были поставлены в положение, оскверняющее физически и нравственно. Еврейский историк по поводу разрушения Иерусалима Титом заметил, что нет ничего удивительного в том, что он подвергся такому необыкновенному опустошению, раз одна бесчеловечная мать пожертвовала своим собственным ребенком для утоления мук ужасного голода» («Public Economy Concentrated». Carlisle, 1833, p. 66).

** А. Редгрейв в «Reports of Insp. of Fact. for 31 st October 1858», p. 41.

котором дети обоого пола с 9-летнего возраста сами отдают себя внаем на лондонские шелковые мануфактуры. «Обычные условия — 1 шилл. 8 пенсов в неделю (это отдается родителям), 2 пенса для меня самого и чай». Договоры заключаются только на неделю. Сцены и язык на этом рынке поистине возмутительны*. В Англии до сих пор еще случается, что женщины «берут мальчиков из рабочего дома и отдают их внаем какому угодно покупателю по 2 шилл. 6 пенсов в неделю»**. Вопреки законодательству все еще по меньшей мере до 2000 мальчиков продается в Великобритании своими родителями в качестве живых трубочистных машин (хотя для замены их существуют действительные машины)***. Вызванная машиной революция в правовом отношении между покупателем и продавцом рабочей силы, лишившая всю эту сделку даже видимости договора между свободными лицами, впоследствии дала английскому парламенту юридическое основание для государственного вмешательства в фабричное дело. Каждый раз, когда фабричный закон ограничивает 6 часами детский труд в незатронутых до того времени отраслях промышленности, все снова и снова раздаются вопли фабрикантов: некоторые родители, — говорят они, — берут своих детей из подлежащей регулированию промышленности только затем, чтобы продать их в такие отрасли, где все еще господствует «свобода труда», т. е. туда, где дети моложе 13 лет вынуждены работать наравне со взрослыми и, следовательно, могут быть проданы подороже. Но так как капитал по своей природе уравнитель, т. е. требует, как прирожденного права человека, равенства условий эксплуатации труда во всех отраслях производства, то законодательное ограничение детского труда в одной отрасли промышленности становится причиной его ограничения в другой отрасли.

Мы уже раньше указывали на физическую деградацию детей и подростков, равно как и жен рабочих,

* «Children's Employment Commission. 5th Report». London, 1866, p. 81, № 31. {И 4 изданию. Шелковая промышленность в Бетнал-Грине в настоящее время почти совсем уничтожена. Ф. Э. }

** «Children's Employment Commission. 3rd Report». London, 1864, p. 53, № 15.

*** Там же, «5th Report», p. XXII, № 137.

которых машина подчиняет эксплуатации капитала сначала прямо — на фабриках, возникающих на ее базе, — а потом косвенно — во всех других отраслях промышленности. Поэтому здесь мы остановимся только на одном пункте, на колоссальной смертности детей рабочих в первые годы их жизни. В Англии имеется 16 регистрационных округов, в которых на 100 000 детей до одного года приходится в среднем только 9 085 смертных случаев в год (в одном округе лишь 7 047); в 24 округах больше 10 000, но меньше 11 000; в 39 округах больше 11 000, но меньше 12 000; в 48 округах больше 12 000, но меньше 13 000; в 22 округах больше 20 000; в 25 округах больше 21 000; в 17 свыше 22 000; в 11 больше 23 000; в Ху, Вулвергемптоне, Аштон-андер-Лайне и Престоне больше 24 000; в Ноттингеме, Стокпорте и Бадфордере больше 25 000; в Уисбиче 26 001 и в Манчестере 26 125 *. Как показало официальное врачебное обследование в 1861 г., причиной такой высокой смертности являются, не считая местных обстоятельств, главным образом занятие матерей вне дома и вытекающие отсюда отсутствие ухода за детьми и плохое обращение с ними, между прочим неподходящее питание, недостаток питания, кормление препаратами опиума и т. д.; к этому присоединяется противоестественное отчуждение матерей от своих детей, а за ним преднамеренное недокармливание и отравление **. Напротив, в таких земледельческих округах, «где женщины наименее заняты, процент смертности наименьший» ***. Однако следственная комиссия 1861 г. пришла к тому неожиданному выводу, что в некоторых чисто земледельческих округах, расположенных по побережью Северного моря, смертность детей до одного года почти достигает ее размеров в фабричных округах, наиболее прославленных в этом отношении. Поэтому д-ру Джулиану Хантеру было предложено изучить это явление на месте. Его отчет прило-

* «Sixth Report on Public Health». London, 1864, p. 34.

** «Более того, оно» (обследование 1861 г.) «...показало, что при описанных обстоятельствах дети умирают вследствие плохого обращения и отсутствия ухода, что обусловливается занятостью их матерей. Матери до такой степени утрачивают естественные чувства к своим детям, что обыкновенно не огорчаются их смертью, а иногда даже... прямо принимают меры, чтобы вызвать ее» (там же).

*** «Sixth Report on Public Health». London, 1864, p. 454.

жен к «Sixth Report on Public Health» *. До того времени предполагали, что детей косят малярия и другие болезни, свойственные низким и болотистым местам. Обследование привело к прямо противоположному выводу, а именно,

«что та самая причина, которая уничтожила малярию, т. е. превращение в плодородную пашню земли, представлявшей собой болото зимой и скудное пастбище летом, вызвала необыкновенно высокую смертность среди грудных детей»**.

70 практикующих в этом округе врачей, которых опросил д-р Хантер, были «поразительно единодушны» насчет этого пункта. Именно, одновременно с революцией в земледельческой культуре здесь было положено начало и промышленной системе.

«Замужние женщины, работающие вместе с девушками и подростками, за определенную сумму предоставляются в распоряжение арендатора особым лицом, которое называется «gangmeister» и договаривается о найме всей группы. Эти группы часто перекочевывают за многие мили от своих деревень; утром и вечером их можно встретить по проселочным дорогам; женщины одеты в короткие юбки и соответствующие кофты и сапоги, иногда в штаны, очень сильны и здоровы на вид, но испорчены вошедшим в привычку распутством и нисколько не думают о тех вредных последствиях, которые их любовь к такой деятельной и независимой жизни обрушивает на их детей, чахнувших дома» ***.

Все явления фабричных округов наблюдаются и здесь, а замаскированное детоубийство и кормление детей опиатами даже еще в большей степени ****.

«Мое знакомство со злом, которое порождается широким применением труда взрослых женщин в промышленности, должно послужить оправданием моего отвращения к этому

* «Sixth Report on Public Health». London, 1864, p. 454, 462. «Reports by Dr. Henry Julian Hunter on the excessive mortality of infants in some rural districts of England».

** «Sixth Report on Public Health». London, 1864, p. 35, 455, 456.

*** Там же, стр. 456.

**** Как в фабричных, так и в земледельческих округах Англии потребление опиума взрослыми рабочими и работницами все увеличивается. «Увеличение сбыта опиума... составляет главную цель некоторых предприимчивых оптовых торговцев. Аптекари признают опиум самым ходовым товаром» (там же, стр. 459). Грудные дети, принимающие опиум, «сморщиваются в маленьких старичков или съеживаются в обезьянок» (там же, стр. 460). Вот как Индия и Китай мстят Англии!

факту», — говорит д-р Саймон, медицинский инспектор английского Тайного совета³ и главный редактор отчетов о здоровье населения *. «Действительно», — восклицает фабричный инспектор Р. Бейкер в одном официальном отчете, — «будет счастьем для мануфактурных округов Англии, если всем замужним женщинам, имеющим семью, будет воспрещено работать на какой бы то ни было фабрике» **.

Моральное калечение, вытекающее из капиталистической эксплуатации женского и детского труда, с такой исчерпывающей полнотой описано Ф. Энгельсом в его «Положении рабочего класса в Англии» и другими авторами, что я здесь ограничиваюсь простым напоминанием об этом. Интеллектуальное же одичание, искусственно вызываемое превращением незрелых людей в простые машины для производства прибавочной стоимости и совершенно отличное от того природного невежества, при котором ум остается нетронутым без ущерба для самой его способности к развитию, его естественной плодovitости, — это одичание заставило, наконец, даже английский парламент провозгласить начальное образование обязательным условием «производительного» потребления детей до 14-летнего возраста во всех отраслях промышленности, подчиненных фабричному законодательству...

Присоединяя подавляющее количество детей и женщин к комбинированному рабочему персоналу, машина сламывает, наконец, сопротивление, которое в мануфактуре мужчина-рабочий еще оказывал деспотизму капитала ***.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 406—413

* «Sixth Report on Public Health». London, 1864, p. 37.

** «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1862», p. 59. Этот фабричный инспектор раньше был врачом.

*** «Г-н Э., фабрикант, сообщил мне, что на своих механических ткацких станках он дает работу исключительно женщинам; он предпочитает замужних женщин, в особенности женщин с семьей, которую они содержат; они много внимательнее и послушнее, чем незамужние, и вынуждены до крайности напрягать свои силы, чтобы добывать необходимые средства к жизни. Так, добродетели, — добродетели, свойственные характеру женщин, обращаются во вред им, так нравственная нежная сторона их природы превращается в средство их порабощения, в источник их страданий» («Ten Hours' Factory Bill. The Speech of Lord Ashley, 15th March». London, 1844, p. 20).

...Эксплуатация дешевых и незрелых рабочих сил приобретает в современной мануфактуре еще более бесстыдный характер, чем в собственно фабрике, потому что техническая основа последней, замещение мускульной силы машинами и легкость труда, в мануфактуре по большей части отсутствует; притом в мануфактуре женский организм или еще не окрепший организм малолетних самым бессовестным образом предается действию ядовитых веществ и т. д...

с) СОВРЕМЕННАЯ МАНУФАКТУРА

На нескольких примерах я поясню приведенные выше положения. В сущности читатель уже знает многочисленные иллюстрации из главы о рабочем дне. Металлообрабатывающие мануфактуры в Бирмингеме и окрестностях на работах, по большей части очень тяжелых, применяют 30 000 детей и подростков и 10 000 женщин. Мы встречаем их здесь во вредных для здоровья меднолитейных, фабриках пуговиц, на работах по глазуровке, гальванизированию и лакировке*. Чрезмерный труд взрослых и малолетних обеспечил различным лондонским газетным и книжным типографиям достойное прозвище «бойни»**. В переплетных заведениях — такой же чрезмерный труд, жертвами которого здесь являются женщины, девушки и дети. Тяжелый труд малолетних на канатных предприятиях, ночной труд на соляных заводах, свечных и других химических мануфактурах, убийственное применение труда подростков для вращения ткацких станков на шелкоткацких предприятиях, которые не пользуются механической двигательной силой***. Одна из наиболее отвратительных, грязных и хуже всего оплачиваемых работ, где преимущественно применяются молодые девушки и женщины, — это сортировка тряпья. Как известно, Великобритания, не говоря уже об огромной массе ее собственного тряпья, служит мировым центром тряпичной

* И даже в насечке напильников в Шеффилде заняты дети!

** «Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, р. 3, № 24; р. 6, № 55, 56; р. 7, № 59, 60.

*** Там же, стр. 114, 115, № 6—7. Член комиссии справедливо указывает, что если обычно машина замещает человека, то здесь подросток в буквальном смысле замещает машину.

торговли. Тряпье привозится сюда из Японии, отдаленнейших государств Южной Америки и с Канарских островов. Но главные источники тряпья, привозимого в Великобританию,— Германия, Франция, Россия, Италия, Египет, Турция, Бельгия и Голландия. Тряпье идет на удобрения, используется для производства оческов (для набивки матрацев и тюфяков), shoddy (искусственной шерсти) и в качестве сырого материала для производства бумаги. Женщины, сортировщицы тряпья, служат посредниками по распространению оспы и других заразных болезней, первыми жертвами которых являются они сами*. Классическим примером чрезмерного труда, тяжелой и неподходящей работы и связанного с этим огрубения рабочих, эксплуатируемых с самого юного возраста, могут служить, кроме рудников и угольных копей, черепичные и кирпичные заводы, на которых вновь изобретенная машина применяется в Англии (1866 г.) пока лишь спорадически. С мая по сентябрь работа продолжается с 5 часов утра до 8 часов вечера и, если сушка производится на открытом воздухе, часто с 4 часов утра до 9 часов вечера. Рабочий день с 5 часов утра до 7 часов вечера считается «сокращенным», «умеренным». Дети обоего пола принимаются на работу с 6- и даже с 4-летнего возраста. Они работают столько же часов, как и взрослые, часто больше взрослых. Труд тяжелый, а летний зной еще больше изнуряет. Например, на кирпичном заводе в Мосли одна 24-летняя девушка делала 2 000 кирпичей в день, ей помогали две малолетние девочки, которые таскали глину и складывали кирпичи. Эти девочки вытаскивали ежедневно 10 тонн глины по скользким стенкам ямы с глубины в 30 футов и переносили ее на расстояние 210 футов.

«Невозможно пройти ребенку через чистилище кирпичного завода без того, чтобы не пасть нравственно... Непристойности, которые им приходится слышать с самого нежного возраста, грязные, неприличные и бесстыдные привычки, среди которых они вырастают в невежестве и одичании, превращают их на всю дальнейшую жизнь в непутевых, отверженных, распутных людей... Способ расквартирования служит ужасающим источником деморализации. Каждый moulder (формовщик)» (собствен-

* См. отчет о торговле тряпьем и многочисленные иллюстрации в «Public Health, 8th Report». London, 1866, Appendix, p. 196—208.

но искусный рабочий и глава группы рабочих) «дает своей артели из 7 человек квартиру и стол в своей хижине или коттедже. В этой хижине спят мужчины, юноши и девушки независимо от того, принадлежат они к семье формовщика или нет. Хижина обыкновенно состоит из 2 и лишь в исключительных случаях из 3 полуподвальных комнат с недостаточной вентиляцией. Люди настолько изматываются за день изнурительного труда, что нечего и думать о соблюдении каких бы то ни было правил гигиены, чистоты и приличия. Многие из этих хижин могут служить настоящими образцами беспорядка, грязи и пыли... Величайшее зло системы, применяющей молодых девушек на работах этого рода, заключается в том, что она, как правило, с раннего детства на всю жизнь связывает их крепко с самым отверженным отребьем. Прежде чем природа скажет им, что они — женщины, они превращаются в грубых, сквернословящих мальчишек (*tough, foul-mouthed boys*). Одеты в скучное, грязное тряпье, с ногами, обнаженными много выше колен, с волосами и лицом, покрытыми грязью, они привыкают с презрением относиться ко всякому чувству благопристойности и стыда. В обеденное время они лежат, растянувшись на земле, или подсматривают за парнями, которые купаются в соседнем канале. Закончив свой тяжелый дневной труд, они одевают платья получше и сопровождают мужчин в пивные».

Естественно, что среди всего этого класса с самого детства царит страшное пьянство...

д) СОВРЕМЕННАЯ РАБОТА НА ДОМУ

Теперь я обращаюсь к так называемой работе на дому. Чтобы составить себе представление об этой сфере эксплуатации, которую капитал осуществляет на задворках крупной промышленности, и о чудовищности этой эксплуатации, можно было бы рассмотреть, например, внешне совсем идиллический гвоздарный промысел, которым занимаются в некоторых захолустных деревнях Англии... Здесь достаточно будет остановиться на нескольких примерах таких отраслей, как производство кружев и соломенных плетений, в которых еще вовсе не применяются машины или которые конкурируют с машинным и мануфактурным производством.

Из тех 150 000 человек, которые заняты в кружевном производстве Англии, примерно на 10 000 распространяется действие фабричного акта 1861 года. Подавляющее большинство остальных 140 000 — женщины, подростки и дети обоего пола, причем мужской пол представлен лишь очень слабо. Состояние здоровья этого «дешевого» материала эксплуатации видно из следующей

сводки д-ра Трумэна, врача при общей поликлинике для бедных в Ноттингеме. Из 686 пациентов, кружевниц, по большей части в возрасте 17—24 лет, чахоточных было *;

1852 г. 1 на 45	1857 г. 1 на 13
1853 » 1 » 28	1858 » 1 » 15
1854 » 1 » 17	1859 » 1 » 9
1855 » 1 » 18	1860 » 1 » 8
1856 » 1 » 15	1861 » 1 » 8

Это прогрессивное возрастание процента чахоточных должно удовлетворить и наиболее оптимистических прогрессистов, и лживых немецких разносчиков теории свободной торговли.

Фабричный акт 1861 г. регулирует собственно изготовление кружев, поскольку оно производится машинами, а это является общим правилом для Англии. Отрасли, на которых мы здесь останавливаемся вкратце,— и притом лишь по отношению к так называемым домашним рабочим, а не к тем, которые концентрируются в мануфактурах, магазинах и т. д.,— распадаются: 1) на lace finishing (окончательная отделка кружев, изготавливаемых машинным способом; эта категория, в свою очередь, охватывает многочисленные подразделения); 2) вязание кружев.

Lace finishing производится в форме работы на дому, либо в так называемых «mistresses houses» [«домах хозяйек»], либо в частных квартирах женщин, которые работают одни или со своими детьми. Женщины, которые содержат «mistresses houses», сами бедны. Мастерская образует часть их собственной квартиры. Они получают заказы от фабрикантов, владельцев магазинов и т. д. и нанимают женщин, девушек и маленьких детей в количестве, соответствующем размеру их комнаты и колебаниям спроса в данной отрасли промышленности. Число занятых работниц изменяется от 20 до 40 в одних из этих мастерских и от 10 до 20 в других. Средний минимальный возраст, в котором дети начинают работать,— 6 лет, однако некоторые начинают работать даже в возрасте до 5 лет. Рабочее время обыкновенно

* «Children's Employment Commission. 2nd Report», p. XXII, № 166.

продолжается от 8 часов утра до 8 часов вечера с 1½-часовым перерывом для принятия пищи, которое совершается нерегулярно и часто в той же зловонной рабочей дыре. При хорошем состоянии дел работа часто продолжается с 8 (иногда с 6) часов утра до 10, 11 или 12 часов ночи. В английских казармах на каждого солдата полагается 500—600 кубических футов, в военных лазаретах — 1 200. А в этих рабочих дырах приходится 67—100 кубических футов на человека. В то же время газовое освещение поглощает кислород воздуха. Чтобы держать кружева в чистоте, дети часто должны снимать башмаки, даже зимой, хотя пол сделан из каменных плит или кирпича.

«В Ноттингеме можно нередко увидеть 15—20 детей, набитых в одну маленькую комнату, быть может не более 12 футов в длину и ширину, занятых по 15 часов в сутки работой, которая и сама по себе изнуряет тоскливостью и монотонностью, да и ведется при таких антисанитарных условиях, какие только можно представить... Даже самые маленькие дети работают с напряженным вниманием и скоростью, вызывающими удивление, и почти никогда не позволяют своим пальцам отдохнуть или двигаться помедленнее. Если к ним обращаются с вопросом, они не отрывают глаз от работы, боясь потерять хотя бы одну секунду».

«Длинная палка» служит для «mistresses» средством подгонять детей тем больше, чем больше удлиняется рабочее время.

«Дети мало-помалу утомляются и становятся беспокойными, как птицы, к концу того длинного времени, на которое они привязаны к своей работе, монотонной, вредной для глаз, утомительной вследствие отсутствия перемен в положении тела... Это — настоящий рабский труд» («Their work is like slavery»)*.

Где женщины работают вместе со своими собственными детьми у себя на дому, т. е. в современном смысле в комнате, которую они снимают, часто на чердаке, положение еще хуже, если оно вообще может быть хуже. Этого рода работа раздается на 80 миль вокруг Ноттингема. Когда ребенок, работающий в магазине, уходит из него в 9 или 10 часов вечера, на дорогу ему часто дают еще целый узел для работы на дому. Капиталистический фарисей, в лице одного из своих наемных

* «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, р. XIX, XX, XXI.

холопов, конечно, произносит при этом елейную фразу: «это для матери», хотя очень хорошо знает, что бедный ребенок должен будет засесть и помогать матери *.

Кружевная промышленность распространена преимущественно в двух земледельческих округах Англии — в кружевном округе Хонитона, охватывающем полосу в 20—30 миль вдоль южного побережья Девоншира и отдельные места Северного Девона, и в другом округе, который охватывает значительную часть графств Бакингам, Бедфорд, Нортгемптон и соседние части Оксфордшира и Хантингдоншира. Коттеджи батраков служат обычно и мастерскими. Некоторые владельцы мануфактур применяют более 3 000 таких домашних рабочих, преимущественно детей и подростков, исключительно женского пола. Здесь снова наблюдаются условия, описанные в связи с lace finishing. Разница лишь в том, что вместо «mistresses houses» выступают так называемые «lace schools» («школы вязанья кружев»), которые содержатся бедными женщинами в их хижинах. С 5-летнего возраста, иногда даже раньше, и до 12—15-летнего работают дети в этих школах — в первый год самые маленькие по 4—8 часов, впоследствии с 6 часов утра до 8—10 часов вечера.

«Как правило, комнаты — обычные жилые помещения маленьких коттеджей, камин законопачен в целях предотвращения сквозняка, обитатели иногда и зимой согреваются только своей собственной теплотой. В других случаях так называемые школьные комнаты — это помещения, похожие на маленькие чуланы, без отопления... Переполнение этих лачуг и вызываемая этим порча воздуха часто достигают крайней степени. К этому присоединяется вредное влияние стоков, отхожих мест, разлагающихся веществ и другой грязи, что обычно бывает возле маленьких коттеджей». Относительно помещений: «В одной школе вязанья кружев 18 девушек и мастерица, 33 кубических фута на каждого человека; в другой, где вонь невыносима, 18 человек, по 24 $\frac{1}{2}$ кубических фута на человека. На работе в этом производстве встречаются дети 2—2 $\frac{1}{2}$ лет» **.

Там, где в сельских графствах Бакингема и Бедфорда нет вязанья кружев, начинается плетение из соломы. Оно распространяется на значительную часть Харт-

* «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, р. XXI, XXII.

** Там же, р. XXIX, XXX.

фордшира и западные и северные части Эссекса. В 1861 г. в производстве соломенных плетений и соломенных шляп было занято 48 043 человека, из них 3 815 мужского пола всех возрастов, остальные — женского пола, в частности 14 913 до 20 лет, в том числе около 7 000 детей. Вместо школ вязанья кружев здесь появляются «straw plait schools» («школы плетения из соломы»). Дети начинают обучаться в них соломоплетению обыкновенно с 4 лет, иногда в возрасте между 3 и 4 годами. Воспитания они, конечно, не получают никакого. Начальные школы сами дети называют «natural schools» («настоящими школами») в отличие от этих учреждений-кровопийц, в которых их держат за работой просто для того, чтобы выполнить задание, которое им дают их полуголодные матери, — в большинстве случаев 30 ярдов в день. Эти же матери потом часто заставляют детей работать еще дома до 10, 11, 12 часов ночи. Солома режет им пальцы и рот, так как они постоянно смачивают ее слюной. Согласно общему мнению медицинских инспекторов Лондона, резюмированному д-ром Баллардом, 300 кубических футов на человека представляют минимум для спален и мастерских. Между тем в школах плетения из соломы помещение еще теснее, чем в школах вязанья кружев: $12\frac{2}{3}$, 17, $18\frac{1}{2}$ и меньше 22 кубических футов на человека.

«Меньшие из этих цифр», — говорит член комиссии Уайт, — «представляют помещение меньше половины того пространства, которое занял бы ребенок, упакованный в ящик, имеющий по 3 фута по всем трем измерениям».

Такую радость жизни испытывают дети до 12—14-летнего возраста. Бедные, опустившиеся родители только и думают о том, как бы побольше выколотить из своих детей. Выросши, дети, естественно, не ставят родителей ни в грош и оставляют их.

«Неудивительно, что невежество и пороки характеризуют это население, получающее воспитание такого рода... Его нравственность стоит на самой низкой ступени... Значительное число женщин имеет незаконных детей, причем многие из них становятся матерями в таком незрелом возрасте, что поражаются даже люди, наиболее осведомленные в вопросах уголовной статистики» *.

* «Children's Employment Commission. 2nd Report», 1864, p. XL, XLI.

И родина этих образцовых семей — образцовая христианская страна Европы, как говорит граф Монталамбер, несомненно компетентный в христианстве!

Заработная плата, вообще жалкая в только что описанных отраслях промышленности (представляющая исключение максимальная плата детей в школах плетения из соломы составляет 3 шилл.), понижается еще ниже своей номинальной величины вследствие truck-system [системы оплаты труда товарами], получившей всеобщее распространение в особенности в округах с кружевным производством*.

**е) ПЕРЕХОД СОВРЕМЕННОЙ МАНУФАКТУРЫ
И РАБОТЫ НА ДОМУ В КРУПНУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.
УСКОРЕНИЕ ЭТОЙ РЕВОЛЮЦИИ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ
ФАБРИЧНЫХ ЗАКОНОВ НА СОВРЕМЕННУЮ
МАНУФАКТУРУ И РАБОТУ НА ДОМУ**

Удешевление рабочей силы путем простого злоупотребления рабочей силой женщин и малолетних, путем простого лишения труда всех тех условий, при которых труд и жизнь могут протекать нормально, путем жестокости чрезмерного и ночного труда в конце концов наталкивается на известные естественные границы, которые невозможно преступить, а вместе с тем на эти границы наталкиваются покоящиеся на таких основаниях удешевление товаров и капиталистическая эксплуатация вообще. Когда этот пункт, наконец, достигается, — а до этого проходит долгое время, — наступает пора введения машин и быстрого с этого момента превращения раздробленной работы на дому (а также мануфактуры) в фабричное производство.

Самый яркий пример этого движения дает производство «wearing apparel» (предметов одежды). По классификации Комиссии по обследованию условий детского труда, эта отрасль промышленности охватывает производителей соломенных и дамских шляп и колпаков, портных, milliners и dressmakers**, белошвеек и швей,

* «Children's Employment Commission. 1st Report», 1863, p. 185.

** Millinery — производство собственно головных уборов, а также и дамских накидок и мантилий; dressmakers тождественны с нашими модистками.

корсетниц, перчаточников, башмачников и кроме того многие мелкие отрасли, как, например, производство галстуков, воротничков и т. д. Женский персонал, занятый в этих отраслях промышленности Англии и Уэльса, составлял в 1861 г. 586 298 чел., в том числе по меньшей мере 115 242 моложе 20 лет, 16 560 моложе 15 лет. Число этих работниц в Соединенном королевстве (1861 г.) — 750 334. Мужчин, занятых в том же году в шляпном, башмачном, перчаточном и швейном производстве Англии и Уэльса, было 437 969, в том числе 14 964 моложе 15 лет, 89 285 от 15 до 20 лет, 333 117 старше 20 лет. В этих данных не учтены многие относящиеся сюда более мелкие отрасли. Но если мы возьмем приведенные сейчас цифры, как они есть, то для одних только Англии и Уэльса по переписи 1861 г. получается общая сумма в 1 024 267 человек, т. е. почти столько же, сколько занято в земледелии и животноводстве. Начинаяешь понимать, для чего машины производят такую чудовищную массу продуктов и таким образом содействуют «высвобождению» столь огромных масс рабочих...

...Машиной, которая сыграла решающую революционную роль, машиной, которая в одинаковой мере охватила все бесчисленные отрасли этой сферы производства, как, например, производство модных товаров, портняжный, сапожный, швейный, шляпный промыслы и т. д., — была швейная машина.

Ее непосредственное действие на рабочих приблизительно такое же, как всех машин вообще, впервые захватывающих в период крупной промышленности новые отрасли производства. Самые малолетние дети устраниются. Заработная плата машинных рабочих повышается по сравнению с заработной платой домашних рабочих, многие из которых принадлежат к числу «беднейших из бедных» («the poorest of the poor»). Заработок находившихся в сравнительно лучшем положении ремесленников, с которыми начинает конкурировать машина, понижается. Новые машинные рабочие — исключительно девушки и молодые женщины. При содействии механической силы они уничтожают монополию мужского труда на более тяжелых работах и вытесняют массы старых женщин и малолетних детей из области более легких работ. Очень сильная конкуренция убивает наиболее слабых рабочих, выполня-

ющих ручную работу. Ужасающий рост числа случаев голодной смерти (death from starvation) в Лондоне за последнее десятилетие идет параллельно с распространением машинного шитья... Новые работницы, работающие на швейной машине, которую они приводят в движение рукой и ногой или только рукой, сидя или стоя, в зависимости от тяжести, размеров и характера машины, должны производить большую затрату рабочей силы. Их работа становится вредной для здоровья вследствие продолжительности процесса, хотя обыкновенно он короче, чем при старой системе. Повсюду, где швейная машина, например при производстве обуви, корсетов, шляп и т. д., вторгается в тесные и без того переполненные мастерские, она усиливает вредные для здоровья влияния.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 472—483

9. ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО (ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ОХРАНЕ ЗДОРОВЬЯ И ВОСПИТАНИИ). ВСЕОБЩЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕГО В АНГЛИИ

Фабричное законодательство, это первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй его процесса производства, представляет собой, как мы видели, столь же необходимый продукт крупной промышленности, как хлопчатобумажная пряжа, сельфакторы и электрический телеграф. Прежде чем говорить о всеобщем распространении фабричного законодательства в Англии, необходимо кратко упомянуть о некоторых его положениях, не касающихся числа часов рабочего дня...

Как ни жалки в общем статьи фабричного акта относительно воспитания, они объявили начальное обучение обязательным условием труда*. Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и

* Согласно английскому фабричному акту, родители не могут посылать своих детей до 14 лет в «контролируемые» фабрики, если они не обеспечивают им в то же время начального обучения. Фабрикант ответствен за соблюдение закона. «Обучение при фабриках обязательно, оно — условие работы» («Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 111).

гимнастики* с физическим трудом, а следовательно, и физического труда с обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора, выслушивая показания учителей, скоро открыли, что фабричные дети, хотя они учатся вдвое меньше, чем школьники, регулярно посещающие школу днем, тем не менее успевают пройти столько же, а часто и больше.

«Дело объясняется просто. Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы учиться. Система, при которой труд чередуется с учебой в школе, превращает каждое из этих двух занятий в отдых и освежение после другого, и, следовательно, она более подходяща для ребенка, чем непрерывность одного из этих двух занятий. Ребенок, который с раннего утра сидит в школе, особенно в жаркую погоду, не может соперничать с другим, который бодрый и возбужденный приходит с своей работы»**.

Дальнейшие доказательства можно найти в речи Сениора, произнесенной на социологическом конгрессе в Эдинбурге в 1863 году. Он указывает здесь между прочим и на то обстоятельство, что односторонний непродуводительный и продолжительный школьный день детей в старших и средних классах без пользы увеличивает труд учителей «и в то же время не только бесплодно, но и прямо во вред детям расточает их время, здоровье и энергию»***. Из фабричной системы, как можно про-

* О самых прекрасных результатах соединения гимнастики (а для юношей и военных упражнений) с обязательным обучением детей на фабриках и в школах для бедных см. речь Н. У. Сениора на седьмом годичном конгрессе Национальной ассоциации поощрения общественных наук в «Report of Proceedings etc.». London, 1863, p. 63, 64, а также отчет фабричных инспекторов от 31 октября 1865 г., стр. 118, 119, 120, 126 и сл.

** «Reports of Insp. of Fact. for 31st October 1865», p. 118. Один наивный фабрикант шелка заявляет члену Комиссии по обследованию условий детского труда: «Я вполне убежден, что секрет того, как произвести хороших рабочих, найден в соединении труда с обучением начиная с детского возраста. Конечно, труд не должен быть ни слишком напряженным, ни отталявающим, ни вредным для здоровья. Мне хотелось бы, чтобы мои собственные дети имели труд и игры как отдых от школы» («Children's Employment Commission. 5th Report», p. 82, № 36).

*** Сениор в «Report of Proceedings» седьмого годичного конгресса Национальной ассоциации поощрения общественных наук, стр. 66. До какой степени крупная промышленность, достигнув известного уровня развития, переворотом в способе материального производства и в общественных отношениях

следить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства все-сторонне развитых людей.

Мы видели, что крупная промышленность технически уничтожает мануфактурное разделение труда, пожизненно прикрепляющее к одной частичной операции всего человека, и в то же время капиталистическая форма крупной промышленности воспроизводит это разделение труда в еще более чудовищном виде: на собственно фабрике — посредством превращения рабочего в наделенный сознанием придаток частичной машины, во всех других местах — отчасти посредством спорадического применения машин и машинного труда *, отчасти

производства совершает переворот и в головах, ярко показывает сравнение речи Н. У. Сениора в 1863 г. с его филиппикой против фабричного закона 1833 г. или сопоставление взглядов упомянутого конгресса с тем фактом, что в некоторых сельских районах Англии бедным родителям все еще запрещают под угрозой голодной смерти обучать своих детей. Так, например, г-н Снелл сообщает, что если кто-либо в Сомерсетшире по бедности обращается за помощью к приходу, то по установившейся практике его заставляют взять своих детей из школы. Так, г-н Уолластон, священник в Фелтеме, рассказывает о случаях, когда некоторым семьям отказывали решительно во всяком вспомоществовании, «потому что они посылают своих детей в школу».

* В тех случаях, когда ремесленные машины, приводимые в движение силой человека, прямо или косвенно конкурируют с развитыми машинами, которые как таковые предполагают механическую двигательную силу, происходит крупная перемена в отношении рабочего, приводящего машину в движение. Первоначально паровая машина замещала этого рабочего, теперь он должен замещать паровую машину. Напряжение и расходование его рабочей силы достигает поэтому чудовищных размеров, в особенности для подростков, осуждаемых на это истязание. Так, член комиссии Лондж наблюдал, как в Ковентри и окрестностях применяют 10—15-летних мальчиков для того, чтобы вертеть ленточный станок, а еще более юные дети должны были вертеть станки меньших размеров. «Это чрезвычайно тяжелый труд. Мальчики просто замещают паровую силу» («Children's Employment Commission. 5th Report», 1866, p. 114, № 6). Там же и на следующих страницах см. об убийственных последствиях «этой системы рабства», как называет ее официальный отчет

посредством введения женского, детского и неквалифицированного труда как новой основы разделения труда. Противоречие между мануфактурным разделением труда и существом крупной промышленности дает о себе знать насильственным образом. Оно выражается, между прочим, в том ужасном факте, что большая часть детей, занятых на современных фабриках и мануфактурах и с самого нежного возраста прикованных к простейшим манипуляциям, целые годы подвергается эксплуатации, не имея возможности научиться какой-либо работе, которая сделала бы их впоследствии пригодными хотя бы на этой же самой мануфактуре или фабрике.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 492,
494—495

15 августа 1867 г. закон о расширении сферы действия фабричных актов, а 21 августа того же года закон о труде детей, подростков и женщин в мастерских получили королевское утверждение; первый закон распространяется на крупные, последний — на мелкие предприятия...

Чтобы дать некоторое представление о сфере действия закона о труде детей, подростков и женщин в мастерских, приведем некоторые из содержащихся в нем положений:

«Ремесло должно означать» (в этом законе): «всякий ручной труд, который осуществляется как профессия или промысел для изготовления, изменения, украшения, починки или окончательной отделки какого-либо предмета или части предмета, предназначенного на продажу.

Мастерская должна означать: всякую комнату или место, крытое или под открытым небом, в которых каким-либо «ремеслом» занят ребенок, подросток или женщина и по отношению к которым лицо, дающее занятие такому ребенку, подростку или женщине, имеет право входа и контроля.

Занятый должно означать: работающий в каком-либо «ремесле» за плату или без платы, под началом мастера или одного из родителей, как подробнее определено ниже.

Родители — это отец, мать, опекун или другое лицо, которое осуществляет опеку или наблюдение над каким-либо... ребенком или подростком» *.

* An Act for regulating the Hours of Labour for Children, Young Persons, and Women employed in Workshops. *Ред.*

Статья 7, статья относительно наказаний за использование на работе детей, подростков и женщин в нарушение положений этого закона, налагает денежные штрафы не только на владельца мастерской, будет ли то один из родителей или нет, но и

«на родителей и других лиц, под опекой которых находится ребенок, подросток или женщина или которые извлекают прямую выгоду из их труда».

Закон о расширении сферы действия фабричных актов, распространяющийся на крупные предприятия, уступает основному фабричному акту вследствие множества жалких исключений и трусливых компромиссов с капиталистами.

Закон о труде детей, подростков и женщин в мастерских, жалкий во всех своих деталях, остался мертвой буквой в руках городских и местных властей, на которые было возложено его проведение...

Следственная комиссия 1840 г. сделала такие ужасные и возмущающие разоблачения и вызвала такой скандал перед лицом всей Европы, что парламент должен был успокоить свою совесть законом о рудниках и копях 1842 г., который ограничился тем, что женщинам и детям до 10 лет воспретил подземную работу...

...Хотя с 1842 г. работницы уже не допускаются к подземным работам, но они работают на поверхности при нагрузке угля и т. д., переноске ведер с углем к каналам и железнодорожным вагонам, сортировке угля и т. д. Применение женского труда сильно увеличилось за последние 3—4 года (№ 1727). Работницы — по большей части жены, дочери и вдовы горнорабочих, от 12 до 50 и 60-летнего возраста (№№ 647, 1779, 1781).

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 504—505, 508

...Сельскохозяйственных рабочих всегда оказывается слишком много для средних потребностей земледелия и слишком мало для исключительных или временных его потребностей... Временный или местный недостаток рабочих не вызывает повышения заработной платы, но приводит лишь к тому, что к земледельческому труду принуждаются женщины и дети, и возраст рабочих все понижается. Когда эксплуатация женщин и детей принимает широкие размеры, она, в свою очередь, становится новым средством превращения взрослых сельских

рабочих мужчин в избыточных рабочих и средством понижения их заработной платы. На востоке Англии процветает прекрасный плод этого cercle vicieux [порочного круга] — так называемая gangsystem (система артелей), о которой я скажу здесь несколько слов *...

Артель состоит из 10—40 или 50 человек, а именно женщин, подростков обоого пола (13—18 лет), хотя мальчики, достигнув 13 лет, обыкновенно оставляют артель, и, наконец, из детей обоого пола (6—13 лет). Во главе ее находится gangmaster (артельный староста); это всегда обыкновенный сельскохозяйственный рабочий, по большей части так называемый непутевый человек, бесшабашная голова, бродяга, пьяница, но наделенный некоторым духом предприимчивости и делачества. Он вербует артель, которая работает под его началом, а не под началом фермера. С последним он по большей части договаривается на сдельную работу, и его доход, — который в среднем не особенно превышает заработок обыкновенного сельскохозяйственного рабочего **, — почти всецело зависит от того искусства, с которым он умеет извлечь из своей артели в самое короткое время самое большое количество труда. Фермеры открыли, что женщины хорошо работают только под диктатурой мужчины, но что, с другой стороны, женщины и дети, раз они принялись за работу, с величайшей рьяностью расходуют свои жизненные силы, — это знал уже Фурье, — между тем как взрослый работник мужчины настолько коварен, что старается по возможности экономить свои силы. Артельный староста переходит из одного имения в другое и так работает со своей артелью 6—8 месяцев в году. Поэтому иметь дело с ним для рабочей семьи много выгоднее и вернее, чем иметь дело с отдельным фермером, который дает детям занятия лишь от случая к случаю. Это обстоятельство настолько упрочивает его влияние в открытых деревнях, что часто детей невозможно устроить на работу иначе, как при его посредни-

* Шестой и заключительный отчет Комиссии по обследованию условий детского труда, опубликованный в конце марта 1867 г., говорит о gangsystem лишь в земледелии.

** Однако некоторые артельные старосты превратились в фермеров, арендующих до 500 акров земли, или во владельцев целого ряда домов.

честве. «Одалживание» детей в одиночку, отдельно от артелей, составляет для него побочный промысел.

«Темные стороны» этой системы — чрезмерный труд детей и подростков, огромные переходы, которые им ежедневно приходится делать туда и обратно к имениям, находящимся на расстоянии 5, 6, иногда даже 7 миль, и, наконец, деморализация артели...

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 705—707

ИЗ ПИСЕМ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

...Здесь появился несколько дней тому назад пятый «Отчет комиссии по обследованию условий детского труда». Он содержит окончание материалов обследования, и дополнительно появится еще только отчет о тех «организованных артелях» женщин и детей, которые время от времени применяются в сельском хозяйстве. С 1850 г. буржуазный оптимизм не получал более жестокого удара, чем от этих пяти Синих книг⁴...

Маркс — Энгельсу, 21 июля 1866 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 201

...Лиззи была в Линкольншире у своего рода «патриархальных» сельскохозяйственных рабочих, живущих в хороших условиях, — у них есть земля под огороды и картофель, право собирать колосья, дающее дополнительный доход, и при этом сносная заработная плата. Но наряду с этим там все больше и больше распространяется система артелей; Лиззи изобразила эту систему *буквально так*, как ты описал ее в своей книге*. Эти патриархальные батраки с земельным наделом представляют собой, разумеется, отмирающие остатки; они уже теперь посылают своих детей на работу в артель, а сами устраивают ясли для младенцев тех женщин, которые работают в соседних артелях...

Энгельс — Марксу, 10 ноября 1868 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 160

* В «Капитале». Ред.

«РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ»

Другим следствием употребления машин является усиленное применение женского и детского труда. Сложившееся капиталистическое земледелие создало вообще известную иерархию рабочих, очень напоминающую иерархию фабричных рабочих. Так, в южно-русских экономиках различаются: а) *полные рабочие* — взрослые мужчины, способные ко всем работам; б) *полурабочие*, женщины и мужчины до 20 лет; полурабочие делятся на две категории: аа) от 12, 13 до 15, 16 лет — полурабочие в тесном смысле и бб) *полурабочие большой силы*; «на экономическом языке «три четверти» рабочего» *, — от 16 до 20 лет, способные исполнять все работы полного рабочего, за исключением косьбы. Наконец, в) *полурабочие малой помощи*, дети не моложе 8 и не старше 14 лет; они исполняют обязанности свинарей, телятников, полольщиков и погоньчей у плугов. Служат они нередко из-за одних харчей и одежды. Введение земледельческих орудий «обесценивает труд полного рабочего» и дает возможность заменять его более дешевым трудом ~~женщин~~ и подростков. Статистические данные о пришлых рабочих подтверждают вытеснение мужского труда женским: в 1890 г. в местечке Каховке и городе Херсоне было зарегистрировано 12,7% женщин в числе рабочих; в 1894 г. во всей губернии — 18,2% (10 239 из 56 464); в 1895 г. — 25,6% (13 474 из 48 753). Детей в 1893 г. — 0,7% (от 10 до 14 лет), в 1895 — 1,69% (от 7 до 14 лет). Среди местных экономических рабочих Елисаветградского уезда Херсонской губ. дети составляют 10,6% (ibid.).

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 229

...Введение в общее употребление вертельного станка (для провертки дырок в колодках) ускорило и облегчило один из главных процессов по приготовлению щеток. Усилился спрос на «кустовщиков» (кустари, «сажающие» щетину в колодки), и эта операция, специализируясь все более и более, пала на долю женщин, как более

* Тезяков, 1. с., 72.

дешевой рабочей силы. Женщины стали на дому у себя сажать щетину, получая поштучную плату. Таким образом, усиление работы на дому было вызвано здесь прогрессом техники (вертельный станок), прогрессом разделения труда (женщины только и делают, что сажают щетину), прогрессом капиталистической эксплуатации (труд женщин и девочек дешевле)...

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 412—413

Привлечение к производству женщин и детей с самого раннего возраста наблюдается почти всегда при домашней работе. Для иллюстрации приводим некоторые данные из описания женских промыслов в Московской губ. Размоткой бумаги занято 10 004 женщины; дети начинают работать с 5—6 лет (!), дневной заработок — 10 коп., годовой — 17 руб. Рабочий день в женских промыслах вообще доходит до 18 часов. В вязальном промысле начинают работать с 6 лет, дневной заработок — 10 коп., годовой — 22 руб. Итоги женских промыслов: работниц 37 514; начинают работать с 5—6 лет (в 6 промыслах из 19, причем эти 6 промыслов дают 32 400 работниц); средний дневной заработок — 13 коп., годовой — 26 р. 20 к.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 443

...Говоря о преобразовании фабрикой условий жизни населения, необходимо заметить, что привлечение к производству женщин и подростков* есть явление в основе своей прогрессивное. Бесспорно, что капиталистическая фабрика ставит эти разряды рабочего населения в особенно тяжелое положение, что по отношению к ним особенно необходимо сокращение и регулирование рабочего дня, обеспечение гигиенических условий работы и пр., но стремления совершенно запретить промышленную работу женщин и подростков или поддержать тот патриархальный строй жизни, который исключал такую работу, были бы реакционными

* По данным «Указателя», на фабриках и заводах Европейской России было занято в 1890 г. всего 875 764 рабочих, из них 210 207 (24%) женщин, 17 793 (2%) мальчиков и 8 216 (1%) девочек.

и утопичными. Разрушая патриархальную замкнутость этих разрядов населения, которые прежде не выходили из узкого круга домашних, семейных отношений; привлекая их к непосредственному участию в общественном производстве, крупная машинная индустрия толкает вперед их развитие, повышает их самостоятельность, т. е. создает такие условия жизни, которые стоят несравненно выше патриархальной неподвижности докапиталистических отношений *.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 547—548

* «Бедная женщина-ткачиха идет на фабрику за отцом и мужем, работает наряду с ними и независимо от них. Она такой же кормилец семьи, как и мужчина». «На фабрике... женщина является совершенно самостоятельным производителем помимо своего мужа». Грамотность фабричных работниц возрастает особенно быстро («Пром. Влад. губ.», III, 113, 118, 112 и др.). Вполне справедлив следующий вывод г. Харизоменова: промышленность уничтожает «хозяйственную зависимость женщины от семьи... и от хозяина... На чужой фабрике женщина сравнивается с мужчиной, это — равенство пролетария... Капитализация промышленности играет видную роль в борьбе женщины за ее самостоятельность в семье». «Промышленность создает для женщины новое и совершенно независимое от семьи и мужа положение» («Юрид. Вестн.», 1883 г., № 12, стр. 582, 596). В «Сборнике стат. свед. по Моск. губ.» (т. VII, в. II, М. 1882 г., стр. 152, 138—139) исследователи сравнивают положение работницы в ручном и машинном производстве чулок. Заработок в день при ручном производстве — ок. 8 копеек, при машинном — 14—30 коп. В машинном производстве положение работницы описывается так: «...Перед нами уже девушка свободная, не стесненная никакими преградами, эмансипировавшаяся от семьи и от всего, что составляет условия существования женщины-крестьянки, девушка, которая в каждую данную минуту может перекочевывать с места на место — от хозяина к хозяину, и может в каждую данную минуту оказаться без работы, без куска хлеба... При ручном производстве вязея имеет самый скудный заработок, заработок, не хвативший бы на покрытие расходов на харчи, заработок, возможный только при условии, что она, как член хозяйской семьи, имеющей надел, пользуется отчасти продуктами этой земли; при машинном производстве мастерица, кроме харчей и чая, имеет заработок, позволяющий ей жить вне семьи и не пользоваться уже доходом семьи от земли. В то же время заработок мастерицы при машинном производстве, при существующих условиях, более обеспечен».

КАПИТАЛИЗМ И ЖЕНСКИЙ ТРУД

Современное капиталистическое общество таит в своих недрах множество таких случаев нищеты и угнетения, которые не бросаются сразу в глаза. Раздробленные семьи мещан, ремесленников, рабочих, служащих, мелких чиновников бедствуют невыразимо, с трудом сводя концы с концами в *лучшие* времена. Миллионы и миллионы женщин в таких семьях живут (или, вернее, мучаются) жизнью «домашних рабынь», старающихся накормить и обшить семью на гроши, ценою каждодневных отчаянных усилий и «экономии» на всем — кроме своего труда.

Из этих женщин капитал всего охотнее берет себе работниц на дому, готовых за чудовищно низкую плату «прирабатывать» себе и семье на кусок хлеба. Из этих же женщин капиталисты всех стран берут себе (подобно рабовладельцам древности и крепостным помещикам средних веков) любое число наложниц за самую «доступную» цену. И никакое «нравственное негодование» (в 99 случаях из ста лицемерное) по поводу проституции не сможет ничего поделать против этой торговли женским телом: пока существует наемное рабство, неизбежно будет существовать и проституция. Все угнетенные и эксплуатируемые классы в истории человеческих обществ всегда вынуждены были (в этом и состоит их эксплуатация) отдавать угнетателям, во-первых, свой неоплаченный труд и, во-вторых, своих женщин в наложницы «господам».

Рабство, крепостничество и капитализм одинаковы в этом отношении. Изменяется только *форма* эксплуатации; эксплуатация остается.

В Париже, «столице мира», центре цивилизации, открылась в настоящее время *выставка* произведений «эксплуатируемых работниц на дому».

На каждом выставленном предмете мы видим билет, показывающий, сколько *получает* за его приготовление работница на дому и сколько она может выработать при этом в день и в час.

И что же оказывается? Больше 1¼ франка, т. е. 50 копеек, *ни на одном* товаре работница на дому выра-

ботать не может. А громадная масса работ доставляет заработок еще неизмеримо более низкий. Вот, например, абажуры. Плата — 4 копейки за дюжину. Или бумажные мешки — 15 копеек за 1000, заработок — шесть копеек в час. Вот маленькие игрушки с лентами и т. п. — 2½ копейки за час. Вот цветочные работы — две-три копейки за час. Вот дамское и мужское белье — от двух до шести копеек за час. И так далее без конца.

Следовало бы и нашим рабочим обществам и профессиональным союзам организовать подобную «выставку». Она не даст колоссальных барышей, собираемых выставками буржуазии. Выставка пролетарской женской нужды и нищеты даст иную пользу: она поможет наемным рабочим и рабыням понять свое положение, оглянуться на свою «жизнь», вдуматься в условия избавления от этого вечного гнета нужды, нищеты, проституции и всяких надругательств над неимущим.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 136—137

В. И. ЛЕНИН

МЕЛКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ЗЕМЛЕДЕЛИИ

Крестьянский вопрос в современных, капиталистических, государствах вызывает всего чаще недоумения и колебания среди марксистов, всего больше нападков на марксизм со стороны буржуазной (профессорской) политической экономии.

Мелкое производство в земледелии осуждено на гибель и невероятно придавленное, угнетенное положение при капитализме, — говорят марксисты. Будучи зависимым от крупного капитала, будучи отсталым по сравнению с крупным производством в земледелии, мелкое производство держится только отчаянным понижением потребностей и каторжным, двужилым трудом. Распыление и расхищение труда человека, худшие виды зависимости производителя, истощение сил крестьянской семьи, крестьянского скота, крестьянской земли, — вот что несет капитализм везде и повсюду крестьянину.

Крестьянину *нет спасения* иначе как в присоединении к действиям пролетариата, наемных рабочих — в первую голову.

Буржуазная политическая экономия и ее не всегда сознательные сторонники, в лице народников и оппортунистов, стараются, напротив, доказать, что мелкое производство жизнеспособно и выгоднее крупного. Не к пролетариату, а к буржуазии, не к классовой борьбе наемных рабочих, а к укреплению своего положения, как собственника и хозяина, должен тяготеть крестьянин, имеющий прочное и надежное положение в капиталистическом строе — такова сущность теории буржуазных экономистов.

Попытаемся проверить на точных данных состоятельность пролетарской и буржуазной теории. Возьмем данные о *женском* труде в земледелии Австрии и Германии. Для России до сих пор не существует полных данных — вследствие нежелания правительства произвести перепись всех сельскохозяйственных предприятий на научных основаниях.

В Австрии перепись 1902 года из 9 070 682 лиц, занятых в сельском хозяйстве, насчитала 4 422 981 женщину, т. е. 48,7% женщин. В Германии, где капитализм развит значительно выше, женщин оказалось *большинство* среди всех занятых сельским хозяйством работников, именно 54,8%. Чем больше развивается капитализм в земледелии, тем больше он усиливает женский труд, т. е. *ухудшает* условия жизни трудящихся масс. В германской промышленности женщин занято 25%, а в земледелии более чем вдвое больше. Это значит, что промышленность отвлекает к себе *лучшие* рабочие силы, оставляя земледелию более слабые рабочие силы.

Земледелие в развитых капиталистических странах стало уже занятием преимущественно женским.

Но если мы посмотрим на данные о земледельческих хозяйствах различных размеров, то мы увидим, что именно в *мелком* производстве эксплуатация женского труда достигает особенно больших размеров. Наоборот, крупное, капиталистическое, производство и в земледелии пользуется преимущественно мужским трудом, хотя и не догоняет в этом отношении промышленность.

Вот сравнительные данные по Австрии и Германии:

Хозяйства	Группы хозяйств	Процент женщин в общем числе работников	
		Авст- рия	Герма- ния
Пролетарские.....	{ До 1/2 гектара*	52,0	74,1
	{ От 1/2 до 2 гектаров	50,9	65,7
Крестьянские.....	{ » 2 » 5 »	49,6	54,4
	{ » 5 » 10 »	48,5	50,2
	{ » 10 » 20 »	48,6	48,4
Капиталистические.....	{ » 20 » 100 »	46,6	44,8
	{ » 100 и более »	27,4	41,0
Всего.....		48,7	54,8

Мы видим в обеих странах один и тот же закон капиталистического земледелия. Чем мельче производство, тем *хуже* состав рабочих сил, тем больше преобладание женщин в общем числе занятых сельским хозяйством лиц.

Общее положение дел при капитализме оказывается следующим. В пролетарских хозяйствах, т. е. таких, «хозяева» которых живут главным образом наемным трудом (батраки, поденщики и вообще наемные рабочие с крохотным кусочком земли), *женский труд преобладает над мужским*, иногда в громадных размерах.

Не надо забывать, что число этих пролетарских или батрацких хозяйств громадно: в Австрии 1,3 миллиона из всего числа 2,8 миллиона, а в Германии даже 3,4 миллиона из всего числа 5,7 миллиона.

В крестьянских хозяйствах мужской и женский труд приблизительно одинаково распространены.

Наконец, в капиталистических хозяйствах мужской труд *преобладает над женским*.

Что это значит?

Это значит, что в мелком производстве состав рабочих сил хуже, чем в крупном, капиталистическом.

Это значит, что в земледелии работница — пролетарка и крестьянка — должна гораздо сильнее напрягаться, из кожи лезть, надрываться над работой в ущерб своему здоровью и здоровью своих детей, чтобы

* Гектар = 9/10 десятины.

сравняться по возможности с работником мужчиной в крупном, капиталистическом, производстве.

Это значит, что мелкое производство держится при капитализме только *выколачиванием* из работника *большого* количества труда, чем выколачивает из работника крупное производство.

Крестьянин более связан, более запутан сложной сетью капиталистической зависимости, чем наемный рабочий. Ему кажется, что он самостоятелен, что он может «войти в хозяйство», а на деле, чтобы держаться, он должен работать (на пользу капитала) тяжелее, чем наемный рабочий.

Данные о *детском* труде в земледелии еще яснее показывают это ⁵.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 280—283

Раздел второй

БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ. ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

ИЗ КНИГИ Ф. ЭНГЕЛЬСА

«АНТИ-ДЮРИНГ»

...Фурье — не только критик; всегда жизнерадостный по своей натуре, он становится сатириком, и даже одним из величайших сатириков всех времен. Меткими, насмешливыми словами рисует он распустившиеся пышным цветом спекулятивные плутни и мелкоторгашеский дух, овладевший с закатом революции всей тогдашней французской коммерческой деятельностью. С еще большим мастерством он критикует буржуазную форму отношений между полами и положение женщины в буржуазном обществе. Ему первому принадлежит мысль, что в каждом данном обществе степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации⁶.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 270—271

ИЗ ПИСЕМ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

В следующем письме я пришлю членские билеты для г-жи Кугельман и г-жи Тенге⁷. Одна дама, г-жа Ло⁸, избрана в члены нашего Центрального Совета.

Маркс — Людвигу Кугельману, 13 июля 1867 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 463

...Кстати, Международная женская ассоциация — ее вождь г-жа Гёгг (читай: сумасбродка) * — прислала Брюссельскому конгрессу⁹ послание с запросом, могут

* Игра слов: Gögg — фамилия, «Geck» — «сумасбродка». Ред.

ли и дамы присоединиться к нам. Им ответили, конечно, вежливым согласием. Так что если Вы будете и дальше молчать, то я пошлю Вашей жене мандат корреспондента Генерального Совета.

Маркс — Людвигу Кугельману, 12 октября 1868 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 473

Принимает ли Ваша жена участие в великом немецком женском движении за эмансипацию? Я думаю, что немецкие женщины должны начать с того, чтобы побудить своих мужей к борьбе за свою собственную эмансипацию.

Маркс — Людвигу Кугельману, 5 декабря 1868 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 485

...Впрочем, дамы не могут жаловаться на *Интернационал*, потому что последний избрал членом *Генерального Совета* одну даму, г-жу Ло. Но шутки в сторону. Большой шаг вперед на последнем съезде американского «Рабочего союза»¹⁰ виден, между прочим, в том, что он предоставляет женщинам-работницам полное равноправие, тогда как англичане и в еще большей степени галантные французы повинны в этом отношении в известной узости взглядов. Каждый, кто сколько-нибудь знаком с историей, знает также, что великие общественные перевороты невозможны без женского фермента. Общественный прогресс может быть точно измерен по общественному положению прекрасного пола (дурнушек в том числе)...

Маркс — Людвигу Кугельману, 12 декабря 1868 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 486

...Когда мы придем к власти, надо будет, чтобы женщины не только выбирали, но и были избираемы и произносили речи; здесь это уже практикуется в школьном ведомстве. В прошлом ноябре я отдал все свои семь голосов одной даме, которая получила больше голосов, чем кто-либо из семи избиравшихся кандидатов. Впрочем, в здешних школьных управлениях дамы отличаются тем, что они очень мало говорят и очень много работают, — в среднем каждая из них работает за троих мужчин...

Энгельс — Иде Паули, 14 февраля 1877 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 196—197

...Женам наших друзей в Германии приходится в борьбе, которую активно ведут их мужья, принимать такое участие, которое нашим женам здесь, в безопасной Англии, показалось бы поразительным. Нам здесь легко рассуждать и критиковать, тогда как в Германии за каждое неосторожное или необдуманное слово грозит тюрьма и разлука с семьей. К счастью, наши женщины в Германии не смущаются этим и доказывают на деле, что пресловутая женская сентиментальность есть лишь свойственный буржуазным женщинам классовый недуг...

*Энгельс — Наталии Либкнехт, 31 июля 1877 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 220*

Если французы меньше настаивают на ограничении женского труда, чем немцы, то объясняется это тем, что фабричный труд женщин играет во Франции, особенно в Париже, лишь сравнительно второстепенную роль. Равной заработной платы для обоих полов за равный труд, до тех пор пока заработная плата вообще не будет отменена, требуют, насколько мне известно, все социалисты. То, что трудящаяся женщина вследствие своих особых физиологических функций нуждается в особой защите от капиталистической эксплуатации, кажется мне очевидным. Английские поборницы формального права женщин на то, чтобы капиталисты эксплуатировали их так же основательно, как и мужчин, большей частью сами прямо или косвенно заинтересованы в капиталистической эксплуатации трудящихся обоого пола. Меня же, признаюсь, здоровье будущего поколения интересует больше, чем абсолютное формальное равноправие обоих полов в последние годы существования капиталистического способа производства. Действительное равноправие женщины и мужчины может, по моему убеждению, осуществиться лишь тогда, когда будет уничтожена эксплуатация капиталом и тех и других, а ведение домашнего хозяйства, которое является теперь частным занятием, превратится в отрасль общественного производства.

*Энгельс — Гертруде Гильом-Шак, около 5 июля 1885 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 293—294*

Тебе следовало бы в следующем номере * заняться стачкой докеров ¹¹. Она имеет величайшее значение для здешнего движения. Ист-Энд ** до сих пор пассивно утопал в болоте нищеты: его отличительной чертой было отсутствие какого-либо сопротивления у людей, сломленных голодом, не имеющих никакой надежды. Тот, кто попал туда, погибал и физически и морально. Но вот в прошлом году вспыхнула и окончилась победой стачка рабочих спичечных фабрик ¹². А теперь эта гигантская стачка докеров, самых отверженных из отверженных, не профессиональных, сильных, опытных, относительно хорошо оплачиваемых и постоянно занятых рабочих, а случайно заброшенных в доки людей, неудачников, потерпевших крушение во всех других занятиях, для которых голодать стало профессией, этой массы сломленных, идущих навстречу окончательной гибели созданий, для которых на воротах доков можно было бы начертать слова Данте:

«Lasciate ogni speranza, voi, ch'entrate!» ***.

И эта масса отчаявшихся до последней степени людей, которые устраивают каждое утро при открытии ворот доков форменное побоище, чтобы пробиться к парню, распределяющему работу, — настоящие битвы в конкурентной борьбе избыточных рабочих между собой, — эта случайная, пестрая, ежедневно меняющаяся масса сумела выставить сплоченную силу в 40 000 человек, поддерживать дисциплину и внушить страх могущественным доковым компаниям. Я рад, что дожил до этого. Если *этот* слой способен к организации, то это знаменательный факт. Чем бы ни кончилась эта стачка — я в таких случаях никогда не бываю оптимистом заранее, — в лице докеров в движение вступают низшие слои рабочих Ист-Энда, и теперь другие, вышестоящие слои должны будут следовать этому примеру. В Ист-Энде сосредоточено наибольшее количество неквалифицированных рабочих Англии, тех, чья работа не требует

* «Sozialdemokrat». *Ред.*

** Восточная часть Лондона, включающая кварталы, населенные пролетариатом и беднотой. *Ред.*

*** «Входящие, оставьте все надежды!» (Данте. «Божественная комедия. Ад». Песнь III). *Ред.*

никакого или почти никакого умения. Если добился организации этот слой лондонского пролетариата, на который тред-юнионы *квалифицированных* рабочих смотрели до сих пор с презрением, то это хороший пример для провинции.

Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 22 августа 1889 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 217—218

...Люди теперь совершенно иначе берутся за дело, ведут в бой куда более широкие массы, потрясают общество значительно глубже, выдвигают гораздо более далеко идущие требования: восьмичасовой рабочий день, всеобщая федерация всех организаций, полная солидарность. Союз рабочих газовых предприятий и чернорабочих ¹³ *впервые*, благодаря Тусси, добился создания женских секций.

Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 7 декабря 1889 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 269

...Со времени забастовки в доках Тусси, день и ночь работавшая в комитете, — вся организационная работа была проведена там тремя женщинами, — с головой окунулась в стачечное движение. Одновременно со стачкой в доках вспыхнула небольшая стачка в Силвертауне ¹⁴, на самой окраине Ист-Энда. Бастовало около 3000 человек. Тусси принимала в этой стачке самое активное участие: создала профессиональную организацию девушек, каждое утро выезжала туда. Но через 12 недель стачка окончилась поражением. Теперь она занята стачкой рабочих газовых предприятий в южной части Лондона ¹⁵; выступала в воскресенье утром в Гайд-парке. Но это все-таки менее напряженно, и у нее больше свободного времени. Она и Эвелинг работают помощниками редактора в редакции ежесемейника *, который Бакс с 1 января берет в свои руки; и там работы достаточно. Кроме того, она секретарь двух женских профессиональных организаций...

Энгельс — Наталии Либкнехт, 24 декабря 1889 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 278

...Во главе рабочих газовых предприятий (негласно) стоит Тусси, и союз их, по-видимому, намного лучше

* «Time». Ред.

других... Тусси представляет в союзе женщин и девушек Силвертауна (заводы резиновых изделий и т. д.), стачкой которых она руководила, и в ближайшее время, вероятно, будет представлять их в Лондонском совете тред-юнионов ¹⁶...

*Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 19 апреля 1890 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 334*

...Если здесь, в Лондоне, в будущее воскресенье соберется грандиозная демонстрация за восьмичасовой рабочий день, то этим мы обязаны исключительно Тусси и Эвелингу. Силвертаунские работницы делегировали Тусси в совет Союза рабочих газовых предприятий и чернорабочих, и она в этом совете пользуется такой популярностью, что ее называют не иначе, как «наша матушка». Союз рабочих газовых предприятий — лучший из новых союзов — горячо поддерживает демонстрацию за 8-часовой рабочий день, так как этот союз сам добился было для себя 8-часового рабочего дня, но убедился на практике, как непрочное это завоевание, поскольку оно было отнято капиталистами при первом же удобном случае; для них, как и для горнорабочих, самое главное — законодательное установление 8-часового рабочего дня...

*Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 30 апреля 1890 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 336—337*

...К тому же я совершенно не знаком с тем, что Вы называете женским движением на Севере; я знаю только несколько драм Ибсена и абсолютно не представляю себе, в какой мере можно считать Ибсена ответственным за более или менее истерические полуночные бдения буржуазных и мещанских карьеристок.

Да и область, которую привыкли называть женским вопросом, так обширна, что в пределах одного письма невозможно сказать о ней ничего исчерпывающего или хотя бы сколько-нибудь удовлетворительного. Но одно несомненно: Маркс никогда не мог «стоять на точке зрения», которую ему приписывает г-н Бар ¹⁷. До подобной бессмыслицы он не мог дойти.

Что касается Вашей попытки подойти к вопросу материалистически, то прежде всего я должен сказать, что материалистический метод превращается в свою проти-

воположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты. И если г-н Бар полагает, что поймал Вас на этой ошибке, то мне думается, что тут он до известной степени прав...

Норвежский крестьянин *никогда не был крепостным*, и это придает всему развитию, — подобно тому как и в Кастилии, — совсем другой фон. Норвежский мелкий буржуа — сын свободного крестьянина, и вследствие этого он — *настоящий человек* по сравнению с вырождающимся немецким мещанином. И норвежская мещанка также отличается как небо от земли от супруги немецкого мещанина. И каковы бы, например, ни были недостатки драм Ибсена, эти драмы хотя и отображают нам мир мелкой и средней буржуазии, но мир совершенно отличный от немецкого, — мир, в котором люди еще обладают характером и инициативой и действуют самостоятельно, хотя подчас, по понятиям иностранцев, довольно странно. Подобные вещи я предпочитаю основательно изучить, прежде чем высказывать о них свое суждение.

Возвращаясь снова к тому, с чего начался наш разговор, то есть к г-ну Бару, я должен сказать, что меня удивляет, насколько в Германии люди ужасно торжественно относятся друг к другу. Остроумие и юмор, по видимому, запрещены более строго, чем когда бы то ни было, а скука сделалась гражданским долгом. Иначе Вы, несомненно, несколько детальнее рассмотрели бы «женщину» г-на Бара, лишенную всех «исторически развившихся» черт. Исторически развилась ее кожа, ибо она должна быть белой или черной, желтой, коричневой или красной, — следовательно, у нее не может быть человеческой кожи. Исторически развились ее волосы — курчавые или волнистые, кудрявые или прямые; черные, рыжие или белокурые. Следовательно, в человеческих волосах ей отказано. Что же останется, если у нее вместе с кожей и волосами начисто отнять все исторически сложившееся и «перед нами предстанет женщина как таковая»? Просто-напросто — самка человекообразной обезьяны...

Венская газета для работниц* вызовет, вероятно, большое недовольство у ваших женщин, сотрудничающих в женских газетах. Они все еще находятся под сильным влиянием Шак и хотят какого-то особого женского движения, а не движения, составляющего просто женскую сторону рабочего движения. Но именно эту вторую точку зрения венская газета проводит с огромной энергией, и если наши женщины, как ты утверждаешь, так энергично берутся за дело, то так называемое особое движение за женские права — чисто буржуазная затея — будет скоро оттеснено на задний план. И если тогда нынешние руководительницы будут отстранены самими же женщинами, то это сожаления не вызовет, а за венской газетой останется та слава, что она первая из всех женских газет восприняла эту точку зрения и защищала ее.

Энгельс — Августу Бебелю, 29 сентября —
1 октября 1891 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 141

«Газета гиен», созданная Луизой, выйдет не раньше 15-го текущего месяца¹⁸. Твоя статья, а также статьи Тусси и Луизы вызовут сенсацию среди поборниц женских прав в Германии и Австрии, ибо по-настоящему этот вопрос никогда еще так прямо не ставился и никто так прямо на него не отвечал, как это делаете вы в ваших трех статьях. Луиза и Тусси говорили мне, что испытывают священный трепет перед немецкими (берлинскими) поборницами прав женщин. Но этим последним недолго осталось царствовать. Бебель пишет мне с большим энтузиазмом о том, с каким рвением немецкие работницы устремляются теперь в движение, а если это так, то устаревшие полубуржуазные *ослицы* — поборницы женских прав — будут в скором времени отодвинуты на задний план.

Энгельс — Лауре Лафарг, 2 октября 1891 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 145

Мое письмо от субботы 24 октября мне пришлось прервать как раз в тот момент, когда я хотел попросить тебя посылать мне время от времени *газету* или журнал, посвященные *женскому движению*, — разумеется,

* «Arbeiterinnen-Zeitung». *Ред.*

буржуазному женскому движению. Луизе необходимо следить в какой-то мере и за этим хламом в интересах немецкого, австрийского и здешнего движения *работниц*, и ей было бы очень желательно ознакомиться *при случае* с тем, что делают там эти дамочки...

Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 29 октября 1891 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 167—168

Большое спасибо за сообщения относительно Эрфурта¹⁹, они во многих отношениях очень ценны для меня, особенно интересны обсуждения в программной комиссии... Пункт о 6-часовом рабочем дне для детей до 18-летнего возраста, несомненно, следовало бы включить, — так же как и запрещение ночной работы для женщин и освобождение от работы по меньшей мере за четыре недели до и на шесть недель после родов.

Энгельс — Карлу Каутскому, 3 декабря 1891 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 203, 204

...Луиза просит тебя посылать ей *впредь только* «Woman's Journal» (Бостон), и то *лишь до 31 марта*, если к тому времени ты не получишь от нас других указаний. Газета нужна ей для венской «Arbeiterinnen-Zeitung» (она вместе с Лаурой и Тусси составляет главный штаб); она говорит, что ей и в голову не приходило навязывать работницам вздор надутых американских мещанок. Благодаря твоим любезным посылкам она снова вошла в курс дела и убедилась, что эти дамы все так же высокомерны и ограничены; она хочет еще на пробу сохранить одну эту газету на несколько месяцев...

Энгельс — Фридриху Адольфу Зорге, 6 января 1892 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 215

Полагаю, что ты уже получила газету Луизы «Arbeiterinnen-Zeitung» вместе с венской «Arbeiter-Zeitung», посланной прямо из Вены. Твоя статья читается удивительно хорошо, статья Тусси пойдет в следующем номере, а так как эта газета по природе своей ненасытна, то я могу лишь сказать, что все дальнейшие статьи будут приняты с благодарностью. Пока же посылаю тебе благодарность Луизы, которая, как всякая благодарность, носит двоякий характер, а именно: 1) благодар-

ность за сделанное одолжение, 2) «предвкушение подобных одолжений в будущем»...

...Поскольку Виктор* отвечает за подбор материала для газеты, ты косвенно делаешь доброе дело и для него и для австрийской партии, помогая заполнять женскую газету *доброкачественным* материалом. Эмансипированные буржуазные дамы с величайшей радостью ухватились бы за возможность выступать со своими фантазиями и универсальными средствами в органе работниц...

*Энгельс — Лауре Лафарг, 6 января 1892 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 218*

Большое спасибо за стенограмму заседания рейхстага. Твою большую военную речь я смогу прочесть только сегодня вечером, а твоя речь о законе Хейнце мне очень понравилась. Пока проституция не может быть полностью уничтожена, — наш первейший долг, по моему, освободить девушек от всяких исключительных законов. Здесь, в Англии, это существует, по крайней мере приблизительно; нет никакой «полиции нравов», никакого контроля или врачебных обследований, но власть полиции до сих пор еще огромна, потому что содержание дома терпимости карается законом, и каждый дом, где живет девушка, принимающая посетителей, может рассматриваться как таковой. Это применяется все же лишь в исключительных случаях, и тем не менее девушки всегда подвергаются гнусным вымогательствам со стороны полицейских. Эта относительная свобода от унижительных полицейских оков позволяет девушкам в общем сохранять самостоятельность и чувство собственного достоинства в такой степени, в какой это едва ли возможно на континенте. Они рассматривают свое положение, как неизбежное несчастье, раз оно уж с ними приключилось, и с этим несчастьем им приходится мириться, но это отнюдь не должно затрагивать ни их личных качеств, ни их достоинства; если же они находят возможность бросить свое ремесло, они стараются использовать эту возможность, и в большинстве случаев успешно. В Манчестере были целые колонии молодых людей, буржуа или служащих, которые жили с такими девушками, многие из них состояли в законном браке и

* Адлер. *Ред.*

жили по меньшей мере так же дружно, как буржуа со своими женами. Если время от времени та или иная начинала пить, то это ни в какой мере не отличало ее от буржуазных женщин, которые здесь тоже зачастую этим занимаются. Некоторые девушки, вышедшие таким образом замуж и уехавшие в другие города, где они не рисковали встретить «старых знакомых», приняты были в респектабельном буржуазном обществе и даже в среде сквайров — здешних помещиков, — причем никто не замечал в них ровно ничего неприличного.

По моему мнению, при обсуждении этого вопроса мы прежде всего должны иметь в виду интересы самих девушек как жертв существующего общественного порядка и по возможности защищать их от обнищания — во всяком случае, насильно не доводить их до полного падения законами и полицейским свинством так, как это происходит на всем континенте. Здесь, в некоторых городах, где стоят гарнизоны, также пробовали ввести и контроль и медицинское обследование, но это продолжалось недолго; агитация против этих мер — единственная заслуга поборников общественной чистоты нравов.

Врачебное обследование — сущий вздор. Там, где оно было введено, случаи сифилиса и гонореи участились. Я убежден, что инструменты полицейских врачей играют большую роль в распространении венерических болезней, на их дезинфекцию они едва ли тратят время и труд. Надо организовать для девушек бесплатные лекции о венерических болезнях, тогда большинство из них уже сами будут остерегаться. Блашко прислал нам статью о врачебном контроле * и также вынужден признать, что этот контроль совершенно бесполезен; если бы он был последователен в выводах из собственных предпосылок, то должен был бы требовать полного прекращения преследования проституции и защиты девушек от эксплуатации, но для Германии это, по-видимому, чистейшая утопия.

*Энгельс — Августу Бебелю, 22 декабря 1892 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 469—471*

...В Вене мне пришлось дважды появляться перед «партией»²⁰. Я в совершенном восторге от них. Такие

* А. Блашко. «Современная проституция». Ред.

же живые и сангвинические, как французы, но немного более солидные. Женщины особенно очаровательны и восторженны, они работают очень упорно, в значительной степени благодаря Луизе...

*Энгельс — Пауре Лафарг, 18 сентября 1893 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 104*

Луизу особенно радует решительное отклонение петиции женского союза — см. статью Клары Цеткин в приложении к «Vorwärts» от четверга²¹. Клара права и добилась все же того, что ее статья вопреки долговому и упорному сопротивлению была принята. Bravo, Клара!

*Энгельс — Виктору Адлеру, 28 января 1895 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 331*

ИЗ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА

«ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ НАШЕЙ ПАРТИИ»

Переходим к практической части программы... По первому отделу вряд ли есть надобность в существенных изменениях «проекта программы» группы «Освобождение труда», требующего

...9) «пересмотра всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, не совместимых с достоинством человека». Сюда следовало бы добавить: «установление полного равенства прав женщины с мужчиной»...

По второму отделу практических требований мы находим в программе группы «Освобождение труда» общее требование «законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей инспекции с представительством от рабочих». Нам думается, *рабочая партия* должна обстоятельнее и подробнее изложить требования по этому пункту, должна требовать (1) 8-часового рабочего дня; (2) запрещения ночной работы; запрещения работы детей до 14 лет...

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 224—225

«МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ШТУТГАРТЕ» ²²

Вопрос о женском избирательном праве почти не вызвал споров на конгрессе. Нашлась только одна англичанка из крайне оппортунистического английского «Фабианского общества» ²³, которая попробовала защищать допустимость социалистической борьбы за ограниченное избирательное право женщин, т. е. не всеобщее, а цензовое. Фабианка осталась совсем одинокой. Подкладка ее взглядов — простая: английские буржуазные дамы надеются получить для себя избирательные права, не распространяя их на женский пролетариат.

Одновременно с международным социалистическим конгрессом происходила в Штутгарте в том же помещении первая международная социалистическая конференция женщин. На этой конференции и в комиссии съезда, при обсуждении резолюции, произошли интересные споры между немецкими и австрийскими социал-демократами. Последние, во время своей борьбы за всеобщее избирательное право, отодвинули несколько назад требование уравнивать женщин с мужчинами: из практицизма они подчеркивали не всеобщее, а мужское избирательное право, как свое требование. В речах Цеткиной и других немецких с.-д. справедливо было указано австрийцам, что они поступали неправильно, что они ослабляли силу массового движения, не выставляя со всей энергией требования избирательных прав не только для мужчин, но и для женщин. Последние слова штутгартской резолюции («необходимо выставлять требование всеобщего избирательного права *одновременно* и для мужчин и для женщин») имеют несомненное отношение к этому эпизоду чрезмерного «практицизма» в истории австрийского рабочего движения.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 69—70

«МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ШТУТГАРТЕ»

По вопросу об избирательном праве женщин резолюция принята была также единогласно. Только одна англичанка из полубуржуазного «Фабианского общества» защищала допустимость борьбы не за полное, а за урезанное в пользу имущих избирательное право женщин. Конгресс отверг это безусловно и высказался за то, чтобы работницы вели борьбу за избирательные права не вместе с буржуазными сторонниками женского равноправия, а вместе с классовыми партиями пролетариата. Конгресс признал, что в кампании за женское избирательное право необходимо полностью отстаивать принципы социализма и равноправие мужчин и женщин, не искажая этих принципов никакими соображениями удобства.

В комиссии возникло интересное разногласие по этому поводу. Австрийцы (Виктор Адлер, Адельгейд Попп) оправдывали свою тактику в борьбе за всеобщее избирательное право мужчин: ради завоевания этого права они сочли удобным не выдвигать в агитации на первый план требование избирательных прав и для женщин. Немецкие с.-д., особенно Цеткина, протестовали против этого еще тогда, когда австрийцы вели свою кампанию за всеобщее избирательное право. Цеткина заявляла в печати, что оставлять в тени требования избирательных прав для женщин ни в каком случае не следовало, что австрийцы оппортунистически жертвовали принципом ради соображений удобства, что они не ослабили, а усилили бы размах агитации и силу народного движения, если бы также энергично отстаивали и избирательное право женщин. В комиссии к Цеткиной вполне присоединилась другая выдающаяся немецкая социал-демократка, Циц. Поправка Адлера, которая косвенно оправдывала австрийскую тактику (в этой поправке говорится только о том, чтобы не было перерыва в борьбе за избирательное право действительно для всех граждан, а не о том, чтобы борьба за избирательное право велась всегда с требованием равенства прав мужчин и женщин), — была отклонена 12 голосами против 9. Точка

зрения комиссии и конгресса всего точнее может быть выражена следующими словами вышеупомянутой Циц из ее речи на международной конференции социалистов (эта конференция состоялась в Штутгарте одновременно с конгрессом): «Мы должны принципиально требовать всего, что мы считаем правильным,— говорила Циц,— и лишь в том случае, когда недостает силы для борьбы, мы принимаем то, чего можем добиться. Такова всегда была тактика социал-демократии. Чем скромнее будут наши требования, тем скромнее будут и уступки правительства...» Из этого спора австрийских и германских социал-демократок читатель может видеть, как строго относятся лучшие марксисты к малейшим отступлениям от выдержанной, принципиальной революционной тактики.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 85—86

В. И. ЛЕНИН

РАБОЧИЙ КЛАСС И НЕОМАЛЬТУЗИАНСТВО

На Пироговском съезде врачей²⁴ много интереса и много дебатов вызвал вопрос об аборте, т. е. о производстве искусственных выкидышей. Докладчик Личкус привел данные о чрезвычайно сильном распространении вытравления плода в современных так называемых культурных государствах.

В Нью-Йорке за один год было 80 000 искусственных выкидышей, во Франции их бывает по 36 000 ежемесячно. В Петербурге процент искусственных выкидышей увеличился за 5 лет более чем вдвое.

Пироговский съезд врачей принял решение, что уголовное преследование матери за искусственный аборт никогда не должно иметь места, а врачи должны преследоваться за это лишь в случае «корыстных целей».

В прениях большинство, высказываясь за ненаказуемость аборта, естественно затрагивало и вопрос о так называемом неомальтузианстве²⁵ (искусственные меры, предохраняющие от зачатия), причем касались и социальной стороны дела. Например, г. Вигдорчик, по отчету «Русского Слова», заявлял, что «предохранительные от зачатия меры надо приветствовать», а г. Астрахан восклицал, срывая бурные аплодисменты:

«Мы должны убеждать матерей рождать детей, чтобы их калечили в учебных заведениях, чтобы для них устраивались жерьевки, чтобы их доводили до самоубийства!»

Если верно сообщение, что подобная декламация г. Астрахана вызывала бурные аплодисменты, то этот факт меня не удивляет. Слушатели были буржуа, средние и мелкие, с мещанской психологией. Чего же от них и ждать, кроме самого пошлого либерализма?

Но с точки зрения рабочего класса, едва ли можно приискать более наглядное выражение всей реакционности и всего убожества «социального неомальтузианства», чем приведенная фраза г. Астрахана.

«...Рождать детей, чтобы их калечили...» Только для этого? Почему же не для того, чтобы они лучше, дружнее, сознательнее, решительнее нашего *боролись* против современных условий жизни, калечащих и губящих наше поколение??

Вот тут-то и заключается коренное отличие психологии крестьянина, ремесленника, интеллигента, вообще мелкого буржуа, от психологии пролетария. Мелкий буржуа видит и чувствует, что он гибнет, что жизнь становится все труднее, борьба за существование все беспощаднее, положение его и его семьи все более безвыходное. Факт бесспорный. И мелкий буржуа протестует против него.

Но как протестует?

Он протестует, как представитель класса, безнадежно гибнущего, отчаявшегося в своем будущем, забитого и трусливого. Ничего не поделаешь, хоть детей бы поменьше было, страдающих от нашей муки и каторги, от нашей нищеты и наших унижений,— вот крик мелкого буржуа.

Сознательный рабочий бесконечно далек от этой точки зрения. Он не даст затемнять своего сознания подобными воплями, как бы ни были они искренни и прочувствованы. Да и мы, рабочие, и масса мелких хозяйчиков, мы ведем жизнь, полную невыносимого гнета и страданий. Нашему поколению тяжелее, чем нашим отцам. Но в одном отношении мы гораздо счастливее наших отцов. *Мы научились и быстро учимся бороться* — и бороться не в одиночку, как боролись лучшие из отцов, не во имя внутренне чуждых нам лозунгов буржуазных краснобаев, а во имя своих лозунгов, лозун-

гов своего класса. Мы боремся лучше, чем наши отцы. Наши дети будут бороться еще лучше, и *они победят*.

Рабочий класс не гибнет, а растет, крепнет, мужает, спланивается, просвещается и закаляется в борьбе. Мы — пессимисты насчет крепостничества, капитализма и мелкого производства, но мы — горячие оптимисты насчет рабочего движения и его целей. Мы уже закладываем фундамент нового здания, и наши дети достроят его.

Вот почему — и только поэтому — мы безусловные враги неомальтузианства, этого течения для мещанской парочки, заскорузлой и себялюбивой, которая бормочет испуганно: самим бы, дай бог, продержаться как-нибудь, а детей уж лучше ненадобно.

Разумеется, это нисколько не мешает нам требовать безусловной отмены всех законов, преследующих аборт или за распространение медицинских сочинений о предохранительных мерах и т. п. Такие законы — одно лицемерие господствующих классов. Эти законы не исцеляют болячек капитализма, а превращают их в особенно злокачественные, особенно тяжелые для угнетенных масс. Одно дело — свобода медицинской пропаганды и охрана азбучных демократических прав гражданина и гражданки. Другое дело — социальное учение неомальтузианства. Сознательные рабочие всегда будут вести самую беспощадную борьбу против попыток навязать это реакционное и трусливое учение самому передовому, самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 255—257

В. И. ЛЕНИН

ПЯТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД ПО БОРЬБЕ С ПРОСТИТУЦИЕЙ

В Лондоне закончился недавно «*пятый международный съезд по борьбе против торговли девушками*».

Развернулись герцогини, графини, епископы, пасторы, раввины, полицейские чиновники и всякого рода буржуазные филантропы! Сколько было торжественных обедов и пышных официальных приемов!

Сколько было торжественных речей о вреде и гнусности проституции!

Какие же средства борьбы требовали изящные буржуазные делегаты съезда? Главным образом два средства: религию и полицию. Самое, дескать, верное и надежное против проституции. Один английский делегат, как сообщает лондонский корреспондент лейпцигской «Народной Газеты»²⁶, хвалился тем, что он проводил в парламенте *телесное наказание* за сводничество. Вот он каков, современный «цивилизованный» герой борьбы с проституцией!

Одна дама из Канады восторгалась полицией и женским полицейским надзором за «падшими» женщинами, а насчет повышения заработной платы заметила, что работницы не заслужили лучшей платы.

Один немецкий пастор громил современный материализм, который-де все более распространяется в народе и содействует распространению свободной любви.

Когда австрийский делегат Гертнер попробовал поднять вопрос о социальных причинах проституции, о нужде и нищете рабочих семей, об эксплуатации детского труда, о невыносимых квартирных условиях и т. д., — оратора заставили замолчать враждебными возгласами!

Зато о высоких особах рассказывали — в группах делегатов — поучительные и торжественные вещи. Когда, например, императрица германская посещает какой-нибудь родильный дом в Берлине, то матерям «незаконных» детей *надевают на пальцы кольца*, — чтобы не шокировать высокую особу видом невенчанных матерей!!

Можно судить по этому, какое отвратительное буржуазное лицемерие царит на этих аристократически-буржуазных конгрессах. Акробаты благотворительности и полицейские защитники издевательств над нуждой и нищетой собираются для «борьбы с проституцией», которую поддерживают именно аристократия и буржуазия...

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 331—332

«О БОРЬБЕ С СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМОМ»

Наиболее интересный и наиболее новый материал по этому злободневному вопросу доставлен закончившейся недавно международной женской социалистической конференцией в Берне²⁷. Читатели найдут ниже описание ее и тексты резолюций — принятой и отвергнутой. В настоящей статье мы намерены остановиться лишь на одной стороне дела.

Представительницы женских организаций при ОК, голландки из партии Трульстра, швейцарки из организаций, резко воюющих с «*Berner Tagwacht*» * за чрезмерную будто бы левизну этой газеты, французская представительница, не желающая ни в чем, сколько-нибудь важном, разойтись с официальной партией, стоящей, как известно, на социал-шовинистской точке зрения, англичанки, враждебные мысли о ясном отделении пацифизма от революционной пролетарской тактики, — все они сошлись с «левыми» немецкими социал-демократками на одной резолюции. Представительницы женских организаций при Центральном Комитете нашей партии разошлись с ними, предпочитая остаться на время в одиночестве, чем участвовать в *таком* блоке.

В чем была суть разногласия? Каково принципиальное и общеполитическое значение этого расхождения?

На первый взгляд, «средняя» резолюция, объединившая оппортунистов и часть левых, кажется очень благовидной и принципиально-правильной. Война признана империалистической, идея «защиты отечества» осуждена, рабочие призваны к массовым демонстрациям и т. д., и т. д. Казалось бы, отличие нашей резолюции *только* в нескольких более резких *выражениях*, вроде «измена», «оппортунизм», «выход из буржуазных министерств» и т. п.

Несомненно, именно с этой точки зрения и будут критиковать отделение делегатов женских организаций при Центральном Комитете нашей партии.

Достаточно отнестись к делу повнимательнее и не ограничиваться «формальным» признанием той или

* «Бернский Часовой». *Ред.*

другой истины, чтобы увидеть полную несостоятельность такой критики.

На конференции столкнулись два мирозозерцания, две оценки войны и задач Интернационала, две тактики пролетарских партий. Один взгляд: не произошло краха Интернационала, нет глубоких и серьезных препятствий к возврату от шовинизма к социализму, нет сильного «внутреннего врага» в виде оппортунизма, нет прямой, несомненной, очевидной измены его социализму. Отсюда вывод: не будем никого осуждать, дадим «амнистию» нарушителям Штутгартской и Базельской резолюций, ограничимся советом взять курс полее, призвать массы к демонстрациям.

Другой взгляд по всем перечисленным здесь пунктам — совершенно противоположный. Нет ничего вреднее и губительнее для пролетарского дела, чем продолжение внутрипартийной *дипломатии* с оппортунистами и социал-шовинистами. Резолюция большинства потому и оказалась приемлемой для оппортунистов и сторонниц теперешних официальных партий, что она насквозь пропитана духом дипломатии...

Конференция женщин должна была не помогать Шейдеману, Гаазе, Каутскому, Вандервельде, Гайндману, Геду и Самба, Плеханову и т. д. усыплять рабочие массы, а, наоборот, должна была будить их, провозгласить решительную войну с оппортунизмом. Только тогда практический результат был бы не надежда на «исправление» названных «вождей», а соби́рание сил для трудной и серьезной борьбы...

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 201—204

ИЗ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА

«ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖЕНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ»

Ужасные страдания, причиненные этой войной, пробуждают у всех женщин, и особенно у женщин-пролетарок, все растущее желание мира. Объявляя *войну всякой империалистической войне*, конференция в то же время считает, что для того, чтобы это желание мира

могло превратиться в сознательную политическую силу, необходимо, чтобы работницы хорошо поняли, что имущие классы стремятся лишь к аннексиям, завоеваниям и господству, что в эпоху империализма войны неизбежны и что империализм грозит миру целым рядом войн, если пролетариат не найдет в себе достаточно силы, чтобы положить конец капиталистическому строю, окончательно свергнув капитализм. Если работница хочет сократить период страданий, связанный с эпохой империалистических войн, необходимо, чтобы ее стремление к миру перешло в возмущение и борьбу за социализм. Лишь путем революционного движения масс, усиливая и обостряя социалистическую борьбу, работница достигнет своей цели в этой борьбе. Таким образом, ее первой обязанностью является поддержка профессиональных и социалистических организаций и нарушение гражданского мира путем борьбы против военных кредитов, против вступления в буржуазные министерства, путем поддержки и пропаганды братания солдат в траншеях на поле битвы, путем устройства повсюду, где правительство отняло конституционные свободы, нелегальных организаций и, наконец, путем вовлечения масс в участие в манифестациях и революционных движениях.

Интернациональная конференция женщин-социалисток призывает работниц всех стран немедленно же повести эту борьбу, организуя ее интернационально и тесно связывая свою работу с работой тех социалистов всех стран, которые, подобно Либкнехту, борются с национализмом и ведут революционную социалистическую борьбу.

В то же время конференция напоминает работницам, что в наиболее передовых странах Европы объективные условия для социалистического производства уже созрели, что все движение входит в новую фазу, что теперешняя всемирная война налагает на них новые и серьезные обязанности, что их движение может быть предтечей общего выступления масс, которое сможет дать всему социалистическому движению новый размах и приблизить час окончательного освобождения. Взяв на себя инициативу в деле устройства демонстраций и революционных манифестаций, работницы, идя рука об руку с пролетариатом, смогут положить начало новой эре пролетарской борьбы, в течение которой проле-

тариат завоюет в более передовых странах социализм, а в более отсталых — демократическую республику.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 207—208

ИЗ БРОШЮРЫ В. И. ЛЕНИНА

«СОЦИАЛИЗМ И ВОЙНА»

...Громадную важность имеет наше отношение к колеблющимся элементам в Интернационале вообще. Эти элементы — преимущественно социалисты *пацифистского* оттенка — существуют и в нейтральных странах, и в некоторых воюющих странах (в Англии, например, Независимая рабочая партия)... На международных совещаниях нельзя ограничивать своей программы тем, что приемлемо для этих элементов. Иначе мы сами попадем в плен к колеблющимся пацифистам. Так было, например, на женской международной конференции в Берне. Немецкая делегация, придерживавшаяся точки зрения т. Клары Цеткин, фактически сыграла на этой конференции роль «центра». Женская конференция сказала только то, что было приемлемо для делегатов из оппортунистской голландской партии Трульстры и для делегатов из I. L. P. (Независимая рабочая партия)...

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 339—340

ИЗ ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНА

РЕДАКЦИИ «НАШЕГО СЛОВА»

...Поэтому безусловным долгом социалистов всех воюющих стран является немедленное и решительное исполнение Базельской резолюции, а именно:

1) разрыв национальных блоков и *Burgfrieden* * во всех странах;

2) призыв рабочих всех воюющих стран к энергичной классовой борьбе, как экономической, так и политической; против буржуазии своей страны, буржуазии, наносящей неслыханные прибыли на военных постав-

* — гражданского мира. *Ред.*

ках и пользующейся поддержкой военных властей для затыкания рта рабочим и усиления гнета над ними;

3) решительное осуждение всякого вотирования военных кредитов;

4) выход из буржуазных министерств Бельгии и Франции и признание вступления в министерства и вотирования кредитов такой же изменой делу социализма, каким является все поведение германских и австрийских социал-демократов;

5) немедленно протянуть руку интернационалистским, отказывающимся вотировать военные кредиты, элементам немецкой социал-демократии и образование вместе с ними международного комитета для агитации за прекращение войны не в духе пацифистов, христиан и мелкобуржуазных демократов, а в неразрывной связи с проповедью и организацией массовых революционных действий пролетариев каждой страны против правительств и буржуазии своей страны;

6) поддержка всех попыток сближения и братанья в войске и в траншеях между социалистами воюющих стран вопреки запрещениям военных властей Англии, Германии и т. д.

7) призыв женщин социалисток воюющих стран к усилению агитации в вышеуказанном направлении...

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 61—62

ИЗ СТАТЬИ В. И. ЛЕНИНА

«ЗАДАЧИ ЛЕВЫХ ЦИММЕРВАЛЬДИСТОВ В ШВЕЙЦАРСКОЙ С.-Д. ПАРТИИ»

III. ОСОБО НАСУЩНЫЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

...17. Отмена *всех* без исключения ограничений политических прав женщин по сравнению с правами мужчин. Разъяснение массам особой насущности этого преобразования в такое время, когда война и дороговизна волнуют широкие народные массы и привлекают в особенности интересы и внимание женщин к политике.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 201

«ТОВАРИЩАМ, ТОМЯЩИМСЯ В ПЛЕНУ»

Совет рабочих и солдатских депутатов добивается *немедленного* созыва Учредительного собрания, участия солдат в выборах и в решении вопроса войны или мира. Совет добивается передачи царских и помещичьих земель в руки крестьянства. Совет добивается республики и не хочет и слышать о назначении нового «добрého» царя. Совет требует права всеобщего и равного голосования для всех мужчин и для всех женщин...

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 64

ИЗ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА

«ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА»

Какая милиция нужна нам, пролетариату, всем трудящимся? Действительно *народная*, т. е., во-первых, состоящая из всего *поголовно* населения, из всех взрослых граждан *обоого* пола... Такая милиция развила бы те функции, которые, говоря ученым языком, относятся к ведению «полиции благосостояния», санитарный надзор и т. п., привлекая к подобным делам поголовно всех взрослых женщин. А не привлекая женщин к общественной службе, к милиции, к политической жизни, не вырывая женщин из их отупляющей домашней и кухонной обстановки, *нельзя* обеспечить настоящей свободы, *нельзя* строить даже демократии, не говоря уже о социализме.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 42—43

ИЗ БРОШЮРЫ В. И. ЛЕНИНА

«ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА
В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ»

...Без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии. А такие функции «полиции», как попе-

чение о больных, о беспризорных детях, о здоровом питании и пр., вообще не могут быть удовлетворительно осуществлены без равноправия женщин на деле, а не на бумаге только.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 165

ИЗ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА

«МАТЕРИАЛЫ ПО ПЕРЕСМОТРУ ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ»

...Конституция демократической республики российской должна обеспечить:

...14. Бесплатное и обязательное общее и политехническое (знакомящее в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образование для всех детей обоего пола до 16 лет; тесную связь обучения с детским общественно-производительным трудом.

...Партия требует...

6. Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; воспрещения женского ночного труда; освобождения женщин от работ в течение 8 недель до и 8 недель после родов с сохранением полного заработка за все это время при бесплатной врачебной и лекарственной помощи...

7. Устройства при всех заводах, фабриках и др. предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей и помещений для кормления грудью; освобождения женщин, кормящих грудью, от работы не реже, чем через три часа, на время не менее чем полчаса; выдачи пособий кормящим матерям и сокращения рабочего дня для них до 6 часов...

9. Учреждения выборной от рабочих организаций инспекции труда и распространения ее на все виды предприятий, употребляющих наемный труд, не исключая и домашней прислуги; введения института инспектрис в тех отраслях, где применяется женский труд.

*В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 153,
155, 157, 158*

**СОЦИАЛИЗМ, КОММУНИЗМ
И РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ**

ИЗ «ЭЛЬБЕРФЕЛЬДСКИХ РЕЧЕЙ» Ф. ЭНГЕЛЬСА

...Если вникнуть в детали домоводства, то тут особенно становятся видны преимущества общественного хозяйства. Какая масса труда и материалов растрачивается при современном раздробленном хозяйстве — например, при отоплении! В каждой комнате нужна отдельная печь, в каждой печи приходится отдельно разводить и поддерживать огонь, следить за ним; топливо приходится разносить по всем комнатам, золу — убирать; насколько проще и дешевле было бы вместо этих отдельных печей установить мощное центральное отопление, например, посредством паровых труб с одной общей топкой, как это уже в настоящее время практикуется в больших общественных зданиях, фабриках, церквях и т. п... Затем возьмём приготовление пищи, — сколько затрачивается зря места, продуктов и рабочей силы при современном раздробленном хозяйстве, когда каждая семья отдельно готовит нужное ей небольшое количество пищи, имеет свою отдельную посуду, нанимает отдельную кухарку, отдельно закупает продукты на рынке, в зеленой, у мясника и у булочника! Можно смело предположить, что при общественном приготовлении пищи и при общественном обслуживании легко было бы освободить две трети занятых этим делом рабочих, причём оставшая треть могла бы лучше и внимательнее исполнять свою работу, чем это имеет место в настоящее время...

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 542—543

«ПРИНЦИПЫ КОММУНИЗМА»

21-й вопрос: Какое влияние окажет коммунистический общественный строй на семью?..

Ответ: Отношения полов станут исключительно частным делом, которое будет касаться только заинтересованных лиц и в которое обществу нет нужды вмешиваться. Это возможно благодаря устранению частной собственности и общественному воспитанию детей, вследствие чего уничтожаются обе основы современного брака, связанные с частной собственностью, — зависимость жены от мужа и детей от родителей. В этом и заключается ответ на вопли высоконравственных мещан по поводу коммунистической общности жен. Общность жен представляет собою явление, целиком принадлежащее буржуазному обществу и в полном объеме существующее в настоящее время в виде проституции. Но проституция основана на частной собственности и исчезнет вместе с ней. Следовательно, коммунистическая организация вместо того, чтобы вводить общность жен, наоборот, уничтожит ее.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 336—337

ИЗ РАБОТЫ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

«МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ»

Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов.

На чем основана современная, буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии; но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции.

Буржуазная семья естественно отпадает вместе с отпадением этого ее дополнения, и обе вместе исчезнут с исчезновением капитала.

Или вы упрекаете нас в том, что мы хотим прекратить эксплуатацию детей их родителями? Мы сознаемся в этом преступлении.

Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы хотим уничтожить самые дорогие для человека отношения.

А разве ваше воспитание не определяется обществом? Разве оно не определяется общественными отношениями, в которых вы воспитываете, не определяется прямым или косвенным вмешательством общества через школу и т. д.? Коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание; они лишь изменяют характер воспитания, вырывают его из-под влияния господствующего класса.

Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря развитию крупной промышленности, чем более дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен, — кричит нам хором вся буржуазия.

Буржуа смотрит на свою жену как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства предполагается предоставить в общее пользование, и, конечно, не может отрешиться от мысли, что и женщин постигнет та же участь.

Он даже и не подозревает, что речь идет как раз об устранении такого положения женщины, когда она является простым орудием производства.

Впрочем, нет ничего смешнее высокоморального ужаса наших буржуа по поводу мнимой официальной общности жен у коммунистов. Коммунистам нет надобности вводить общность жен, она существовала почти всегда.

Наши буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга.

Буржуазный брак является в действительности общностью жен. Коммунистам можно было бы сделать упрек разве лишь в том, будто они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жен официальную, открытую. Но ведь само собой разумеется, что с уничтожением нынешних производственных отношений исчезнет и вытекающая из них общность жен, т. е. официальная и неофициальная проституция.

«АНТИ-ДЮРИНГ»

Подобно тому как г-н Дюринг считает возможным, как мы это видели выше, заменить капиталистический способ производства общественным, не преобразуя самого производства, — точно так же он воображает, что можно оторвать современную буржуазную семью от всей ее экономической основы, не изменяя тем самым всей формы семьи. Эта форма представляется ему до такой степени неизменной, что он даже делает «древнее римское право», хотя и в несколько «облагороженном» виде, руководящим началом для семейных отношений на вечные времена, представляя себе семью только как «оставляющую наследство», т. е. как владеющую собственностью единицу. В этом вопросе утописты стоят неизмеримо выше г-на Дюринга. Для них, вместе с установлением свободного объединения людей в общество и превращением частной домашней работы в общественную промышленность, непосредственно дано также и обобществление воспитания юношества, а вместе с тем действительно свободные взаимоотношения членов семьи.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 330—331

ИЗ СТАТЬИ В. И. ЛЕНИНА

«ПЕРЛЫ НАРОДНИЧЕСКОГО ПРОЖЕКТЕРСТВА»

...Нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания. Эту мысль высказали еще старые великие утописты; ее вполне разделяют и «ученики», которые именно по этой причине, между прочими, не восстают принципиально против промышленного труда женщин и подростков, считают реакционными попытки запретить совершенно этот труд и настаивают лишь на постановке его в условия вполне гигиенические...

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 485

«ОДНА ИЗ ВЕЛИКИХ ПОБЕД ТЕХНИКИ»

...Электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавят миллионы «домашних рабынь» от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 94—95

ИЗ СТАТЬИ В. И. ЛЕНИНА

«УДЕРЖАТ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ
ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВЛАСТЬ?»

Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту.

Мы знаем, что кадеты тоже согласны учить народ демократизму. Кадетские дамы согласны читать, по лучшим английским и французским источникам, лекции для прислуги о женском равноправии. А также на ближайшем концерте-митинге, перед тысячами людей, на эстраде будет устроено целование: кадетская дама лекторша будет целовать Брешковскую, Брешковская бывшего министра Церетели, и благодарный народ будет обучаться таким образом наглядно тому, каково республиканское равенство, свобода и братство...

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 315

**РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ
РАБОТНИЦ²⁸
19 НОЯБРЯ 1918 г.**

(Делегатки съезда встретили товарища Ленина долго не смолкаемыми аплодисментами и овацией.) Товарищи, в некотором отношении съезд женской части пролетарской армии имеет особенно важное значение, так как женщины во всех странах всего труднее приходили в движение. Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия.

Во всех цивилизованных странах, даже самых передовых, положение женщин таково, что недаром их называют домашними рабынями. Ни в одном капиталистическом государстве, даже самой свободной республике, нет полного равноправия женщин.

Задача Советской республики — в первую голову уничтожить все ограничения прав женщин. Источник буржуазной грязи, подавленности, приниженности — бракоразводный процесс — Советская власть уничтожила полностью.

Скоро год, как существует совершенно свободное законодательство о разводе. Мы издали декрет, который уничтожил разницу в положении брачного и внебрачного ребенка и целый ряд политических стеснений; нигде так полно не осуществлены равенство и свобода трудящихся женщин.

Мы знаем, что вся тяжесть устарелых правил взваливается на женщину рабочего класса.

Наш закон первый раз в истории вычеркнул все то, что делало женщин бесправными. Но дело не в законе. У нас в городах и фабрично-заводских местах этот закон о полной свободе брака прививается хорошо, а в деревне это часто-часто остается на бумаге. Там до сих пор преобладает церковный брак. Этим они обязаны влиянию священников, с этим злом труднее бороться, чем со старым законодательством.

Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые

вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения. Внося остроту в борьбу, мы можем озлобить массу; такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении. Самый глубокий источник религиозных предрассудков — это нищета и темнота; с этим злом и должны мы бороться.

Положение женщины до сих пор оставалось таковым, что его называют рабским; женщина задавлена своим домашним хозяйством, и от этого положения ее может спасти только социализм. Только тогда, когда мы от мелких хозяйств перейдем к общему и к общей обработке земли, только тогда будет полное освобождение и раскрепощение женщин. Эта задача трудна, но теперь, когда образуются комитеты бедноты, наступает время, когда социалистическая революция укрепляется.

Лишь теперь организуется беднейшая часть населения в деревне, и в них, в организациях бедноты, социализм приобретает прочную основу.

Раньше часто бывало, что революционным становился город, а после него выступала деревня.

Настоящий переворот опирается на деревню, и в этом его значение и сила. Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины. Советская власть делает все, чтобы женщина самостоятельно вела свою пролетарскую социалистическую работу...

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 185—186

ИЗ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА

«ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РКП(б)»

...Избирая в состав суда только представителей рабочих и крестьян, не пользующихся наемным трудом с целью извлечения прибыли, коммунистическая партия не делает различия для женщин, уравнивая оба пола во всех правах как при выборе судей, так и в отправлении обязанностей судей.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 115

VIII СЪЕЗД РКП(б). ИЗ «ОТЧЕТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА»

...Судить на основе революционного правосознания трудящихся классов может всякий. Мы еще далеко не довели здесь дело до конца, но в целом ряде областей создали из суда то, что надо. Мы создали органы, через которые не только мужчины, но и женщины, самый отсталый и неподвижный элемент, могут быть проведены поголовно.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 169

ИЗ СТАТЬИ В. И. ЛЕНИНА

«ВЕЛИКИЙ ПОЧИН»

Возьмите положение женщины. Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала, в этом отношении, и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти. Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п., — законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах к позору буржуазии и капитализма. Мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области. Но чем *чище* очистили мы почву от хлама старых, буржуазных, законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка.

Женщина продолжает оставаться *домашней рабыней*, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает *мелкое домашнее хозяйство*, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею. Настоящее *освобождение женщины*, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, *массовая перестройка* его в крупное социалистическое хозяйство.

Достаточно ли внимания уделяем мы на практике этому вопросу, который теоретически бесспорен для каждого коммуниста? Конечно, нет. Достаточно ли заботливо относимся мы к *росткам* коммунизма, уже теперь имеющимся в этой области? Еще раз, нет и нет. Общественные столовые, ясли, детские сады — вот образчики этих ростков, вот те простые, будничные, ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые *на деле* способны *освободить женщину*, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни. Эти средства не новы, они созданы (как и все вообще материальные предпосылки социализма) крупным капитализмом, но они оставались при нем, во-первых, редкостью, во-вторых, — что особенно важно — либо *торгашескими* предприятиями, со всеми худшими сторонами спекуляции, наживы, обмана, подделки, либо «акробатством буржуазной благотворительности», которую лучше рабочие по справедливости ненавидели и презирали.

Нет сомнения, что у нас стало гораздо больше этих учреждений и что они *начинают* менять свой характер. Нет сомнения, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, *организаторских талантов*, людей, обладающих умением наладить практическое дело, с участием большого числа работников и еще большего числа потребителей, без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, системах и т. п., чем «болеет» постоянно мнящая о себе непомерно много «интеллигенция» или скороспелые «коммунисты». Но мы *не ухаживаем*, как следует, за этими ростками нового.

Посмотрите на буржуазию. Как великолепно она умеет рекламировать то, что *ей* нужно! Как «образцовые», в глазах капиталистов, предприятия расхваливаются в миллионах экземпляров *их* газет, как из «образцовых» буржуазных учреждений создается предмет национальной гордости! Наша пресса не заботится, или почти совсем не заботится, о том, чтобы описывать наилучшие столовые или ясли, чтобы ежедневными настояниями добиваться превращения некоторых из них в образцовые, чтобы рекламировать их, описывать подробно, какая экономия человеческого труда, какие удоб-

ства для потребителей, какое сбережение продукта, какое освобождение женщины из-под домашнего рабства, какое улучшение санитарных условий достигается при *образцовой коммунистической работе*, может быть достигнуто, может быть распространено на все общество, на всех трудящихся.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 23—25

В. И. ЛЕНИН

О ЗАДАЧАХ ЖЕНСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

**РЕЧЬ НА IV МОСКОВСКОЙ ОБЩЕГОРОДСКОЙ
БЕСПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РАБОТНИЦ
23 СЕНТЯБРЯ 1919 г.**

Товарищи, я очень рад приветствовать конференцию женщин-работниц. Я позволю себе не касаться тех тем и тех вопросов, которые более всего, конечно, волнуют сейчас каждую женщину-работницу и каждого сознательного человека из трудящейся массы. Это — самые жгучие вопросы — вопрос о хлебе и о нашем военном положении. Но, как я знаю из газетных отчетов о ваших собраниях, эти вопросы исчерпывающим образом были здесь изложены т. Троцким в отношении военного дела и тт. Яковлевой и Свидерским — относительно вопроса о хлебе, и потому позвольте мне этих вопросов не касаться.

Мне бы хотелось сказать несколько слов относительно общих задач женского рабочего движения в Советской республике, как тех задач, которые связаны с переходом к социализму вообще, так и тех, которые сейчас с особой настоятельностью выдвигаются на первый план. Товарищи, вопрос о положении женщины с самого начала был поставлен Советской властью. Мне кажется, задача всякого рабочего государства, переходящего к социализму, будет двоякого рода. И первая часть этой задачи сравнительно простая и легкая. Она касается тех старых законов, которые ставили женщину в положение неравноправное по отношению к мужчине.

Давным-давно представители всех освободительных движений в Западной Европе в течение не только деся-

тилетий, но в течение столетий выставляли требование об отмене этих устарелых законов и уравниения женщины по закону с мужчиной, но ни одному из европейских демократических государств, ни одной из самых передовых республик не удалось это осуществить, потому что там, где существует капитализм, там, где сохраняется частная собственность на землю, частная собственность на фабрики и заводы, там, где сохраняется власть капитала, привилегии останутся у мужчин. В России только потому это удалось провести, что с 25 октября 1917 года здесь установилась власть рабочих. Советская власть с самого начала ставила себе задачу существовать как власть трудящихся, враждебная всякой эксплуатации. Она ставила себе задачу уничтожения возможности эксплуатации трудящихся помещиками и капиталистами, уничтожения господства капитала. Советская власть стремилась добиться того, чтобы трудящиеся строили свою жизнь без частной собственности на землю, без частной собственности на фабрики и заводы, без той частной собственности, которая всюду, во всем мире, даже при полной политической свободе, даже в самых демократических республиках поставила фактически трудящихся в положение нищеты и наемного рабства, а женщину — в положение двойного рабства.

Советской властью, как властью трудящихся, в первые же месяцы ее существования, был произведен в законодательстве, касающемся женщины, самый решительный переворот. Из тех законов, которые ставили женщину в положение подчиненное, в Советской республике не осталось камня на камне. Я говорю именно о тех законах, которые специально использовали более слабое положение женщины, поставив ее в положение неравноправное и часто даже унижительное, т. е. законах о разводе и о внебрачном ребенке, о праве женщины на иск к отцу ребенка для его обеспечения.

Именно в этой области буржуазное законодательство, нужно сказать, даже в самых передовых странах, использует более слабое положение женщины, сделав ее неравноправной и унизив ее. И именно в этой области Советская власть из старых, несправедливых, невыносимых для представителей трудящейся массы законов и не оставила камня на камне. И мы можем теперь ска-

зять с полной гордостью, без всякого преувеличения, что, кроме Советской России, нет ни одной страны в мире, где бы было полное равноправие женщин и где бы женщина не была поставлена в унижительное положение, которое особенно чувствительно в повседневной, семейной жизни. Это было одной из наших первых и важнейших задач.

...Мы видим во всех демократических республиках, что провозглашается равенство, а в законах гражданских и в законах о правах женщины в смысле положения ее в семье, в смысле развода, на каждом шагу мы видим неравенство и принижение женщины, и мы говорим, что это есть нарушение демократии и именно в отношении к угнетенным. Советская власть более всех других, самых передовых стран осуществила демократию тем, что в своих законах не оставила ни малейшего намека на неравноправность женщины. Повторяю, ни одно государство и ни одно демократическое законодательство не сделало для женщины и половины того, что сделала Советская власть в первые же месяцы своего существования.

Конечно, недостаточно одних законов, и мы никоим образом не удовлетворяемся одними декретами. Но в области законодательства мы сделали все, что от нас требовалось для уравнивания положения женщины с положением мужчины, и мы по праву можем этим гордиться. Положение женщины в Советской России теперь таково, что оно является идеальным с точки зрения самых передовых государств. Но мы говорим себе, что, конечно, это только еще начало.

Положение женщины, при ее занятии домашним хозяйством, все еще остается стесненным. Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина.

Конечно, здесь речь идет не о том, чтобы уравнивать женщину в производительности труда, размере труда, длительности его, в условиях труда и т. д., а речь идет о том, чтобы женщина не была угнетена ее хозяйственным положением в отличие от мужчины. Вы все знаете, что даже при полном равноправии остается все же эта

Фактическая придавленность женщины, потому что на нее сваливают все домашнее хозяйство. Это домашнее хозяйство в большинстве случаев является самым непроизводительным, самым диким и самым тяжким трудом, какой осуществляет женщина. Это труд чрезвычайно мелкий, не заключающий в себе ничего, что сколько-нибудь способствовало бы развитию женщины.

Преследуя социалистический идеал, мы хотим бороться за полное осуществление социализма, и здесь для женщины открывается очень большое поприще работы. Мы теперь серьезно готовимся к расчистке почвы для социалистической постройки, а самая постройка социалистического общества начнется только тогда, когда мы, добившись полного равенства женщины, примемся за новую работу вместе с женщиной, освобожденной от этой мелкой, отупляющей, непроизводительной работы. Этой работы хватит нам на многие, многие годы.

Работа эта не может дать быстрых результатов и не производит блестящего эффекта.

Мы создаем образцовые учреждения, столовые, ясли, которые освободили бы женщину от домашнего хозяйства. И здесь именно на женщин более всего и ложится эта работа по устройству всех этих учреждений. Нужно признать, что сейчас в России таких учреждений, которые бы помогли женщине выбраться из состояния домашней рабыни, очень мало. Их имеется ничтожное количество, и те условия, в которые поставлена сейчас Советская республика, — условия и военные, и продовольственные, о которых говорили здесь вам товарищи подробно, — препятствуют нам в этой работе. Но все же надо сказать, что учреждения эти, избавляющие женщин от положения домашней рабыни, возникают всюду, где только есть малейшая к тому возможность.

Мы говорим, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, и точно так же и освобождение женщин-работниц должно быть делом самих женщин-работниц. Сами женщины-работницы должны заботиться о развитии таких учреждений, и эта деятельность женщины приведет к полной перемене ее старого положения при капиталистическом обществе.

Чтобы заниматься политикой, при старом капиталистическом обществе требовалась особая подготовка, и

потому участие женщин в политике, даже в самых передовых и свободных капиталистических странах, было ничтожное. Наша задача состоит в том, чтобы сделать политику доступной для каждой трудящейся женщины. С того момента, как уничтожена частная собственность на землю и фабрики и свергнута власть помещиков и капиталистов, задачи политики для трудящейся массы и трудящихся женщин становятся простыми, ясными и вполне для всех доступными. В капиталистическом обществе женщина поставлена в такое бесправное положение, что участие ее в политике проявляется в ничтожной доле по сравнению с мужчиной. Для того, чтобы это положение переменялось, нужно, чтобы была власть трудящихся, и тогда главные задачи политики будут составлять все то, что непосредственно касается судьбы самих трудящихся.

И здесь участие женщины-работницы, не только партийной и сознательной, но и беспартийной и наиболее бессознательной, необходимо. Здесь для женщины-работницы открывается Советской властью широкое поле деятельности.

Нам приходилось очень трудно в борьбе против сил, враждебных Советской России, которые идут на нее походом. Нам было трудно бороться и в области военной с теми силами, которые против власти трудящихся идут войной, и в области продовольственной против спекулянтов, потому что недостаточно велико число людей, число трудящихся, которые всецело шли бы к нам на помощь своим собственным трудом. И здесь Советская власть ничто не может так ценить, как помощь широкой массы беспартийных женщин-работниц. Пусть они знают, что, может быть, в старом буржуазном обществе для политической деятельности требовалась сложная подготовка, и это было недоступно женщине. Но политическая деятельность Советской республики главной своей задачей ставит борьбу с помещиками, капиталистами, борьбу за уничтожение эксплуатации, и поэтому в Советской республике для женщин-работниц открывается политическая деятельность, которая будет состоять в том, чтобы своим организаторским умением женщина помогала мужчине.

Нам нужна не только организаторская работа в миллионном масштабе. Нам нужна организаторская работа

и в самом небольшом масштабе, которая дает возможность трудиться и женщинам. Женщина может трудиться и в условиях военных, когда дело идет о помощи армии, об агитации среди нее. Женщина во всем этом должна принимать активное участие, чтобы Красная Армия видела, что о ней заботятся, о ней пекутся. Женщина может трудиться также и в области продовольственной — по распределению продуктов и улучшению массового питания, развитию тех столовых, которые так широко теперь поставлены в Петрограде.

Вот в каких областях деятельность женщины-работницы приобретает настоящее организаторское значение. Участие женщины необходимо и в постановке крупных опытных хозяйств и наблюдении за ними, чтобы это дело не было у нас одиночным делом. Без участия в этом деле большого числа трудящихся женщин оно невыполнимо. И женщина-работница вполне может подойти к этому делу и в смысле надзора за распределением продуктов, и надзора за тем, чтобы продукты легче доставались. Эта задача вполне посильна для беспартийной женщины-работницы, и между тем осуществление этой задачи будет содействовать более всего упрочению социалистического общества.

Отменив частную собственность на землю и почти целиком отменив ее и на фабрики и заводы, Советская власть стремится к тому, чтобы все трудящиеся, не только партийные, но и беспартийные, и не только мужчины, но и женщины, принимали участие в этом хозяйственном строительстве. Это начатое Советской властью дело может быть двинуто вперед только тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин. Тогда дело социалистического строительства, мы уверены, будет упрочено. Тогда трудящиеся докажут, что они могут жить и могут хозяйничать и без помещиков и капиталистов. Тогда социалистическое строительство будет стоять в России так прочно, что никакие внешние враги в других странах и внутри России не будут Советской республике страшны.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 198—205

«СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ»

...Положение женщины особенно наглядно поясняет разницу между буржуазной и социалистической демократией, особенно наглядно отвечает на поставленный вопрос.

В буржуазной республике (т. е. где есть частная собственность на землю, фабрики, заводы, акции и проч.), хотя бы это была самая демократическая республика, положение женщины *нигде в мире, ни в одной самой передовой стране* не стало вполне равноправным. И это несмотря на то, что со времени великой французской (буржуазно-демократической) революции прошло более 1 $\frac{1}{4}$ века.

Буржуазная демократия на словах обещает равенство и свободу. На деле женской половине человеческого рода ни одна, хотя бы самая передовая, буржуазная республика *не дала* ни полного равенства с мужчиной по закону, ни свободы от опеки и от угнетения мужчины.

Буржуазная демократия есть демократия пышных фраз, торжественных слов, велеречивых обещаний, громких лозунгов *свободы и равенства*, а на деле это прикрывает несвободу и неравенство женщины, несвободу и неравенство трудящихся и эксплуатируемых.

...Не может быть, нет и не будет настоящей «свободы», пока нет свободы для женщины от привилегий по закону в пользу мужчины, свободы для рабочего от ига капитала, свободы для трудящегося крестьянина от ига капиталиста, помещика, купца...

За два года Советская власть в одной из самых отсталых стран Европы сделала для освобождения женщины, для равенства ее с «сильным» полом столько, сколько за 130 лет не сделали все вместе передовые, просвещенные, «демократические» республики всего мира.

Просвещение, культура, цивилизация, свобода — все эти пышные слова соединяются во всех капиталистических, буржуазных республиках мира с неслыханно-подлыми, отвратительно-грязными, зверски-грубыми

законами о неравенстве женщины, по законам о брачном праве и о разводе, о неравенстве внебрачного ребенка с «законнорожденным», о привилегиях для мужчины, об унижении и оскорблении для женщины.

Иго капитала, гнет «священной частной собственности», деспотизм мещанской тупости, мелкохозяйственной корысти — вот что помешало самым демократическим республикам буржуазии посягнуть на эти грязные и подлые законы.

Советская республика, республика рабочих и крестьян, смела эти законы сразу, не оставила камня на камне в постройках буржуазной лжи и буржуазного лицемерия...

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 285—287

В. И. ЛЕНИН

В БЮРО ЖЕНСКОГО СЪЕЗДА ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ ²⁹

Товарищи! Не имея возможности быть на Вашем съезде, я хотел бы письменно передать Вам мое приветствие и пожелание наилучших успехов.

Теперь мы счастливо кончаем гражданскую войну. Советская республика укрепляется своими победами над эксплуататорами. Советская республика может и должна сосредоточить отныне свои силы на более важной, более близкой и родственной всем нам, всем трудящимся, задаче: на войне бескровной, на войне за победу над голодом, холодом, разрухой. И в этой бескровной войне работницы и крестьянки призваны сыграть особенно крупную роль.

Пусть женский съезд Петроградской губернии поможет основать, сплотить, организовать женскую армию трудящихся в этой бескровной войне, которая должна принести и принесет Советской власти еще более великие победы.

С коммунистическим приветом

В. Ульянов (Ленин)

10/I. 1920.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 50

К ЖЕНЩИНАМ-РАБОТНИЦАМ

Товарищи! Выборы в Московский Совет показывают укрепление партии коммунистов среди рабочего класса.

Надо, чтобы женщины-работницы приняли большее участие в выборах. Советская власть первая и единственная в мире уничтожила полностью все старые, буржуазные, подлые законы, ставящие женщину в неравноправное положение с мужчиной, дающие привилегии мужчине, например, в области брачного права или в области отношений к детям. Советская власть первая и единственная в мире, как власть трудящихся, отменила все, связанные с собственностью, преимущества, которые сохранились в семейном праве за мужчиной во всех, даже самых демократических, буржуазных республиках.

Где есть помещики, капиталисты, купцы, там не может быть равенства женщины с мужчиной даже по закону.

Где нет помещиков, капиталистов, купцов, где власть трудящихся без этих эксплуататоров строит новую жизнь, там есть равенство женщины с мужчиной по закону.

Но этого мало.

Равенство по закону не есть еще равенство в жизни.

Нам надо, чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником. Для этого надо, чтобы женщины-работницы все больше и больше участия принимали в управлении общественными предприятиями и в управлении государством.

Управляя, женщины научатся быстро и догонят мужчин.

Выбирайте же больше женщин-работниц в Совет, как коммунисток, так и беспартийных. Лишь бы была честная работница, умеющая вести толковую добросовестную работу, пусть она беспартийная,— выбирайте ее в Московский Совет!

Больше женщин-работниц в Московском Совете! Пусть московский пролетариат докажет, что он готов делать и делает все для борьбы до победы, для борьбы

против старой неправоправности, против старого, буржуазного принижения женщины!

Пролетариат не может добиться полной свободы, не завоевывая полной свободы для женщин.

И. Ленин

21-го февраля 1920 года.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 157—158

ИЗ СТАТЬИ В. И. ЛЕНИНА

«К МЕЖДУНАРОДНОМУ ДНЮ РАБОТНИЦ»

...Даже и с формальным равенством (равенством по закону, «равенством» сытого и голодного, собственника и неимущего) капитализм *не может* быть последователен. И одним из вопиющих проявлений этой непоследовательности является *неравноправие* женщины с мужчиной. Полного равноправия не дало ни одно, даже самое прогрессивное республиканское, демократическое, буржуазное государство.

А Советская республика России сразу смела *все без изъятия* законодательные следы неравенства женщины, сразу обеспечила ей полное равенство по закону.

Говорят, уровень культуры всего более характеризуется юридическим положением женщины. В этом изречении есть зерно глубокой истины. И с этой точки зрения только диктатура пролетариата, только социалистическое государство могло осуществить и осуществило высший культурный уровень.

Новый, невиданно-могучий толчок жепскому рабочему движению неизбежно связан поэтому с основанием (и упрочением) первой Советской республики, — а рядом с этим и в связи с этим с Коммунистическим Интернационалом.

Раз речь идет о тех, кто капитализмом был угнетен прямо или косвенно, сплошь или отчасти, то именно советский строй и только советский строй обеспечивает демократию. Это ясно на положении рабочего класса и беднейших крестьян. Это ясно видно на положении женщины.

Но советский строй есть последний решительный бой за *уничтожение классов*, за экономическое и социальное равенство. Демократии, даже демократии для

угнетенных капитализмом, в том числе для угнетенного пола, — *нам мало*.

Женское рабочее движение главной своей задачей ставит борьбу за экономическое и социальное равенство женщины, а не только формальное. Втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать ее из «домашнего рабства», освободить ее от подчинения — отупляющего и принижающего — вечной и исключительной обстановки кухни, детской — вот главная задача.

Это — борьба длительная, требующая коренной переделки и общественной техники и нравов. Но эта борьба кончится полной победой коммунизма.

4 марта 1920 г.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 192—193

ИЗ СТАТЬИ В. И. ЛЕНИНА

«МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ РАБОТНИЦ»

...Втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин. Ибо женская половина рода человеческого при капитализме угнетена вдвойне. Работница и крестьянка угнетены капиталом и сверх того они даже в самых демократических из буржуазных республик остаются, во-первых, неполноправными, ибо равенства с мужчиной закон им не дает; во-вторых, — и это главное — они остаются в «домашнем рабстве», «домашними рабынями», будучи задавлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашне-семейного хозяйства.

Большевистская, советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире. От неравенства женщины с мужчиной по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа. Особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено Советской властью полностью.

Это — первый только шаг к освобождению женщины. Но ни одна из буржуазных, хотя бы и наиболее демократических, республик не осмелилась сделать и

этого первого шага. Не осмелилась из страха перед «священной частной собственностью».

Второй и главный шаг — отмена частной собственности на землю, фабрики, заводы. Этим и только этим открывается дорога для полного и действительного освобождения женщины, освобождения ее от «домашнего рабства» путем перехода от мелкого одиночного домашнего хозяйства к крупному обобществленному.

Переход этот труден, ибо дело идет здесь о переделке наиболее укоренившихся, привычных, заскорузлых, окостенелых «порядков» (по правде сказать, безобразий и дикостей, а не «порядков»). Но переход этот начат, дело двинуто, на новый путь мы вступили.

И в международный день работниц во всех странах мира на бесчисленных собраниях работниц будут раздаваться приветы Советской России, начавшей неслыханно трудное и тяжелое, но великое, всемирно великое и действительно освободительное дело...

Раздел четвертый

СЕМЬЯ, БРАК, ЛЮБОВЬ

ИЗ РАБОТЫ К. МАРКСА

«ЭКОНОМИЧЕСКО-ФИЛОСОФСКИЕ РУКОПИСИ 1844 ГОДА»

...Коммунизм... в его первой форме является лишь обобщением и завершением отношения частной собственности. В качестве этого завершения он... стремится уничтожить все то, чем, на началах *частной собственности*, не могут обладать все... Это движение, стремящееся противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность, выражается в совершенно животной форме, когда оно противопоставляет браку (являющемуся, действительно, некоторой *формой исключительной частной собственности*) *общность жен*, где, следовательно, женщина становится *общественной и всеобщей* собственностью. Можно сказать, что эта идея *общности жен* выдает тайну этого еще совершенно грубого и непродуманного коммунизма. Подобно тому как женщина переходит тут от брака ко всеобщей проституции *, так и весь мир богатства, т. е. предметной сущности человека, переходит от исключительного брака с частным собственником к универсальной проституции со всем обществом. Этот коммунизм, отрицающий повсюду *личность* человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием...

К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений»,
стр. 586

* Проституция является лишь некоторым особым выражением *всеобщего* проституирования *рабочего*, а так как это проституирование представляет собой такое отношение, в которое попадает не только проституруемый, но и проституирующий, причем гнусность последнего еще гораздо больше, — то и капиталист и т. д. подпадает под эту категорию.

В отношении к женщине, как к добыче и служанке общественного сладострастия, выражена та бесконечная деградация, в которой человек пребывает по отношению к самому себе, ибо тайна этого отношения находит свое *недвузначное*, решительное, *открытое*, явное выражение в отношении *мужчины к женщине* и в том, как мыслится *непосредственное, естественное* родовое отношение. Непосредственным, естественным, необходимым отношением человека к человеку является *отношение мужчины к женщине*. В этом *естественном* родовом отношении отношение человека к природе есть непосредственным образом его отношение к человеку, а его отношение к человеку есть непосредственным образом его отношение к природе, его собственное *природное* предназначение. Таким образом, в этом отношении *проявляется* в *чувственном* виде, в виде наглядного факта то, насколько стала для человека природой человеческая сущность, или насколько природа стала человеческой сущностью человека. На основании этого отношения можно, следовательно, судить о ступени общей культуры человека. Из характера этого отношения видно, в какой мере человек стал для себя *родовым существом*, стал для себя *человеком* и мыслит себя таковым. Отношение мужчины к женщине есть *естественнейшее* отношение человека к человеку. Поэтому в нем обнаруживается, в какой мере *естественное* поведение человека стало *человеческим*, или в какой мере *человеческая* сущность стала для него *естественной* сущностью, в какой мере его *человеческая природа* стала для него *природой*. Из характера этого отношения явствует также, в какой мере *потребность* человека стала *человеческой* потребностью, т. е. в какой мере *другой* человек в качестве человека стал для него потребностью, в какой мере сам он, в своем индивидуальнейшем бытии, является вместе с тем общественным существом.

К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений»,
стр. 587

В качестве этой *извращающей* силы деньги выступают затем и по отношению к индивиду и по отношению к общественным и прочим связям, претендующим на роль и значение самостоятельных *сущностей*. Они

превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба,—глупость в ум, ум в глупость...

Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим идвигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть *определенным*, соответствующим объекту твоей воли *проявлением* твоей *действительной индивидуальной* жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим *жизненным проявлением* в качестве любящего человека не делаешь себя *человеком любимым*, то твоя любовь бессильна, и она — несчастье.

К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений»,
стр. 620

ИЗ СТАТЬИ К. МАРКСА

«ДЕБАТЫ О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ»

Гёте как-то сказал, что художнику удастся изобразить только такого типа женской красоты, который он любил хотя бы в одном живом существе³⁰. Свободе печати также присуща своя красота,— хотя красота эта отнюдь не жеманская,— и ее надо любить, чтобы быть в состоянии защищать ее. Существование того, что я действительно люблю, я ощущаю как необходимое, я чувствую в нем потребность, без него мое существование не может быть полным, удовлетворенным, совершенным. Между тем упомянутые защитники свободы печати, по-видимому, наслаждаются полнотой жизни и при отсутствии свободы печати.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 35—36

«ФИЛОСОФСКИЙ МАНИФЕСТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА»

Гуго³¹, таким образом, законченный скептик. Скептицизм восемнадцатого века, отрицавший разумность существующего, проявляется у Гуго как скептицизм, отрицающий существование разума. Гуго приемлет эпоху Просвещения, он не видит более ничего разумного в позитивном, но лишь для того, чтобы не видеть ничего позитивного в разумном. Он думает, что видимость разума в позитивном была развеяна лишь для того, чтобы признать такую позитивную действительность, которая лишена даже видимости разума; он думает, что люди сбросили *фальшивые цветы* с цепей для того, чтобы носить *настоящие цепи* без каких бы то ни было цветов.

Гуго находится в таком же отношении к прочим просветителям восемнадцатого века, в каком, например, разложение французского государства при развратном дворе регента* находится к разложению французского государства во времена Национального собрания. И в том и в другом случае разложение! Там оно проявляется в виде *распутной фривольности*, которая понимает и высмеивает пустую безыдейность существующего, но лишь с тем, чтобы, сбросив с себя все разумные и нравственные узы, забавляться зрелищем гниения и распада и, находясь во власти всеобщего разложения, идти навстречу своей гибели. Это — загнивание тогдашнего мира, который наслаждается этим своим загниванием. Во времена Национального собрания, наоборот, разложение проявляется как освобождение нового духа от старых форм, которые были уже недостойны и неспособны охватить его. Это — чувство собственной силы, присущее новой жизни, которая разрушает разрушенное, отвергает отвергнутое. Если поэтому философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией французской революции, то естественное право Гуго нужно считать немецкой теорией французского ancien régime**. Мы вновь встречаем у него всю фри-

* — Филиппа Орлеанского. Ред.

** — старого порядка. Ред.

вольность прожигателей жизни, пошлый скептицизм, наглый по отношению к идеям и в высшей степени покорный по отношению ко всему грубо-осязаемому, тот скептицизм, который начинает чувствовать себя премудрым лишь тогда, когда он умертвил *дух* позитивного, — и все это для того, чтобы овладеть, в виде остатка, чисто позитивным и наслаждаться своим благополучием в этом *животном* состоянии. Даже когда Гуго взвешивает силу аргументов, он с безошибочно верным инстинктом усматривает во всем том, что является в институтах разумным и нравственным, нечто *сомнительное* для разума. Только *животная природа* представляется его уму чем-то несомненным. Но послушаем нашего просветителя, рассуждающего с точки зрения *ancien régime*! Нужно выслушать суждения Гуго в изложении самого Гуго. Ко всем его рассуждениям, вместе взятым, надо прибавить: αὐτὸς ἔφη*.

ВВЕДЕНИЕ

«Единственный юридический отличительный признак человека — его животная природа»...

ГЛАВА О БРАКЕ ³²

«При философском рассмотрении положительного права неоднократно уже придавалось браку значение гораздо более существенного и согласного с разумом института, чем это может признать совершенно свободное исследование вопроса».

Именно удовлетворение полового влечения в браке — вот что ценит г-н Гуго. Он даже выводит целительную мораль из этого факта:

«Это обстоятельство, как и бесчисленные другие, должно было бы показать, что не всегда безнравственно пользоваться человеческим телом как средством для определенной цели, вопреки мнению тех, — в том числе и самого Канта, — которые неправильно понимают это выражение».

Но облагораживание полового влечения исключительно, обуздание влечения законами, нравственная красота, которая придает велению природы идеальный характер момента духовного единения, — словом, духовная сущность брака, — вот что является сомни-

* — сам сказал. *Ред.*

тельным в браке для г-на Гуго. Однако прежде чем следовать дальше за ходом его *фривольно-бесстыдной* мысли, противопоставим на минуту голосу *исторического* немца голос *французского философа*.

«Отрекаясь для единственного мужчины от той таинственной сдержанности, божественная норма которой запечатлена в ее душе, женщина вся отдается этому мужчине — человеку, для которого она во внезапном порыве отбрасывает никогда не покидающую ее стыдливость, для которого она снимает свои покрывала, являющиеся в другое время ее убежищем и украшением. Отсюда — глубокое доверие к супругу, как результат исключительного отношения, которое может существовать только между ней и им, а в противном случае оскорбляет ее. Отсюда — благодарность супруга за жертву и эта смесь желаний и уважений по отношению к существу, которое, даже разделяя с ним наслаждение, как будто только уступает ему. Вот источник всего упорядоченного в нашем общественном строе».

Так говорит либеральный философствующий француз — Бенжамен Констан! А теперь послушаем рабочего исторического немца.

«Гораздо больше сомнений вызывает второй момент, а именно то, что вне брака не разрешается удовлетворять это влечение! Животная природа противится этому ограничению. Разумная природа противится этому еще больше, ибо» (отгадайте-ка!) «ибо человек должен был бы обладать почти всеведением, чтобы предвидеть, какие это может иметь последствия,— и, следовательно, это значило бы *искушать бога*,— когда мы обязываемся удовлетворять одно из могущественнейших природных влечений лишь в том случае, если это возможно с данным определенным другим лицом». «Выходит, что свободное по природе своей чувство прекрасного должно быть сковано, и то, что связано с ним, должно быть целиком оторвано от него».

Посмотрите-ка, к кому пошли на выучку наши младогерманцы! ³³

«Природе гражданского общежития этот институт противоречит, поскольку... перед полицией ставится, в конце концов, едва ли разрешимая задача!»

До чего, выходит, неуклюжа философия — ведь она не обладает искусством проявлять столь внимательную заботу по отношению к *полиции*!

«Все, что вытекает, как следствие, из ближайших определений брачного права, показывает нам, что брак,— каких бы принципов ни придерживаться,— остается в высшей степени несовершенным институтом».

«Но это ограничение полового влечения рамками брака имеет также важные преимущества, а именно — благодаря ему

обыкновенно можно избежать заразных болезней. Брак избавляет правительство от многих затруднительных мер. Наконец, играет роль и то, повсюду имеющее столь важное значение, соображение, что тут частноправовой момент стал уже единственно-обычным моментом». «Фихте говорит: не состоящий в браке индивид — лишь наполовину человек. Но в таком случае мне» (т. е. Гуго), «к сожалению, приходится признать это прекрасное изречение, ставящее меня над Христом, Фенелоном, Кантом и Юмом, за чудовищное преувеличение».

«Что касается моногамии и полигамии, то дело здесь явно зависит от животной природы человека»!!

ГЛАВА О ВОСПИТАНИИ

Мы сразу узнаём, что «искусство воспитания в состоянии выставить не меньше доводов против связанных с ним» (т. е. с воспитанием в семье) «юридических отношений, чем искусство любить — против брака».

«Трудность, состоящая в том, что воспитывать можно только в пределах этих отношений, далеко не так серьезна, как при удовлетворении полового влечения; это объясняется между прочим и тем обстоятельством, что разрешается передавать по договору дело воспитания третьему лицу; следовательно, тот, кто чувствует очень сильное стремление к этому делу, легко может добиться удовлетворения, — но, конечно, не обязательно по отношению к тому определенному лицу, которое он хотел бы воспитывать. Между тем противоречит разуму и тот уже факт, что человек, которому, наверно, никто никогда не доверил бы ребенка, может в силу такого отношения воспитывать и устранять других от воспитания». «Наконец, и здесь проявляется принуждение, отчасти в том смысле, что позитивное право часто не разрешает воспитателю расторгнуть это отношение, отчасти же потому, что воспитываемый принужден терпеть именно этого воспитателя». «Действительность этого отношения покоится по большей части на простой случайности рождения, которое связано с отцом посредством брака. Такой источник рассматриваемого права, совершенно очевидно, не особенно разумен хотя бы потому, что здесь обыкновенно имеет место пристрастие, которое уже само по себе мешает хорошему воспитанию; он также не безусловно необходим, как можно видеть из того, что воспитываются ведь и дети, родители которых уже умерли».

...В сущности немного требуется критики, чтобы за благоухающими современными фразами распознать грязные старые фантазии нашего просветителя ancien régime, а за высокопарной елейностью — его блудливую пошлость.

Если Гуго говорит: «Животная природа составляет юридический отличительный признак человека», — выходит, что право есть животное право, — то образованные

современники вместо грубых, откровенных слов «животное право» говорят «органическое право» или что-то в этом роде; ибо кому при слове *организм* сейчас же придет на ум *животный организм*? Если Гуго говорит, что в браке и в других нравственно-правовых институтах нет разума, то современные господа говорят, что эти институты не являются, правда, созданиями человеческого разума, но они являются зато отражениями высшего «позитивного» разума — и так во всём. Один только вывод высказывают все они с одинаковой грубостью: право произвола и насилия.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 87—82

К. МАРКС

ПРОЕКТ ЗАКОНА О РАЗВОДЕ ³⁴

Кёльн, 18 декабря. «Rheinische Zeitung» заняла по отношению к проекту закона о разводе совершенно особую позицию, и ни с чьей стороны нам до сих пор не было доказано, что эта позиция несостоятельна. «Rheinische Zeitung» согласна с проектом, поскольку она считает действующее доньше прусское законодательство о браке безнравственным, бесчисленность и фривольность действующих и в настоящее время оснований для развода — недопустимыми, практиковавшуюся доньше процедуру — не соответствующей достоинству предмета; это, впрочем, можно сказать о старопрусском судопроизводстве в целом. С другой стороны, «Rheinische Zeitung» выдвинула против нового проекта следующие главные возражения: 1) реформа была подменена простым пересмотром, — следовательно, прусское право было сохранено как основной закон, результатом чего явились резко выраженные половинчатость и шатание; 2) брак рассматривается законодательством не как *нравственный*, а как *религиозный* и *церковный* институт, следовательно — светская сущность брака игнорируется; 3) предлагаемая процедура полна недостатков и представляет собой внешнее соединение противоречивых элементов; 4) приходится констатировать, с одной стороны, противоречащие понятию брака полицейские строгости, а с другой, — слишком большую мягкость в отношении так

называемых соображений справедливости; 5) вся формулировка проекта оставляет желать многого в отношении логической последовательности, чёткости, ясности и выдержанности точки зрения.

Поскольку противники проекта критикуют какой-нибудь из этих недостатков, мы в этом с ними согласны, но — в противоположность им — мы ни в коем случае не можем одобрить их безоговорочную апологию прежней системы. Мы ещё раз повторяем мысль, уже высказанную нами раньше: «Если законодательство не может декретировать нравственность, то оно ещё в меньшей степени может провозгласить правом безнравственность»³⁵. Когда же мы спрашиваем *этих* противников (которые не являются противниками церковной трактовки вопроса и других указанных недостатков), на чём основываются их рассуждения, — то они нам всегда говорят о несчастном положении супругов, связанных друг с другом против своей воли. Они становятся на эвдемонистическую точку зрения, они думают только о двух индивидах и забывают про семью. Они забывают, что почти всякое расторжение брака есть расторжение семьи и что даже с чисто юридической точки зрения положение детей и их имущества не может быть поставлено в зависимость от произвольного усмотрения родителей, от того, что им заблагорассудится. Если бы брак не был основой семьи, то он так же не являлся бы предметом законодательства, как, например, дружба. Таким образом, принимается во внимание *только* индивидуальная воля, или, вернее, *произвол* супругов, но не принимается во внимание *воля брака*, нравственная субстанция этого отношения. Законодатель же должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. Он не *делает* законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутреннее законы духовных отношений. Мы должны были бы бросить упрёк законодателю в безграничном произволе, если бы он подменил сущность дела своими выдумками. Но точно так же и законодатель имеет право рассматривать как безграничный произвол тот случай, когда частные лица хотят осуществить свои капризы наперекор сущности дела. Никто не принуждается к заключению брака, но всякий должен быть принуждён подчиняться законам брака, раз он вступил в брак. Тот,

кто заключает брак, не *творит* брака, не *изобретает* его, он так же мало творит и изобретает брак, как пловец — природу и законы воды и тяжести. Брак поэтому не может подчиняться произволу вступившего в брак, а, наоборот, произвол вступившего в брак должен подчиняться сущности брака. Кто произвольно расторгает брак, тот этим утверждает, что произвол, *беззаконие есть закон брака*, ибо ни один разумный человек не будет обладать таким самомнением, чтобы считать свои действия привилегированными, дозволенными *ему одному*; наоборот, всякий разумный человек будет считать свои действия закономерными, *дозволенными всем*. Однако против чего вы выступаете? Против законодательства произвола. Но вы ведь не станете возводить произвол в закон в тот самый момент, когда вы обвиняете законодателя в произволе.

Гегель говорит: *в себе*, по своему понятию, брак нерасторжим, но *только* в себе, т. е. только по своему понятию. Этим совершенно не отмечается то *специфическое*, что есть в браке. Все нравственные отношения нерасторжимы по *своему понятию*, как легко убедиться, если предположить их *истинность*. *Истинное* государство, *истинный* брак, *истинная* дружба нерушимы, но никакое государство, никакой брак, никакая дружба не соответствуют полностью своему понятию. Как *разрушимы* реальная дружба даже в семье и реальное государство в мировой истории, — точно так же и реальный брак *расторжим* в государстве. Никакое *реально существующее* нравственное отношение не соответствует или, по крайней мере, не *должно с необходимостью* соответствовать своей *сущности*. Подобно тому как в природе распад и смерть наступают сами собой там, где какое-нибудь существование совершенно перестало соответствовать своему назначению; подобно тому как мировая история решает вопрос, не отклонилось ли какое-нибудь государство от идеи государства настолько, что оно не заслуживает дальнейшего сохранения, — точно так же и государство решает, при каких условиях *существующий* брак перестал быть браком. Развод есть только установление факта: данный брак есть *умерший* брак, его существование есть только видимость и обман. Само собой разумеется, что ни произвол законодателя, ни произвол частных лиц, а только *существо дела* решает каждый

раз, умер ли брак или нет, ибо *установление факта смерти*, как известно, зависит от существа дела, а не от *желаний* заинтересованных сторон. Но если вы при *физической смерти* требуете точных неопровержимых доказательств, то разве не ясно, что законодатель может констатировать *правственную смерть* только на основании самых несомненных симптомов, ибо сохранение жизни правственных отношений есть не только право законодателя, но и его *обязанность*, обязанность его самосохранения!

Уверенность в том, что *условия*, при которых *существование* какого-нибудь нравственного отношения не соответствует более его *сущности*, констатируются правильно, без предвзятых мнений, в соответствии как с достигнутым уровнем науки, так и со сложившимися в обществе взглядами,— эта уверенность, конечно, только тогда может иметь место, когда закон является сознательным выражением народной воли, следовательно — когда он возникает вместе с нею и ею создаётся. Ещё несколько слов об облегчении или затруднении развода. Можете ли вы считать какое-либо тело в природе здоровым, крепким, действительно организованным, если каждый внешний толчок, каждое повреждение в состоянии его уничтожить? Разве вы не почувствовали бы себя оскорблёнными, если бы кто-нибудь выставил как аксиому, что ваша дружба не может противостоять малейшим случайностям и что при малейшем капризе она неизбежно должна распасться? В отношении брака законодатель может установить только те условия, при которых *дозволяется* расторгнуть брак, т. е. при которых брак по существу своему является *уже расторгнутым*. Судебное расторжение брака может быть только протоколированием его внутреннего распада. Точка зрения законодателя есть точка зрения необходимости. Законодатель, следовательно, *почитает* брак, признаёт его глубоко-нравственную сущность, если он считает его достаточно сильным, чтобы выдержать множество коллизий, не утрачивая при этом своей сущности. Мягкость по отношению к желаниям индивидов превратилась бы в жестокость по отношению к тому, что составляет сущность этих индивидов, по отношению к их нравственному разуму, который воплощается в нравственных отношениях.

В заключение мы можем только указать на опрометчивость тех, кто обвиняет в лицемерии страны со строгими законами о разводе, — страны, к которым с гордостью причисляет себя и Рейнская провинция. Только люди, кругозор которых не простирается дальше окружающего их нравственного разложения, могут осмеливаться бросать такие обвинения. В Рейнской провинции, например, находят эти обвинения смешными или, самое большее, рассматривают их как доказательство того, что можно утратить даже *представление* о нравственных отклонениях и всякий нравственный факт расценивать как *вымысел* и ложь. Это является непосредственным результатом таких законов, которые не продиктованы уважением к человеку. Недостаток, присущий этим законам, не устраняется тем, что от презрения к материальной природе человека переходят к презрению к его идеальной природе, требуя от человека слепого повиновения сверхнравственному и сверхъестественному авторитету вместо сознательного подчинения нравственно-естественным силам.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 161—164

ИЗ РАБОТЫ К. МАРКСА

«К КРИТИКЕ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА»

...В результате того, что землевладение является неотчуждаемым, у него оказываются перерезанными социальные нервы и обеспечивается его *изолированность от гражданского общества*. Благодаря тому что землевладение переходит по наследству не согласно «равенству любви к детям», оно отрывается, становится независимым даже от самого мелкого союза, от природного союза, от *семьи*, от её воли и её законов; таким образом, *чёрствая природа частной собственности* предохраняется также и от перехода в форму *семейного имущества*.

Гегель в § 305 объявил сословие землевладения способным конституироваться в «политическое отношение» в силу того, что «*семейная жизнь*» является его «*основой*». Но Гегель сам же провозгласил «*любовь*» основой, принципом, *душой* семейной жизни. Следовательно, в том сословии, для которого семейная жизнь служит

основой, недостает как раз основы семейной жизни, любви в качестве действительного и тем самым действительного и определяющего принципа. Это — бездушная семейная жизнь, иллюзия семейной жизни. На высшей ступени своего развития принцип частной собственности противоречит принципу семьи. Таким образом получается, что в противоположность сословию природной нравственности, сословию семейной жизни, лишь в гражданском обществе семейная жизнь становится жизнью семьи, жизненным проявлением любви. Сословие же землевладения представляет собой, напротив, варварство частной собственности против семейной жизни.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 334

ИЗ КНИГ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

«СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО»

3) ЛЮБОВЬ

Чтобы достичь полного «спокойствия познания», критическая критика прежде всего должна постараться разделаться с любовью. Любовь — это страсть, а для спокойствия познания нет ничего более опасного чем страсть. Поэтому в связи с романами г-жи фон Пальцов, которые, по уверению г-на Эдгара ³⁶, «основательно изучены им», он преодолевает «ребячество, называемое любовью». Любовь — это ужас и страшилище. Она вызывает у критической критики злость, разлитие жёлчи и чуть ли не упомощение.

«Любовь... есть жестокая богиня, которая, как и всякое божество, стремится завладеть всем человеком и не удовлетворяется до тех пор, пока человек не отдаст ей не только свою душу, но и свое физическое «я». Ее культ, это — страдание, вершина этого культа — самопожертвование, самоубийство».

Чтобы превратить любовь в «Молоха», в воплощённого дьявола, г-н Эдгар превращает её предварительно в богиню. Став богиней, т. е. предметом теологии, любовь, разумеется, подлежит теологической критике; да и помимо того бог и дьявол, как известно, не далеки друг от друга. Г-н Эдгар превращает любовь в «богиню»,

и притом в «жестокую богиню», тем, что из *любящего человека*, из любви человека он делает человека любви, — тем, что он отделяет от человека «любовь» как особую сущность и, как таковую, наделяет её самостоятельным бытием. Посредством такого простого процесса, посредством такого превращения предиката в субъект можно все присущие человеку определения и проявления критически преобразовать в *фантастические отдельные существа* и в *самоотчуждения* человеческой сущности. Так, например, критическая критика делает из критики, как предиката и деятельности человека, особый субъект, направленную на самое себя и потому *критическую критику*, — делает какого-то «Молоха», культ которого состоит в самопожертвовании, в самоубийстве человека и особенно его *мыслительной способности*.

«Предмет», — восклицает спокойствие познания, — «предмет, вот подходящее выражение, ибо любимый для любящего» — (женский род отсутствует) — «важен лишь как *этот внешний объект* его душевного влечения, как объект, в котором он хочет найти удовлетворение для своего эгонистического чувства».

Предмет! Ужасно! Нет ничего более возмутительного, более нечестивого, более массового, чем *предмет*, — долой же предмет! Как могла абсолютная субъективность, *actus purus* *, «чистая» критика, — как могла она не усмотреть в любви своей *bête noire* **, воплощения сатаны, — в любви, которая впервые по-настоящему научает человека верить в находящийся вне его предметный мир, которая обращает не только человека в предмет, но даже предмет в человека!

Любовь, — продолжает, вне себя, спокойствие познания, — не успокаивается даже на том, чтобы превратить человека в категорию «объекта» для другого человека: она превращает его в *определённый, действительный объект*, в *этот* скверно-индивидуальный (см. «Феноменологию» Гегеля о категориях «Это» и «То», где также ведётся полемика против скверного «Это») *внешний объект*, имеющий не только внутреннее, скрывающееся в мозгу, но и чувственно осязаемое существование.

* — чистая деятельность. *Ред.*

** — буквально: черный зверь, т. е. страшилище, предмет ненависти. *Ред.*

Нет, возлюбленная есть *чувственный предмет*. А критическая критика, если уж ей приходится снизойти до признания какого-нибудь предмета, требует по меньшей мере, чтобы предмет был *нечувственным предметом*. Любовь же — *некритический, нехристианский материалист*.

Наконец, любовь ухитряется даже делать одного человека *«этим внешним объектом душевного влечения»* другого человека, объектом, в котором находит удовлетворение *эгоистическое* чувство другого человека, — *эгоистическое* по той причине, что оно в другом человеке *хочет обрести свою собственную сущность*, а это не должно иметь места. Критическая критика настолько свободна от всякого эгоизма, что *находит в своем собственном «я»* исчерпанным до дна всё содержание человеческой сущности.

Г-н Эдгар не сообщает нам, конечно, чем возлюбленная отличается от всех прочих *«внешних объектов душевного влечения, в которых находят себе удовлетворение эгоистические чувства людей»*. Обаятельный, полный чувства, богатый содержанием предмет любви сводится для спокойствия познания только к абстрактной схеме: *«этот внешний объект душевного влечения»*, — подобно тому как для спекулятивного натурфилософа комета сводится только к категории *«отрицательности»*. Делая другого человека внешним объектом своего душевного влечения, человек, правда, — по собственному признанию критической критики, — *придаёт ему «значительность»*; но это, так сказать, *предметная значительность*, между тем как значительность, придаваемая предметам критикой, есть не что иное, как та значительность, которую критика приписывает себе самой. Эта критическая *«значительность»* являет себя поэтому не *«в дурном внешнем бытии»*, а в *«Ничто»* критически значительного предмета.

Если спокойствие познания в действительном человеке не обретает *предмета*, то зато в *человечестве* оно обретает *дело*. Критическая любовь *«больше всего остерегается из-за личности забыть дело, которое есть не что иное, как дело человечества»*. Некритическая же

любовь не отделяет человечества от индивидуального человека, от личности.

«Сама по себе любовь, как *абстрактная* страсть, неведомо откуда пришедшая и неведомо куда уходящая, не обладает интересом к *внутреннему* развитию».

В глазах спокойствия познания любовь есть абстрактная страсть, согласно *спекулятивному* словопотреблению, называющему конкретное абстрактным, а абстрактное конкретным.

«В долине дева не родилась,
Где дом ее,— никто не знал;
Но вот она опять простилась,
Ушла, и след ее пропал»³⁷.

В глазах абстракции любовь есть «дева с чужбины», не имеющая диалектического паспорта, а потому изгоняемая из страны критической полицией.

Любовная страсть не обладает интересом к *внутреннему* развитию, потому что она не может быть сконструирована а priori, потому что её развитие есть действительное развитие, происходящее в чувственном мире и среди действительных индивидуумов. Главный же интерес спекулятивной конструкции заключается в «откуда» и «куда». «Откуда» есть именно «необходимость» понятия, его доказательство и дедукция» (Гегель). «Куда» есть такое определение, «в силу которого каждое отдельное звено спекулятивного кругооборота, как одушевлённое содержание метода, есть в то же время начало нового звена» (Гегель). Итак, только в том случае, если бы можно было а priori сконструировать «откуда» и «куда» любви, последняя заслуживала бы «интереса» спекулятивной критики.

Критическая критика борется здесь не только с любовью, но и со всем живым, со всем непосредственным, со всяким чувственным опытом, со всяким вообще *действительным* опытом, относительно которого мы никогда наперёд не знаем ни «откуда», ни «куда».

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 22—24

6) РАЗОБЛАЧЕНИЕ ТАЙНЫ ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ, ИЛИ ЛУИЗА МОРЕЛЬ ³⁸

По случаю ареста *Луизы Морель* Рудольф пускается в рассуждения, которые можно резюмировать следующим образом:

«Господин часто губит служанку, пуская в ход запугивание, неожиданный натиск или пользуясь другими обстоятельствами, вытекающими из природы *отношений между прислугой и господином*. Он ввергает ее в несчастье, обрекает на позор и преступление. Закон не затрагивает этих отношений... Преступник, фактически принудивший девушку к детоубийству, не подвергается наказанию».

Рассуждения Рудольфа не простираются даже настолько далеко, чтобы подвергнуть его светлейшей критике само *отношение между прислугой и господином*. В качестве мелкого властелина он — большой сторонник этого рода отношений. Ещё менее Рудольф возвышается до понимания бесчеловечности общего положения женщины в современном обществе. Ему, всецело верному своей прежней теории, не хватает лишь закона, наказывающего соблазнителя и соединяющего раскаяние и покаяние со страшными карами.

Рудольфу следовало бы только присмотреться к существующему законодательству других стран. *Английское* законодательство исполняет все его желания. В своей деликатности, столь прославляемой *Блэкстоном*, оно доходит до того, что предъявляет обвинение в *вероломстве* даже тому, кто соблазнил проститутку.

Г-н Шелига играет *туш*:

«Так» (!) — «мыслит» (!) — «Рудольф» (!). «А теперь сравните эти мысли с вашими фантазиями о женской эмансипации. В этих мыслях вы почти руками осязаете дело эмансипации, между тем как вы с самого начала слишком практичны и поэтому так часто терпите крушение с вашими пустыми попытками».

Во всяком случае, мы обязаны благодарностью г-ну Шелиге за разоблачение тайны, что то или иное дело можно почти руками осязать в мыслях. Что касается его забавного сравнения Рудольфа с людьми, учившими об эмансипации женщины, то пусть читатель сравнит мысли Рудольфа хотя бы со следующими «фантазиями» *Фурье*:

«Нарушение супружеской верности, обольщение девушки приносят соблазнителью честь, считаются хорошим тоном... Но бедная девушка! Детоубийство, какое преступление! Если она дорожит своей честью, она должна уничтожить следы бесчестия, а если она жертвует своим ребенком во имя предрассудков этого мира, то она подвергается еще большему позору и делается жертвой предрассудков закона... Вот тот *порочный круг*, который механизм цивилизации повсюду описывает в своем движении».

«Разве молодая девушка не является товаром, предлагаемым первому встречному покупателю, желающему приобрести ее в свою исключительную собственность?.. Точно так же, как в грамматике два отрицания составляют утверждение, так и в брачной сделке *две проституции составляют добродетель*».

«Развитие данной исторической эпохи всегда можно определить степенью продвижения женщин по пути к свободе, так как в отношениях между женщиной и мужчиной, между слабым и сильным полом, наиболее отчетливо выявляется победа человеческой природы над зверством. Степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации».

«Унижение женского пола есть существенная характерная черта как цивилизации, так и варварства, с тем только различием, что всякому пороку, который варварство практикует в простом виде, цивилизация придает сложную, двусмысленную, двуличную, лицемерную форму существования... За то, что женщина содержится в рабстве, никто не оказывается наказанным в большей степени, чем сам мужчина» (*Фурье*)³⁹.

Совершенно излишне противопоставлять рассуждениям Рудольфа мастерскую характеристику брака, данную Фурье, равно как и произведения материалистической фракции французского коммунизма.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 213—214

ИЗ РАБОТЫ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

«НЕМЕЦКАЯ ИДЕОЛОГИЯ»

Вместе с разделением труда, содержащим все противоречия и покоящимся, в свою очередь, на естественно возникшем разделении труда в семье и на распадении общества на отдельные, противостоящие друг другу семьи, — вместе с этим разделением труда дано и *распределение*, являющееся притом — как количественно, так и качественно — *неравным* распределением труда и его продуктов; следовательно дана и собственность, зародыш и первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети — рабы мужчины. Рабство в

семье — правда, ещё очень примитивное и скрытое — есть первая собственность, которая, впрочем, уже и в этой форме вполне соответствует определению современных экономистов, согласно которому собственность есть распоряжение чужой рабочей силой. Впрочем, разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности.

Далее, вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом...

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 31

...Пусть святой Санчо ⁴⁰ сравнит прусский закон о браке, который существует только в голове своего автора, с действующими на практике определениями *Code civil* *, и он увидит различие между святыми и мирскими законами о браке. В прусской фантазмагории святость семьи должна из государственных соображений быть действительна как для мужчины, так и для женщины; во французской же практике, где жена рассматривается как частная собственность мужа, за нарушение супружеской верности наказывается только жена, и то только по требованию мужа, осуществляющего своё право собственности...

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 334

ИЗ КНИГИ К. МАРКСА

«КАПИТАЛ»

...Сила фактов заставила, наконец, признать, что крупная промышленность разрушает вместе с экономическим базисом старой семьи и соответствующего ему семейного труда и старые семейные отношения. Необходимо было провозгласить право детей.

«К несчастью», — говорится в заключительном отчете Комиссии по обследованию условий детского труда 1866 г., — «из всех свидетельских показаний явствует, что дети обоего пола ни от

* — французского гражданского кодекса. *Ред.*

кого так не нуждаются в защите, как от своих родителей». Система безмерной эксплуатации труда детей вообще и их домашнего труда в особенности «поддерживается тем, что родители без всякого ограничения и контроля пользуются своей произвольной и пагубной властью над своим молодым и нежным потомством... У родителей не должно быть абсолютной власти превращать своих детей в простые машины для добывания такого-то еженедельного заработка... Дети и подростки имеют право на защиту законодательства от злоупотребления родительской властью, которое преждевременно подрывает их физические силы и принижает их моральное и интеллектуальное существо»*.

Однако не злоупотребление родительской властью создало прямую или косвенную эксплуатацию незрелых рабочих сил капиталом, а наоборот, капиталистический способ эксплуатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил ее в злоупотребление. Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает новую экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую, или древнегреческую, или восточную, которые, между прочим, одна в связи с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства, при соответствующих условиях должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития...

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 500—501

* «Children's Employment Commission. 5th Report», p. XXV, № 162, «2nd Report», p. XXXVIII, № 285, 289; p. XXV, XXVI, № 191.

«КНИГА ОТКРОВЕНИЯ»

Любопытный факт: в каждом крупном революционном движении вопрос о «свободной любви» выступает на передний план. Для одних это — революционный прогресс, освобождение от старых традиционных уз, переставших быть необходимыми; для других — охотно принимаемое учение, удобно прикрывающее всякого рода свободные и легкие отношения между мужчиной и женщиной.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 8

ИЗ КНИГИ Ф. ЭНГЕЛЬСА

**«ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ,
ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА»****II
СЕМЬЯ**

Морган, проведший большую часть своей жизни среди ирокезов, которые и теперь еще живут в штате Нью-Йорк, и усыновленный одним из их племен (племенем сенека), обнаружил, что у них существовала система родства, которая находилась в противоречии с их действительными семейными отношениями. У них господствовало то легко расторгжимое обеими сторонами единобрачие, которое Морган обозначает как «парную семью». Потомство такой супружеской пары было поэтому всем известно и общепризнано: не могло быть сомнения относительно того, к кому следует применять обозначения отец, мать, сын, дочь, брат, сестра. Но фактическое употребление этих выражений противоречит этому. Ирокез называет своими сыновьями и дочерьми не только своих собственных детей, но и детей своих братьев, а они называют его отцом. Детей же своих сестер он называет своими племянниками и племянницами, а они его — дядей. Наоборот, ирокезка называет детей своих сестер, как и своих собственных детей, своими сыновьями и дочерьми, а те называют ее ма-

терью. Детей же своих братьев она называет своими племянниками и племянницами, а сама является для них теткой. Точно так же дети братьев, как и дети сестер, называют друг друга братьями и сестрами. Напротив, дети женщины и дети ее брата называют друг друга двоюродными братьями и двоюродными сестрами. И это — не просто не имеющие значения названия, а выражения фактически существующих взглядов на близость и дальность, одинаковость и неодинаковость кровного родства, и эти взгляды служат основой вполне разработанной системы родства, которая в состоянии выразить несколько сот различных родственных отношений отдельного индивида. Более того: эта система действует в полную силу не только у всех американских индейцев (до сих пор не обнаружено ни одного исключения), но применяется также почти в неизменном виде у древнейших обитателей Индии, дравидских племен Декана и племен гаура в Индостане. Обозначения родства у тамиллов Южной Индии и у ирокезов племени сенека в штате Нью-Йорк одинаковы еще и теперь более чем для двухсот различных родственных отношений. И у этих индийских племен, так же как и у всех американских индейцев, родственные отношения, вытекающие из существующей формы семьи, также находятся в противоречии с системой родства.

Как же это объяснить? При той решающей роли, какую родство играет в общественном строе у всех диких и варварских народов, нельзя одними фразами сбросить со счетов значение этой так широко распространенной системы. Система, общераспространенная в Америке, существующая также в Азии у народов совершенно другой расы, часто встречающаяся в более или менее видоизмененных формах повсюду в Африке и Австралии, — такая система требует исторического объяснения; от нее нельзя отделаться одними словами, как это пытался сделать, например, Мак-Леннан⁴¹. Обозначения: отец, ребенок, брат, сестра — не какие-то лишь почетные звания, они влекут за собой вполне определенные, весьма серьезные взаимные обязательства, совокупность которых составляет существенную часть общественного строя этих народов. И объяснение нашлось. На Сандвичевых (Гавайских) островах еще в первой половине настоящего века существовала форма семьи, в ко-

торой были точно такие отцы и матери, братья и сестры, сыновья и дочери, дяди и тетки, племянники и племянницы, каких требуют американская и древнеиндийская системы родства. Но удивительно! Система родства, действовавшая на Гавайских островах, опять-таки не совпала с фактически существовавшей там формой семьи. А именно, там все без исключения дети братьев и сестер считаются братьями и сестрами и общими детьми не только своей матери и ее сестер или своего отца и его братьев, а всех братьев и сестер своих родителей без различия. Если, следовательно, американская система родства предполагает уже не существующую в Америке более примитивную форму семьи, которую мы действительно еще находим на Гавайских островах, то, с другой стороны, гавайская система родства указывает на еще более раннюю форму семьи, существования которой в настоящее время мы, правда, уже нигде не можем обнаружить, но которая *должна* была существовать, так как иначе не могла бы возникнуть соответствующая система родства.

«Семья», — говорит Морган, — «активное начало; она никогда не остается неизменной, а переходит от низшей формы к высшей, по мере того как общество развивается от низшей ступени к высшей. Напротив, системы родства пассивны; лишь через долгие промежутки времени они регистрируют прогресс, сделанный за это время семьей, и претерпевают радикальные изменения лишь тогда, когда семья уже радикально изменилась»⁴².

«И точно так же, — прибавляет Маркс, — обстоит дело с политическими, юридическими, религиозными, философскими системами вообще»⁴³. В то время как семья продолжает развиваться, система родства окостеневает, и пока последняя продолжает существовать в силу привычки, семья перерастает ее рамки. Но с такой же достоверностью, с какой Кювье по найденной около Парижа сумчатой кости скелета животного мог заключить, что этот скелет принадлежал сумчатому животному и что там когда-то жили вымершие сумчатые животные, — с такой же достоверностью можем мы по исторически дошедшей до нас системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи.

Упомянутые выше системы родства и формы семьи отличаются от господствующих ныне тем, что у каждого

ребенка несколько отцов и матерей. По американской системе родства, которой соответствует гавайская семья, брат и сестра не могут быть отцом и матерью одного и того же ребенка; гавайская же система родства предполагает семью, в которой, наоборот, это было правилом. Здесь перед нами ряд форм семьи, прямо противоречащих тем, которые до сих пор обычно считались единственно существовавшими. Традиционное представление знает только единобрачие, наряду с ним многоженство одного мужчины, да еще, в крайнем случае, многомужество одной женщины, и при этом, как и подобает морализирующему филистеру, умалчивает, что практика негласно, но бесцеремонно претупает границы, предписанные официальным обществом. Изучение первобытной истории, напротив, показывает нам состояние, при котором мужья живут в многоженстве, а их жены одновременно — в многомужестве, и поэтому дети тех и других считаются общими детьми их всех, состояние, которое в свою очередь, до своего окончательного перехода в единобрачие, претерпевает целый ряд изменений. Эти изменения таковы, что круг, охватываемый общими брачными узами, первоначально очень широкий, все более и более суживается, пока, в конце концов, не остается только отдельная пара, которая и преобладает в настоящее время.

Воссоздавая таким образом историю семьи в обратном порядке, Морган, в согласии с большинством своих коллег, приходит к выводу, что существовало первобытное состояние, когда внутри племени господствовали неограниченные половые связи, так что каждая женщина принадлежала каждому мужчине и равным образом каждый мужчина — каждой женщине. О таком первобытном состоянии говорили, еще начиная с прошлого века, но ограничивались общими фразами; лишь Бахофен, — и в этом одна из его крупных заслуг, — отнесся серьезно к этому вопросу и стал искать следы этого состояния в исторических и религиозных преданиях⁴⁴. Мы знаем теперь, что эти найденные им следы возвращают нас вовсе не к общественной ступени неупорядоченных половых отношений, а к гораздо более поздней форме, к групповому браку. Названная примитивная общественная ступень, — если она действительно существовала, — относится к столь отдаленной эпохе, что

едва ли можно рассчитывать найти среди социальных ископаемых, у отставших в своем развитии дикарей, *прямые* доказательства ее существования в прошлом. Заслуга Бахофена в том и заключается, что он выдвинул на первый план исследование этого вопроса*...

Согласно Моргану, из этого первобытного состояния неупорядоченных отношений, вероятно, весьма рано развилась:

1. *Кровнородственная семья* — первая ступень семьи. Здесь брачные группы разделены по поколениям: все деды и бабки в пределах семьи являются друг для друга мужьями и женами, равно как и их дети, то есть отцы и матери; равным образом дети последних образуют третий круг общих супругов, а их дети, правнуки первых, — четвертый круг. Таким образом, в этой форме семьи взаимные супружеские права и обязанности (говоря современным языком) исключаются только между предками и потомками, между родителями и детьми. Братья и сестры — родные, двоюродные, троюродные и более далеких степеней родства — все считаются между собой братьями и сестрами и *уже в силу этого* мужьями и женами друг друга. Родственное отношение брата и сестры на этой ступени семьи включает в себя половую связь между ними как нечто само собой разумеющееся**.

* Называя это первобытное состояние *гетеризмом*, Бахофен показал этим, как мало он понимал, что именно он открыл или, вернее, угадал. Гетеризмом греки обозначали, когда ввели в употребление это слово, связи мужчин, холостых или живущих в единобрачии, с незамужними женщинами; это предполагает всегда существование определенной формы брака, вне которой имеют место указанные связи, и подразумевает, по крайней мере уже как возможность, проституцию. В ином смысле это слово никогда не употреблялось, и в этом смысле употребляю его и я вместе с Морганом. В высшей степени важные открытия Бахофена повсюду до невероятия мистифицированы его фантастическим представлением, будто источником исторически возникавших отношений между мужчиной и женщиной были всегда соответствующие религиозные представления людей, а не условия их действительной жизни.

** В одном письме, написанном весной 1882 г.⁴⁵, Маркс в самых резких выражениях отзывается о полном искажении первобытной эпохи в вагнеровском тексте «Нибелунгов». «Слыхано ли было когда-нибудь, чтобы брат обнимал сестру как супругу?»⁴⁶. По поводу этих вагнеровских «богов сладострастия», которые совсем по-современному придают своим любовным похождениям большую пикантность некоторой дозой кровосме-

Типичным примером подобной семьи было бы потомство одной пары, у которого в каждом последующем поколении все являются между собой братьями и сестрами и как раз поэтому мужьями и женами друг друга.

Кровнородственная семья вымерла. Даже у наиболее диких народов, о которых рассказывает история, нельзя найти ни одного бесспорного примера ее. Но то, что такая семья *должна* была существовать, нас заставляет признать гавайская система родства, остающаяся в силе еще и поныне во всей Полинезии и выражающая такие степени кровного родства, какие могут возникнуть лишь при этой форме семьи; признать это заставляет нас все дальнейшее развитие семьи, предполагающее существование этой формы как необходимой первоначальной ступени...

Существенным обогащением наших сведений о групповом браке мы больше всего обязаны английскому миссионеру Лоримеру Файсону, который в тече-

сительства, Маркс замечает: «В первобытную эпоху сестра была женой, и это было нравственно». (Примечание Энгельса к изданию 1884 года.)

Один французский друг и почитатель Вагнера не согласен с этим примечанием и замечает, что уже в «Старшей Эдде», на которой основывался Вагнер, в «Эгисдрекке», Локи так упрекает Фрейю: «В присутствии богов обняла ты собственного брата». Отсюда будто бы следует, что брак между братом и сестрой уже тогда был запрещен. Но «Эгисдрекка» отражает то время, когда вера в старые мифы была полностью утрачена; это — сатира на богов совсем в духе Лукиана. Если Локи словно Мефистофель бросает здесь Фрейе такого рода упрек, то это скорее говорит против Вагнера. Притом несколькими стихами дальше Локи говорит Нйордру: «Со своей сестрой породил ты (такого) сына» (vidh systur thinni gatzu slikañ mög) ⁴⁷. Правда, Нйордр не ас, а ван, и в «Саге об Инглингах» он говорит, что браки между братьями и сестрами обычны в стране ванов, чего не водится у асов ⁴⁸. Это могло бы служить указанием на то, что ваны более древние боги, чем асы. Во всяком случае, Нйордр живет среди асов, как среди себе равных, и потому «Эгисдрекка» скорее доказывает, что в эпоху возникновения норвежских саг о богах брак между братьями и сестрами, по крайней мере среди богов, не вызывал еще никакого отвращения. Если уж оправдывать Вагнера, то, пожалуй, лучше сослаться вместо «Эдды» на Гёте, который в балладе о боге и баядере делает подобную же ошибку относительно религиозной обязанности женщин отдаваться в храмах, слишком сближая этот обычай с современной проституцией. (Добавление Энгельса к изданию 1891 года.)

ние многих лет изучал эту форму семьи на ее классической почве — в Австралии⁴⁹. Низшую ступень развития он обнаружил у австралийских негров в районе Маунт-Гамбир в Южной Австралии. Здесь все племя разделено на два больших класса — кроки и кумите. Половые связи внутри каждого из этих классов строго запрещены, напротив, каждый мужчина одного класса уже от рождения является мужем каждой женщины другого класса, а последняя — его прирожденной женой. Не отдельные индивиды, а целые группы состоят в браке друг с другом, класс с классом. И следует отметить, что ни различие в возрасте, ни близкое кровное родство здесь никогда не служат препятствием для половых связей, а только ограничение, обусловленное разделением на два экзогамных класса. Для любого кроки каждая женщина кумите является по праву его женой; но так как его собственная дочь как дочь женщины кумите по материнскому праву также кумите, то она в силу этого от рождения является женой каждого кроки, а следовательно, и женой своего отца. Во всяком случае, организация классов в том виде, в каком мы ее знаем, не ставит этому никаких препятствий. Таким образом, или эта организация возникла в ту пору, когда, при всем смутном стремлении ограничить кровосмешение, люди не видели еще ничего особенно ужасного в половых связях между родителями и детьми, — и в таком случае система классов возникла непосредственно из состояния неупорядоченных половых отношений, — или же половая связь между родителями и детьми *была* уже воспрещена обычаем к моменту возникновения брачных классов, и в таком случае современное состояние указывает на существование перед тем кровнородственной семьи и представляет первый шаг к отказу от нее. Последнее более вероятно. Насколько мне известно, примеров брачных отношений между родителями и детьми в Австралии не приводится, а более поздняя форма экзогамии, род, основанный на материнском праве, так же, как правило, молчаливо предполагает запрещение таких отношений, как нечто уже существовавшее при его возникновении.

Система *двух* классов встречается, помимо района Маунт-Гамбир в Южной Австралии, также далее к востоку, в бассейне реки Дарлинг, и на северо-востоке,

в Квинсленде, и, таким образом, широко распространена. Она исключает лишь браки между братьями и сестрами, между детьми братьев и между детьми сестер по материнской линии, так как они принадлежат к одному классу; дети сестры и брата, напротив, могут вступать в брак друг с другом. Дальнейший шаг к запрещению кровосмешения мы находим у племени камиларои в бассейне реки Дарлинг в Новом Южном Уэльсе, где два первоначальных класса разбились на четыре, причем каждый из этих четырех классов целиком состоит в браке с определенным другим классом. Первые два класса от рождения являются друг для друга супругами; в зависимости от того, принадлежит ли мать к первому или второму классу, ее дети попадают в третий или в четвертый класс; дети последних двух классов, также состоящих в брачных отношениях друг с другом, входят в состав первого и второго класса. Таким образом, одно поколение всегда принадлежит к первому и второму классу, следующее за ним — к третьему и четвертому, третье поколение — снова к первому и второму. В соответствии с этим дети брата и сестры (с материнской стороны) не могут быть мужем и женой, но зато ими могут быть внуки брата и сестры. Этот своеобразно сложный порядок еще более усложняется вклиниванием в него — во всяком случае более поздним — материнского рода. Но мы не можем входить здесь в рассмотрение этого. Мы видим, таким образом, что стремление воспрепятствовать кровосмешению проявляется все снова и снова, действуя, однако, инстинктивно, стихийно, без ясного сознания цели.

Групповой брак, который здесь, в Австралии, представляет собой еще брак между классами, массовое супружество целого класса мужчин, часто рассеянных по всему материку, со столь же широко разбросанным классом женщин, — этот групповой брак при ближайшем рассмотрении выглядит отнюдь не так ужасно, как его рисует себе привыкшая к публичным домам фантазия филистеров. Напротив, прошло много лет, пока стали только догадываться о его существовании, а совсем недавно снова начали его оспаривать. Поверхностному наблюдателю он представляется в виде непрочного единобрачия, а в некоторых местах — в виде многоженства наряду с неверностью, допускавшей от случая к

случаю. Нужно было посвятить целые годы, как это сделали Файсон и Хауитт, чтобы открыть регулирующий закон этих брачных отношений, в практике которых обыкновенный европеец склонен видеть нечто подобное тому, что существует у него на родине, — закон, в силу которого австралийский негр из чужих мест, за тысячи километров от своей родины, среди людей, говорящих на незнакомом ему языке, все-таки нередко в каждом поселении, в каждом племени находит женщин, готовых без сопротивления и возмущения отдаться ему, а мужчина, имеющий несколько жен, уступает одну из них на ночь своему гостю. Там, где европеец усматривает безнравственность и беззаконие, на самом деле господствует строгий закон. Эти женщины принадлежат к брачному классу чужеземца, и потому они от рождения являются его женами; тот самый нравственный закон, который предназначает их друг для друга, воспрещает под угрозой позорного наказания всякую половую связь вне принадлежащих друг другу брачных классов. Даже там, где женщин похищают, что бывает часто и во многих местностях является правилом, закон о брачных классах тщательно соблюдается.

При похищении женщин проявляются уже, впрочем, признаки перехода к единобрачию, по крайней мере в форме парного брака: когда молодой человек с помощью своих друзей похитил или увел девушку, они все по очереди вступают с ней в половую связь, но после этого она считается женой того молодого человека, который был зачинщиком похищения. И, наоборот, если похищенная женщина убежит от мужа и ею завладеет другой мужчина, она становится женой последнего, а первый утрачивает свое преимущественное право на нее. Наряду с продолжающим в общем существовать групповым браком — и в рамках этого брака — возникают, таким образом, исключаящие других лиц отношения, соединения отдельных пар на более или менее продолжительное время, а рядом с этим многоженство, так что и здесь групповой брак начинает отмирать, и вопрос лишь в том, что раньше сойдет со сцены под влиянием европейцев — групповой брак или австралийские негры, которые его придерживаются.

Брак целыми классами в той форме, которая является господствующей в Австралии, представляет

собой, во всяком случае, весьма низкую, первоначальную форму группового брака, тогда как пуналуальная семья, насколько нам известно, является высшей ступенью его развития. Первый, по-видимому, соответствует уровню общественного развития дикарей-кочевников, вторая предполагает уже сравнительно устойчивые поселения коммунистических общин и непосредственно приводит к следующей, более высокой ступени развития. Между обеими этими формами брака мы, без сомнения, обнаружим еще некоторые промежуточные ступени; здесь перед нами пока еще только открытая, едва затронутая область исследования.

3. *Парная семья.* Известное соединение отдельных пар на более или менее продолжительный срок имело место уже в условиях группового брака или еще раньше; мужчина имел главную жену (едва ли еще можно сказать — любимую жену) среди многих жен, и он был для нее главным мужем среди других мужей. Это обстоятельство немало способствовало созданию путаницы в головах миссионеров, которые усматривают в групповом браке * то беспорядочную общность жен, то самовольное нарушение супружеской верности. Но такое вошедшее в привычку соединение отдельных пар должно было все более и более упрочиваться, чем больше развивался род и чем многочисленнее становились группы «братьев» и «сестер», между которыми брак был теперь невозможен. Данный родом толчок к запрещению браков между кровными родственниками вел еще дальше. Так, мы находим, что у ирокезов и у большинства других стоящих на низшей ступени варварства индейцев брак воспрещен между *всеми* родственниками, которых насчитывает их система, а таковых несколько сот видов. При такой растущей запутанности брачных запретов групповые браки становились все более и более невозможными; они вытеснялись *парной семьей*. На этой ступени мужчина живет с одной женой, однако так, что многоженство и, при случае, нарушения верности остаются правом мужчин, хотя первое имеет место редко в силу также и экономических причин; в то же время от женщин в течение всего времени сожитель-

* В издании 1884 г. в этой и предыдущей фразе вместо слов «групповом браке» напечатано: «пуналуальной семье». *Ред.*

ства требуется в большинстве случаев строжайшая верность, и за прелюбодеяние их подвергают жестокой каре. Брачные узы, однако, легко могут быть расторгнуты любой из сторон, а дети, как и прежде, принадлежат только матери.

В этом проводимом все дальше исключении кровных родственников из брачного союза тоже продолжает проявляться действие естественного отбора. По словам Моргана,

«браки между членами родов, не состоящих в кровном родстве, создавали породу более крепкую как физически, так и умственно, два прогрессирующих племени сливались воедино, и у новых поколений череп и мозг естественно достигали размеров, соответствующих совокупным способностям обоих племен»⁵⁰.

Племена с родовой организацией должны были, таким образом, одержать верх над отставшими или своим примером увлечь их за собой.

Развитие семьи в первобытную эпоху состоит, следовательно, в непрерывном суживании того круга, который первоначально охватывает все племя и внутри которого господствует общность брачных связей между обоими полами. Путем последовательного исключения сначала более близких, затем все более отдаленных родственников, наконец, даже просто свойственников, всякий вид группового брака становится в конце концов практически невозможным, и в результате остается одна пока еще непрочно соединенная брачная пара, та молекула, с распадением которой брак вообще прекращается. Уже из этого видно, как мало общего с возникновением единобрачия имела индивидуальная половая любовь в современном смысле этого слова. Еще больше доказывает это практика всех народов, стоящих на этой ступени развития. Тогда как при прежних формах семьи у мужчин никогда не было недостатка в женщинах, а, напротив, их скорее было более чем достаточно, теперь женщины стали редки, и их приходилось искать. Поэтому со времени возникновения парного брака начинается похищение и покупка женщин — широко распространенные *симптомы*, хотя и не более чем симптомы, наступившей перемены, которая коренилась гораздо глубже, симптомы, на основании которых, несмотря на то, что они касались только способов добы-

вания жен, педантичный шотландец Мак-Леннан придумал, однако, особые виды семьи: «брак-похищение» и «брак-купля». И помимо того, заключение брака у американских индейцев и у других народов (стоящих на той же ступени развития) — дело не самих вступающих в брак лиц, которых часто и не спрашивают, а их матерей. Нередко, таким образом, бывают просватаны два совершенно незнакомых друг другу лица, и им сообщают о заключенной сделке только тогда, когда наступает время для бракосочетания. Перед свадьбой жених делает подарки сородичам невесты (то есть ее родственникам со стороны матери, но не отцу и его родственникам); эти подарки считаются выкупом за уступаемую девушку. Брак может быть расторгнут по желанию каждого из супругов; но у многих племен, например у ирокезов, постепенно сложилось отрицательное отношение общественного мнения к такому расторжению брака; при раздорах между супругами посредническую роль берут на себя сородичи той и другой стороны, и только в том случае, если это не помогает, брак расторгается, причем дети остаются у жены, и обеим сторонам предоставляется право вступить в новый брак.

Парная семья, сама по себе слишком слабая и слишком неустойчивая, чтобы вызвать потребность в собственном домашнем хозяйстве или только желание обзавестись им, отнюдь не упраздняет унаследованного от более раннего периода коммунистического домашнего хозяйства. Но коммунистическое домашнее хозяйство означает господство в доме женщин, так же как и то, что признавать родной можно лишь мать, при невозможности с уверенностью знать родного отца, означает высокое уважение к женщинам, то есть к матерям. Одним из самых нелепых представлений, унаследованных нами от эпохи просвещения XVIII века, является мнение, будто бы в начале развития общества женщина была рабыней мужчины. Женщина у всех дикарей и у всех племен, стоящих на низшей, средней и отчасти также высшей ступени варварства, не только пользуется свободой, но и занимает весьма почетное положение...

Бахофен, далее, безусловно прав, когда настойчиво утверждает, что переход от того, что он называет «гетеризмом», или «греховным зачатием», к единобрачию

совершился главным образом благодаря женщинам. Чем больше с развитием экономических условий жизни, следовательно, с разложением древнего коммунизма и увеличением плотности населения унаследованные издревле отношения между полами утрачивали свой наивный первобытный характер, тем больше они должны были казаться женщинам унижительными и тягостными; тем настойчивее должны были женщины добиваться, как избавления, права на целомудрие, на временный или постоянный брак лишь с одним мужчиной. От мужчин этот шаг вперед не мог исходить помимо прочего уже потому, что им вообще никогда, даже вплоть до настоящего времени, не приходило в голову отказываться от удобств фактического группового брака. Только после того как женщинами был осуществлен переход к парному браку, мужчины смогли ввести строгую моногамию, — разумеется, только для женщин.

Парная семья возникла на рубеже между дикостью и варварством, большей частью уже на высшей ступени дикости, кое-где лишь на низшей ступени варварства. Это — характерная форма семьи для эпохи варварства, так же как групповой брак — для дикости, а моногамия — для цивилизации. Для дальнейшего развития парной семьи в прочную моногамию нужны были иные причины, чем те, которые, как мы видели, действовали до сих пор. Уже в парном сожителстве группа была сведена к своей последней единице, своей двухатомной молекуле, — к одному мужчине и одной женщине. Естественный отбор завершил свое дело путем проводимых все дальше изъятий из брачного общения; в этом направлении ему уже ничего не оставалось делать. И если бы, следовательно, не начали действовать новые, общественные движущие силы, то не было бы никакого основания для возникновения из парного сожителства новой формы семьи. Но такие движущие силы вступили в действие.

Мы покидаем теперь Америку, эту классическую почву парной семьи. Нет никаких признаков, которые позволяли бы заключить, что здесь развилась более высокая форма семьи, что здесь до открытия и завоевания когда-либо существовала где-нибудь прочная моногамия. Иначе обстояло дело в Старом свете.

Здесь приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения. Вплоть до низшей ступени варварства постоянное богатство состояло почти только из жилища, одежды, грубых украшений и орудий для добывания и приготовления пищи: лодки, оружия, домашней утвари простейшего вида. Пищу приходилось изо дня в день добывать вновь. Теперь же прогрессировавшие пастушеские народы — арийцы в индийском Пятиречье и в области Ганга, как и в еще гораздо более богатых в ту пору водой степях бассейнов рек Оксуса и Яксарта, семиты по Евфрату и Тигру — приобрели в стадах лошадей, верблюдов, ослов, крупного рогатого скота, овец, коз и свиней имущество, которое требовало только надзора и самого примитивного ухода, чтобы размножаться все в большем и большем количестве и доставлять обильнейшую молочную и мясную пищу. Все прежние способы добывания пищи отступили теперь на задний план; охота, бывшая раньше необходимостью, стала теперь роскошью.

Но кому принадлежало это новое богатство? Первоначально, безусловно, роду. Однако уже рано должна была развиться частная собственность на стада. Трудно сказать, являлся ли в глазах автора так называемой Первой книги Моисея патриарх Авраам владельцем своих стад в силу собственного права как глава семейной общины или же в силу своего положения фактически наследственного старейшины рода. Несомненно лишь то, что мы не должны представлять его себе собственником в современном смысле этого слова. И несомненно, далее, что на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность * глав семей совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот — рабов.

Ибо теперь изобретено было также и рабство. Для человека низшей ступени варварства раб был бесполезен. Поэтому американские индейцы обращались с побежденными врагами совсем не так, как с ними по-

* В издании 1884 г. вместо слов «обособленную собственность» напечатано: «частную собственность». *Ред.*

ступали на более высокой ступени развития. Мужчины они убивали или же принимали как братьев в племя победителей; женщин они брали в жены или иным способом также принимали вместе с их уцелевшими детьми в состав своего племени. Рабочая сила человека на этой ступени не дает еще сколько-нибудь заметного избытка над расходами по ее содержанию. С введением скотоводства, обработки металлов, ткачества и, наконец, полеводства положение изменилось. С рабочей силой, в особенности после того как стада окончательно перешли во владение семей*, произошло то же, что с женами, которых раньше добывать было так легко и которые приобрели теперь меновую стоимость и стали покупаться. Семья увеличивалась не так быстро, как скот. Для надзора за скотом требовалось теперь больше людей; для этой цели можно было воспользоваться взятым в плен врагом, который к тому же мог так же легко размножаться, как и скот.

Такие богатства, поскольку они однажды перешли в частное владение отдельных семей** и быстро возрастали, нанесли сильный удар обществу, основанному на парном браке и на материнском роде. Парный брак ввел в семью новый элемент. Рядом с родной матерью он поставил достоверного родного отца, который, к тому же, вероятно, был даже более достоверен, чем иные современные «отцы». Согласно существовавшему тогда разделению труда в семье, на долю мужа выпадало добывание пищи и необходимых для этого орудий труда, следовательно, и право собственности на последние; в случае расторжения брака он забирал их с собой, а за женой оставалась ее домашняя утварь. По обычаю тогдашнего общества муж был поэтому также собственником нового источника пищи — скота, а впоследствии и нового орудия труда — рабов...

Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, особенно неприкрыто проявившееся у греков героиче-

* В издании 1884 г. вместо слов «во владение семей» напечатано: «в частное владение». *Ред.*

** Слова «отдельных семей» добавлены Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

ской и — еще более — классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами также облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено.

Первый результат установившегося таким образом единовластия мужчин обнаруживается в возникающей теперь промежуточной форме — патриархальной семье. Ее главная характерная черта — не многоженство, о котором речь будет ниже, а

«организация известного числа лиц, свободных и несвободных, в семью, подчиненную отцовской власти главы семьи. В семье семитского типа этот глава семьи живет в многоженстве, несвободные имеют жену и детей, а цель всей организации состоит в уходе за стадами в пределах определенной территории»⁵¹.

Существенными признаками такой семьи являются включение в ее состав несвободных и отцовская власть; поэтому законченным типом этой формы семьи является римская семья. Слово *familia* первоначально означает не идеал современного филистера, представляющий собой сочетание сентиментальности и домашних грызней; у римлян оно первоначально даже не относится к супругам и их детям, а только к рабам. *Famulus* значит домашний раб, а *familia* — это совокупность принадлежащих одному человеку рабов. Еще во времена Гая *familia, id est patrimonium* (то есть наследство), передавалось по завещанию. Выражение это было придумано римлянами для обозначения нового общественного организма, глава которого был господином жены и детей и некоторого числа рабов, обладая в силу римской отцовской власти правом распоряжаться жизнью и смертью всех этих подчиненных ему лиц.

«Это выражение, таким образом, не древнее одетой в железную броню семейной системы латинских племен, возникшей после введения полеводства и узаконения рабства и после отделения арийских италиков от греков»⁵¹.

Маркс к этому добавляет: «Современная семья содержит в зародыше не только рабство (*servitus*), но и крепостничество, так как она с самого начала связана с земледельческими повинностями. Она содержит в миниатюре все те противоречия, которые позднее широко развиваются в обществе и в его государстве»⁵².

Такая форма семьи означает переход от парного брака к моногамии. Чтобы обеспечить верность жены, а следовательно, и происхождение детей от определенного отца, жена отдается под безусловную власть мужа; если он ее убивает, он только осуществляет свое право...

4. *Моногамная семья.* Она возникает из парной семьи, как показано выше, на рубеже между средней и высшей ступенью варварства; ее окончательная победа — один из признаков наступления эпохи цивилизации. Она основана на господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от определенного отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети со временем в качестве прямых наследников должны вступить во владение отцовским имуществом. Она отличается от парного брака гораздо большей прочностью брачных уз, которые теперь уже не расторгаются по желанию любой из сторон. Теперь уже, как правило, только муж может их расторгнуть и отвергнуть свою жену. Право на супружескую неверность остается обеспеченным за ним и теперь, во всяком случае, в силу обычая (*Code Napoléon* * определенно предоставляет такое право мужу, если только он не вводит сожительницу под семейный кров⁵³), и по мере дальнейшего общественного развития оно осуществляется все шире; если же жена вспомнит о былой практике половых отношений и захочет возобновить ее, то подвергается более строгой каре, чем когда-либо прежде.

Во всей своей суровости новая форма семьи выступает перед нами у греков. В то время, замечает Маркс⁵⁴, как положение богинь в мифологии рисует нам более ранний период, когда женщины занимали еще более свободное и почетное положение, в героическую эпоху мы застаем женщину уже приниженной господством мужчины и конкуренцией рабынь **.

* — Кодекс Наполеона. *Ред.*

** В издании 1884 г. конец этой фразы был дан в следующем виде: «в героическую эпоху мы застаем женщину в положении полузатворнической изоляции, имеющем целью обеспечить достоверность отцовства для детей». Последующий текст до слов «гречанки довольно часто находили возможность обманывать своих мужей» (см. настоящее издание, стр. 69) почти целиком добавлен Энгельсом в издании 1891 г. с использованием нескольких фраз, которые имелись в издании 1884 г. *Ред.*

Достаточно прочесть в «Одиссее», как Телемах обрывает свою мать и заставляет ее замолчать⁵⁵. Захваченные в плен молодые женщины становятся у Гомера жертвой плотской страсти победителей: военачальники по очереди и в соответствии со своим рангом выбирают себе самых красивых из них; все действие «Илиады», как известно, разворачивается вокруг спора между Ахиллесом и Агамемноном из-за такой рабыни. При каждом сколько-нибудь значительном гомеровском герое упоминается пленная девушка, с которой он делит палатку и ложе. Этих девушек берут также с собой на родину и в супружеский дом, как, например, у Эсхила Агамемнон поступает с Кассандрой⁵⁶, рожденные от таких рабынь сыновья получают небольшую долю отцовского наследства и считаются свободными гражданами; Тевкр является таким внебрачным сыном Теламона и может называть себя по отцу. От законной жены требуется, чтобы она мирилась со всем этим, сама же строго соблюдала целомудрие и супружескую верность. Хотя греческая женщина героической эпохи пользуется большим уважением, чем женщина эпохи цивилизации, все же она в конце концов является для мужчины только матерью его рожденных в браке законных наследников, его главной домоправительницей и надсмотрщицей над рабынями, которых он по своему усмотрению может делать, и фактически делает, своими наложницами. Именно существование рабства рядом с моногамией, наличие молодых красивых рабынь, находящихся в полном распоряжении *мужчины*, придало моногамии с самого начала ее специфический характер, сделав ее моногамией *только для женщины*, но не для мужчины. Такой характер она сохраняет и в настоящее время.

У греков более позднего периода следует проводить различие между дорийцами и ионийцами. У первых, классическим образцом которых служит Спарта, брачные отношения во многом еще более архаичны, чем даже те, которые изображены Гомером. В Спарте существует парный брак, видоизмененный в соответствии с принятыми там воззрениями на государство и во многих отношениях еще напоминающий групповой брак. Бездетные браки расторгаются: царь Анаксандрид (за 560 лет до н. э.), имевший бездетную жену, взял

вторую и вел два хозяйства; около того же времени царь Аристон, у которого были две бесплодные жены, взял третью, но зато отпустил одну из первых. С другой стороны, несколько братьев могли иметь общую жену; человек, которому правилась жена его друга, мог делить ее с ним, и признавалось приличным предоставлять свою жену в распоряжение, как выразился бы Бисмарк, здорового «жеребца», даже если тот не принадлежал к числу сограждан. Из одного места у Плутарха, где спартанка направляет к своему мужу поклонника, который домогается ее любви, можно заключить, согласно Шёману, даже о еще большей свободе прав⁵⁷. Действительное нарушение супружеской верности — измена жены за спиной мужа — было поэтому неслыханным делом. С другой стороны, Спарта, по крайней мере в лучшую свою эпоху, не знала домашнего рабства, крепостные илоты жили обособленно в имениях, поэтому у спартиатов⁵⁸ было меньше соблазна пользоваться их женами. Естественно, что в силу всех этих условий женщины в Спарте занимали гораздо более почетное положение, чем у остальных греков. Спартанские женщины и лучшая часть афинских гетер были в Греции единственными женщинами, о которых древние говорят с уважением и высказывания которых они признают заслуживающими упоминания.

Совершенно иное положение мы находим у ионийцев, для которых характерны Афины. Девушки учились лишь пряхсть, ткать и шить, самое большее — немного читать и писать. Они жили почти затворницами, пользовались обществом лишь других женщин. Женский покой находился в обособленной части дома, в верхнем этаже или в глубине, куда мужчинам, в особенности чужим, нелегко было проникнуть и куда женщины удалялись при посещении дома мужчинами. Женщины не выходили без сопровождения рабыни; дома они буквально находились под стражей; Аристофан упоминает о молосских собаках, которых держали для устрашения нарушителей супружеской верности⁵⁹, а, по крайней мере в азиатских городах, для надзора за женщинами держали евнухов, которые уже во время Геродота фабриковались на острове Хиос для продажи и, согласно Ваксмуту, не для одних только варваров⁶⁰. У Еврипида жена обозначается словом *oikurema*⁶¹, как

вещь для присмотра за хозяйством (слово это среднего рода), и для афинянина она действительно была, помимо деторождения, не чем иным, как старшей служанкой. Муж занимался своими гимнастическими упражнениями, своими общественными делами, от участия в которых жена была отстранена; он, кроме того, имел еще часто к своим услугам рабынь, а в период расцвета Афин — широко распространенную и во всяком случае находившуюся под покровительством государства проституцию. Именно на почве этой проституции выработались единственные яркие типы греческих женщин, которые так же возвышались над общим уровнем женщин античности своим умом и художественным вкусом, как спартанки своим характером. Но то обстоятельство, что нужно было сначала сделаться гетерой, чтобы стать подлинной женщиной, служит самым суровым осуждением афинской семьи.

Эта афинская семья с течением времени сделалась образцом, по которому устраивали свои домашние порядки не только остальные ионийцы, но постепенно и все греки как внутри страны, так и в колониях. Однако, вопреки всему этому затворничеству и надзору, гречанки довольно часто находили возможность обманывать своих мужей, а последние, стыдившиеся обнаружить хотя бы какое-нибудь чувство любви к своим женам, развлекались всяческими любовными похождениями с гетерами; но унижение женщины мстило за себя и унижало самих мужчин, вплоть до того, что в конце концов они погрязли в противоестественной любви к мальчикам и лишили достоинства своих богов, как и самих себя, мифом о Ганимеде.

Таково было происхождение моногамии, насколько мы можем проследить его у самого цивилизованного и наиболее развитого народа древности. Она отнюдь не была плодом индивидуальной половой любви, с которой она не имела абсолютно ничего общего, так как браки по-прежнему оставались браками по расчету. Она была первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия * —

* В издании 1884 г. вместо слов «экономические условия» напечатано: «общественные условия»; конец фразы со слов «именно победа частной собственности» добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

именно победа частной собственности над первоначальной, стихийно сложившейся общей собственностью. Господство мужа в семье и рождение детей, которые были бы только от него и должны были наследовать его богатство, — такова была исключительная цель единобрачия, откровенно провозглашенная греками. В остальном же оно было для них бременем, обязанностью по отношению к богам, государству и собственным предкам, которую приходилось выполнять. В Афинах закон предписывал не только вступление в брак, но и выполнение мужем определенного минимума так называемых супружеских обязанностей *.

Таким образом, единобрачие появляется в истории отнюдь не в качестве основанного на согласии союза между мужчиной и женщиной и еще меньше в качестве высшей формы этого союза. Напротив. Оно появляется как порабощение одного пола другим, как провозглашение неведомого до тех пор во всей предшествующей истории противоречия между полами. В одной старой ненапечатанной рукописи 1846 г., принадлежащей Марксу и мне, я нахожу следующее: «Первое разделение труда было между мужчиной и женщиной для производства детей» ⁶². К этому я могу теперь добавить: первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским. Единобрачие было великим историческим прогрессом, но вместе с тем оно открывает, наряду с рабством и частным богатством, ту продолжающуюся до сих пор эпоху, когда всякий прогресс в то же время означает и относительный регресс, когда благосостояние и развитие одних осуществляется ценой страданий и подавления других. Единобрачие — это та клеточка цивилизованного общества, по которой мы уже можем изучать природу вполне развившихся внутри последнего противоположностей и противоречий.

Старая относительная свобода половых связей отнюдь не исчезла с победой парного брака или даже единобрачия.

* Последняя фраза добавлена Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

«Старая система брака, введенная в более тесные границы в результате постепенного вымирания пуналуальных групп, все еще служила той средой, в которой развивалась семья, и тормозила ее развитие вплоть до первых проблесков цивилизации... она исчезла, наконец, перейдя в новую форму гетеризма, которая и в период цивилизации следует за людьми, точно мрачная тень, лежащая на семье»⁶³.

Под гетеризмом Морган понимает существующие *наряду с единобрачием* внебрачные половые связи мужчин с незамужними женщинами, что, как известно, процветает в самых различных формах на протяжении всего периода цивилизации и все более и более превращается в неприкрытую проституцию*. Этот гетеризм ведет свое происхождение непосредственно от группового брака, от той жертвы, ценой которой женщины, отдаваясь посторонним, покупали себе право на целомудрие. Отдаваться за деньги было первоначально религиозным актом; это происходило в храме богини любви, и деньги шли в первое время в сокровищницу храма. Гиеродулы⁶⁴ Анаитис в Армении, Афродиты в Коринфе, а также состоящие при храмах религиозные танцовщицы Индии, так называемые баядерки (искаженное португальское *bailadeira* — танцовщица), были первыми проститутками. Отдаваться посторонним мужчинам — первоначально обязанность каждой женщины — стало впоследствии уделом только этих жриц, как бы замещавших всех остальных. У других народов гетеризм ведет свое происхождение от предоставлявшейся девушкам до брака половой свободы и, следовательно, также является пережитком группового брака, только дошедшим до нас другим путем. С возникновением имущественного неравенства, то есть уже на высшей ступени варварства, наряду с рабским трудом спорадически появляется и наемный труд и одновременно как необходимый его спутник профессиональная проституция свободных женщин наряду с принуждением рабынь отдаваться мужчинам. Таким образом, наследство, завещанное групповым браком цивилизации, двойственно, как двойственно, двулико, внутренне раздвоенно, противоречиво и все, что порождено цивилизацией: с одной стороны — моногамия, а с другой — гетеризм

* Дальнейший текст до слов: «Гетеризм — это такой же общественный институт» (см. настоящее издание, стр. 151) добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

вместе с его самой крайней формой — проституцией. Гетеризм — это такой же общественный институт, как и всякий другой; он обеспечивает дальнейшее существование старой половой свободы — в пользу мужчин. На деле не только терпимый, но и широко практикуемый, особенно же используемый господствующими классами, гетеризм на словах подвергается осуждению. Но это осуждение в действительности направляется не против причастных к этому мужчин, а только против женщин; их презирают и выбрасывают из общества, чтобы таким образом снова провозгласить, как основной общественный закон, неограниченное господство мужчин над женским полом.

Но вместе с этим развивается второе противоречие внутри самой моногамии. Рядом с мужем, скрашивающим свое существование гетеризмом, стоит покинутая супруга *. Одна сторона противоречия так же немыслима без другой, как невозможно иметь в руке целое яблоко после того, как съедена его половина. Однако не таково, по-видимому, было мнение мужчин, пока жены не вразумили их. Вместе с единобрачием появляются два неизменных, ранее неизвестных характерных общественных типа: постоянный любовник жены и муж-рогоносец. Мужчины одержали победу над женщинами, но увенчать победителей великодушно взяли побежденные. Рядом с единобрачием и гетеризмом неустрашимым общественным явлением сделалось и прелюбодеяние, запрещенное, строго наказуемое, но неискоренимое. Достоверность происхождения детей от законного отца продолжала, как и раньше, основываться самое большее на нравственном убеждении, и, чтобы разрешить неразрешимое противоречие, Code Napoléon ввел статью 312:

«L'enfant conçu pendant le mariage a pour père le mari» — «отцом ребенка, зачатого во время брака, является муж».

Таков конечный результат трехтысячелетнего существования единобрачия.

Таким образом, в тех случаях, когда индивидуальная семья остается верна своему историческому про-

* Эта и предыдущая фразы добавлены Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

исхождению и когда в ней в силу исключительного господства мужа противоречие между мужчиной и женщиной приобретает ясно выраженный характер, эта семья дает нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество, разделенное на классы со времени наступления эпохи цивилизации, и которые оно не способно ни разрешить, ни преодолеть. Я говорю здесь, разумеется, лишь о тех случаях единобрачия, когда супружеская жизнь действительно соответствует установлениям, вытекающим из первоначального характера этого института, но жена при этом восстает против господства мужа. Что далеко не все браки протекают так, об этом лучше всех знает немецкий филистер, который так же не умеет быть господином в своем доме, как и в государстве; его жена поэтому с полным правом присваивает себе мужскую власть, которой он не достоин. Зато он воображает, что стоит гораздо выше своего французского товарища по несчастью, которому чаще, чем ему самому, приходится куда хуже.

Впрочем, индивидуальная семья отнюдь не везде и не во всякое время принимала такую классически суровую форму, какую она имела у греков. У римлян, которые в качестве будущих завоевателей мира обладали более широким, хотя и менее утонченным взглядом на вещи, чем греки, жена пользовалась большей свободой и большим уважением. Римлянин считал, что супружеская верность достаточно обеспечена предоставленной ему властью над жизнью и смертью его жены. Кроме того, жена могла здесь наравне с мужем при желании расторгнуть брак. Но наибольший прогресс в развитии единобрачия был достигнут, несомненно, с вступлением на историческую арену германцев и достигнут потому, что у них, вероятно ввиду их бедности, моногамия, по видимому, в то время еще не вполне развилась из парного брака. Мы приходим к этому заключению на основании следующих трех обстоятельств, упоминаемых Тацитом. Во-первых, при всей святости брака, — «они довольствуются одной женой, женщины живут огражденные целомудрием»⁶⁵, — у них все же было распространено многоженство среди знати и вождей племен, подобно тому, что мы встречали у американцев, у которых существовал парный брак. Во-вторых, переход от

материнского права к отцовскому мог совершиться у них только незадолго перед этим, так как брат матери — ближайший сородич мужского пола согласно материнскому праву — еще признавался у них чуть ли не более близким родственником, чем собственный отец, что также соответствует точке зрения американских индейцев, у которых Маркс, как он часто говорил, нашел ключ к пониманию нашего собственного прошлого. И, в-третьих, женщины у германцев пользовались большим уважением и значительным влиянием на общественные дела, что стоит в прямом противоречии со свойственным моногамии господством мужчин. Почти во всем этом германцы не отличаются от спартанцев, у которых, как мы видели, парный брак также не был еще полностью изжит *. Таким образом, и в этом отношении вместе с германцами приобрел мировое господство совершенно новый элемент. Новая моногамия, развившаяся на развалинах римского мира в процессе смешения народов, облекла владычество мужчин в более мягкие формы и дала женщинам, по крайней мере с внешней стороны, более почетное и свободное положение, чем когда-либо знала классическая древность. Тем самым впервые была создана предпосылка, на основе которой из моногамии, — внутри нее, наряду с ней и вопреки ей, смотря по обстоятельствам, — мог развиваться величайший нравственный прогресс, которым мы ей обязаны: современная индивидуальная половая любовь, которая была неизвестна всему прежнему миру.

Этот прогресс, однако, был вызван именно тем обстоятельством, что германцы переживали еще период парной семьи и перенесли в моногамию, насколько это представлялось возможным, положение женщины, соответствующее парной семье; он был вызван отнюдь не каким-то легендарным, чудесным природным предрасположением германцев к чистоте нравов, которое в сущности сводится к тому, что парный брак действительно свободен от резких нравственных противоречий, присущих моногамии. Напротив, германцы в период их переселений, в особенности на юго-восток, к степным кочевникам Причерноморья, глубоко пали в нравственном

* Последняя фраза добавлена Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

отношении и восприняли у последних, кроме их искусства верховой езды, также и гнусные противостественные пороки, о чем определенно свидетельствует Аммиан относительно тайфалов и Прокопий относительно герулов ⁶⁶.

Но если из всех известных форм семьи моногамия была единственной формой, при которой могла развиться современная половая любовь, то это не значит, что последняя развилась в ней исключительно или хотя бы преимущественно как любовь супругов друг к другу. Самая природа прочного единобрачия при господстве мужа исключала это. У всех исторически активных, то есть у всех господствующих классов, заключение брака оставалось тем, чем оно было со времени парного брака, — сделкой, которую устраивают родители. И первая появившаяся в истории форма половой любви, как страсть, и притом доступная каждому человеку (по крайней мере из господствующих классов) страсть, как высшая форма полового влечения, — что и составляет ее специфический характер, — эта первая ее форма, рыцарская любовь средних веков, отнюдь не была супружеской любовью. Наоборот. В своем классическом виде, у провансальцев, рыцарская любовь устремляется на всех парусах к нарушению супружеской верности, и ее поэты воспевают это. Цвет провансальской любовной поэзии ⁶⁷ составляют «альбы» (albas), по-немецки песни рассвета. Яркими красками изображают они, как рыцарь лежит в постели у своей красотики, чужой жепы, а снаружи стоит страж, который возвещает ему о первых признаках наступающего рассвета (alba), чтобы он мог ускользнуть незамеченным; затем следует сцена расставания — кульминационный пункт песни. Жители Северной Франции, а равным образом и brave пемцы тоже усвоили этот род поэзии вместе с соответствующей ему манерой рыцарской любви, и наш старый Вольфрам фон Эшенбах оставил на ту же щекотливую тему три чудесные песни, которые мне нравятся больше, чем его три длинные героические поэмы.

Заключение брака в современной нам буржуазной среде происходит двояким образом. В католических странах родители по-прежнему подыскивают юному буржуазному сынку подходящую жену, и, разумеется, результатом этого является наиболее полное развитие

присущего моногамии противоречия: пышный расцвет гетеризма со стороны мужа, пышный расцвет супружеской неверности со стороны жены. Католическая церковь, надо думать, отменила развод, лишь убедившись, что против супружеской неверности, как против смерти, нет никаких средств. В протестантских странах, напротив, буржуазному сынку, как правило, предоставляется большая или меньшая свобода выбирать себе жену из своего класса; поэтому основой для заключения брака может служить в известной степени любовь, как это, приличия ради, постоянно и предполагается в соответствии с духом протестантского лицемерия. Здесь гетеризм практикуется мужем не столь энергично, а неверность жены встречается не так часто. Но так как при любой форме брака люди остаются такими же, какими были до него, а буржуа в протестантских странах в большинстве своем филистеры, то эта протестантская моногамия, даже если брать в общем лучшие случаи, все же приводит только к невыносимо скучному супружескому сожительству, которое называют семейным счастьем. Лучшим отражением обоих этих видов брака служит роман: для католического — французский, для протестантского — немецкий *. В том и другом «он получает ее»: в немецком молодой человек — девушку, во французском муж — пару рогов. Не всегда при этом ясно, кто из них оказывается в худшем положении. Поэтому-то скука немецкого романа внушает французскому буржуа такой же ужас, как «безнравственность» французского романа — немецкому филистеру. Впрочем, в последнее время, с тех пор как «Берлин становится мировым городом», немецкий роман начинает менее робко относиться к таким давно хорошо известным там явлениям, как гетеризм и супружеская неверность.

Но и в том и в другом случае брак обуславливается классовым положением сторон и поэтому всегда бывает браком по расчету **. Этот брак по расчету в обоих случаях довольно часто обращается в самую грубую проституцию — иногда обеих сторон, а гораздо чаще жены, которая отличается от обычной куртизанки только тем,

* В издании 1884 года: «немецкий и шведский». *Ред.*

** Дальнейший текст до слов: «Половая любовь может стать правилом» добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

что отдает свое тело не так, как наемная работница свой труд, оплачиваемый поштучно, а раз навсегда продает его в рабство. И ко всем бракам по расчету относятся слова Фурье:

«Как в грамматике два отрицания составляют утверждение, так и в брачной морали две проституции составляют одну добродетель»⁶⁸.

Половая любовь может стать правилом в отношениях к женщине и действительно становится им только среди угнетенных классов, следовательно, в настоящее время — в среде пролетариата, независимо от того, зарегистрированы официально эти отношения или нет. Но здесь устранены также все основы классической моногамии. Здесь нет никакой собственности, для сохранения и наследования которой как раз и были созданы моногамия и господство мужчин; здесь нет поэтому никаких побудительных поводов для установления этого господства. Более того, здесь нет и средств для этого: буржуазное право, которое охраняет это господство, существует только для имущих и для обслуживания их взаимоотношений с пролетариями; оно стоит денег и вследствие бедности рабочего не имеет никакого значения для его отношения к своей жене. Здесь решающую роль играют совсем другие личные и общественные условия. И, кроме того, с тех пор как крупная промышленность оторвала женщину от дома, отправила ее на рынок труда и на фабрику, довольно часто превращая ее в кормилицу семьи, в пролетарском жилище лишились всякой почвы последние остатки господства мужа, кроме разве некоторой грубости в обращении с женой, укоренившейся со времени введения моногамии. Таким образом, семья пролетария уже не моногамна в строгом смысле этого слова, даже при самой страстной любви и самой прочной верности обеих сторон и несмотря на все, какие только возможно, церковные и светские благословения. Поэтому и постоянные спутники моногамии, гетеризм и супружеская неверность, играют здесь совершенно ничтожную роль; жена фактически вернула себе право на расторжение брака, и когда стороны не могут ужиться, они предпочитают разойтись. Одним словом, пролетарский брак моногамен в этимологическом зна-

чении этого слова, но отнюдь не в историческом его смысле *.

Наши юристы, впрочем, считают, что прогресс законодательства все больше отнимает у женщин всякое основание для жалоб. Законодательства современных цивилизованных стран все более и более признают, во-первых, что брак, для того чтобы быть действительным, должен представлять собой договор, добровольно заключенный обеими сторонами, и, во-вторых, что и в течение всего периода брака обе стороны должны иметь одинаковые права и обязанности по отношению друг к другу. Если бы эти оба требования были последовательно проведены, то у женщин было бы все, чего они только могут желать.

Эта чисто юридическая аргументация совершенно совпадает с той, какой пользуется радикальный буржуа-республиканец, время от времени призывая пролетария к порядку. Трудовой договор якобы добровольно заключается обеими сторонами. Но его считают заключенным добровольно потому, что закон *на бумаге* ставит обе стороны в равное положение. Власть, которую различное классовое положение дает одной стороне, давление, которое в силу этого оказывается на другую сторону, то есть действительное экономическое положение обеих сторон — это закона не касается. И на время действия трудового договора обе стороны опять-таки должны быть равноправными, коль скоро ни одна из них определенно не отказалась от своих прав. Закону опять-таки нет дела до того, что экономическое положение заставляет рабочего отказываться даже от последней видимости равноправия.

В отношении брака даже самый прогрессивный закон вполне удовлетворен, если заинтересованные стороны формально засвидетельствовали добровольный характер своего вступления в брак. Что происходит за юридическими кулисами, где разыгрывается действительная жизнь, как достигается это добровольное согласие, — об этом закон и юрист могут не беспокоиться. А между тем, самое простое сравнение права различных

* Весь дальнейший текст настоящей главы, кроме заключительного абзаца, начинающегося словами: «Вернемся, однако, к Моргану» (см. настоящее издание, стр. 169), добавлен Энгельсом в издании 1891 года. *Ред.*

стран должно было бы показать юристу, что представляет собой это добровольное согласие. В странах, где закон обеспечивает детям обязательное наследование части имущества родителей, где они, следовательно, не могут быть лишены наследства, — в Германии, в странах с французским правом и в некоторых других, — дети при вступлении в брак связаны согласием родителей. В странах с английским правом, где родительского согласия при вступлении в брак законом не требуется, родители располагают полной свободой при завещании своего имущества и могут по своему усмотрению лишать своих детей наследства. Ясно, однако, что, несмотря на это и даже именно в силу этого, среди классов, где есть, что наследовать, в Англии и Америке фактически существует ничуть не большая свобода вступления в брак, чем во Франции и Германии.

Не лучше обстоит дело с юридическим равноправием мужчины и женщины в браке. Правовое неравенство обоих, унаследованное нами от прежних общественных отношений, — не причина, а результат экономического угнетения женщины. В старом коммунистическом домашнем хозяйстве, охватывавшем много брачных пар с их детьми, вверенное женщинам ведение этого хозяйства было столь же общественным, необходимым для общества родом деятельности, как и добывание мужчинами средств пропитания. С возникновением патриархальной семьи и еще более — моногамной индивидуальной семьи положение изменилось. Ведение домашнего хозяйства утратило свой общественный характер. Оно перестало касаться общества. Оно стало *частным занятием*; жена сделалась главной служанкой, была устранена от участия в общественном производстве. Только крупная промышленность нашего времени вновь открыла ей — да и то лишь пролетарке — путь к общественному производству. Но при этом, если она выполняет свои частные обязанности по обслуживанию семьи, она остается вне общественного производства и не может ничего заработать, а если она хочет участвовать в общественном труде и иметь самостоятельный заработок, то она не в состоянии выполнять семейные обязанности. И в этом отношении положение женщины одинаково как на фабрике, так и во

всех областях деятельности, вплоть до медицины и адвокатуры. Современная индивидуальная семья основана на явном или замаскированном домашнем рабстве женщины, а современное общество — это масса, состоящая сплошь из индивидуальных семей, как бы его молекул. Муж в настоящее время должен в большинстве случаев добывать деньги, быть кормильцем семьи, по крайней мере в среде имущих классов, и это дает ему господствующее положение, которое ни в каких особых юридических привилегиях не нуждается. Он в семье — буржуа, жена представляет пролетариат. Но в области промышленности специфический характер тяготеющего над пролетариатом экономического гнета выступает со всей своей резкостью только после того, как устранены все признанные законом особые привилегии класса капиталистов и установлено полное юридическое равноправие обоих классов; демократическая республика не уничтожает противоположности обоих классов — она, напротив, лишь создает почву, на которой разворачивается борьба за разрешение этой противоположности. Равным образом, своеобразный характер господства мужа над женой в современной семье и необходимость установления действительного общественного равенства для обоих, а также способ достижения этого только тогда выступают в полном свете, когда супруги юридически станут вполне равноправными. Тогда обнаружится, что первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному производству, что, в свою очередь, требует, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества.

* * *

Итак, мы имеем три главные формы брака, в общем и целом соответствующие трем главным стадиям развития человечества. Дикости соответствует групповой брак, варварству — парный брак, цивилизации — моногамия, дополняемая нарушением супружеской верности и проституцией. Между парным браком и моногамией на высшей ступени варварства вклинивается господство мужчин над рабынями и многоженство.

Как показало все наше изложение, своеобразие прогресса, который проявляется в этой последовательной смене форм, заключается в том, что половой свободы, присущей групповому браку, все более и более лишаются женщины, но не мужчины. И, действительно, групповой брак фактически существует для мужчин и по настоящее время. То, что со стороны женщины считается преступлением и влечет за собой тяжелые правовые и общественные последствия, для мужчины считается чем-то почетным или, в худшем случае, незначительным моральным пятном, которое носят с удовольствием. Но чем больше старинный гетеризм изменяется в наше время под воздействием капиталистического товарного производства и приспособляется к последнему, чем больше он превращается в неприкрытую проституцию, тем сильнее его деморализующее воздействие. При этом мужчин он деморализует гораздо больше, чем женщин. Среди женщин проституция развращает только тех несчастных, которые становятся ее жертвами, да и их далеко не в той степени, как это обычно полагают. Зато всей мужской половине человеческого рода она придает низменный характер. Так, например, долгое пребывание в положении жениха в девяти случаях из десяти является настоящей подготовительной школой супружеской неверности.

Но мы идем навстречу общественному перевороту, когда существовавшие до сих пор экономические основы моногамии столь же неминуемо исчезнут, как и основы ее дополнения — проституции. Моногамия возникла вследствие сосредоточения больших богатств в одних руках, — притом в руках мужчины, — и из потребности передать эти богатства по наследству детям именно этого мужчины, а не кого-либо другого. Для этого была нужна моногамия жены, а не мужа, так что эта моногамия жены отнюдь не препятствовала явной или тайной полигамии мужа. Но предстоящий общественный переворот, который превратит в общественную собственность, по меньшей мере, неизмеримо большую часть прочных, передаваемых по наследству богатств — средства производства, — сведет к минимуму всю эту заботу о том, кому передать наследство. Так как, однако, моногамия обязана своим

происхождением экономическим причинам, то не исчезнет ли она, когда исчезнут эти причины?

Можно было бы не без основания ответить, что она не только не исчезнет, но, напротив, только тогда полностью осуществится. Потому что вместе с превращением средств производства в общественную собственность исчезнет также и наемный труд, пролетариат, а следовательно, и необходимость для известного, поддающегося статистическому подсчету числа женщин отдаваться за деньги. Проституция исчезнет, а моногамия, вместо того чтобы прекратить свое существование, станет, наконец, действительностью также и для мужчин.

Положение мужчин, таким образом, во всяком случае сильно изменится. Но и в положении женщин, *всех* женщин, произойдет значительная перемена. С переходом средств производства в общественную собственность индивидуальная семья перестанет быть хозяйственной единицей общества. Частное домашнее хозяйство превратится в общественную отрасль труда. Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом; общество будет одинаково заботиться обо всех детях, будут ли они брачными или внебрачными. Благодаря этому отпадет беспокойство о «последствиях», которое в настоящее время составляет самый существенный общественный момент, — моральный и экономический, — мешающий девушке, не задумываясь, отдаться любимому мужчине. Не будет ли это достаточной причиной для постепенного возникновения более свободных половых отношений, а вместе с тем и более снисходительного подхода общественного мнения к девичьей чести и к женской стыдливости? И, наконец, разве мы не видели, что в современном мире моногамия и проституция хотя и составляют противоположности, но противоположности неразделимые, полюсы одного и того же общественного порядка? Может ли исчезнуть проституция, не увлекая за собой в пропасть и моногамию?

Здесь вступает в действие новый момент, который ко времени развития моногамии существовал самое большее лишь в зародыше, — индивидуальная половая любовь.

До средних веков не могло быть и речи об индивидуальной половой любви. Само собой разумеется, что

физическая красота, дружеские отношения, одинаковые склонности и т. п. пробуждали у людей различного пола стремление к половой связи, что как для мужчин, так и для женщин не было совершенно безразлично, с кем они вступали в эти интимнейшие отношения. Но от этого до современной половой любви еще бесконечно далеко. На протяжении всей древности браки заключались родителями вступающих в брак сторон, которые спокойно мирились с этим. Та скромная доля супружеской любви, которую знает древность,— не субъективная склонность, а объективная обязанность, не основа брака, а дополнение к нему. Любовные отношения в современном смысле имеют место в древности лишь вне официального общества. Пастухи, любовные радости и страдания которых нам воспевают Феокрит и Мосх, Дафнис и Хлоя Лонга⁶⁹,— это исключительно рабы, не принимающие участия в делах государства, в жизненной сфере свободного гражданина. Но помимо любовных связей среди рабов мы встречаем такие связи только как продукт распада гибнущего древнего мира, и притом связи с женщинами, которые также стоят вне официального общества,— с гетерами, то есть чужестранками или вольноотпущенницами: в Афинах — накануне их упадка, в Риме — во времена империи. Если же любовные связи действительно возникали между свободными гражданами и гражданками, то только как нарушение супружеской верности. А для классического поэта древности, воспевавшего любовь, старого Анакреонта, половая любовь в нашем смысле была настолько безразлична, что для него безразличен был даже пол любимого существа.

Современная половая любовь существенно отличается от простого полового влечения, от эроса древних. Во-первых, она предполагает у любимого существа взаимную любовь; в этом отношении женщина находится в равном положении с мужчиной, тогда как для античного эроса отнюдь не всегда требовалось ее согласие. Во-вторых, сила и продолжительность половой любви бывают такими, что невозможность обладания и разлука представляются обоим сторонам великим, если не величайшим несчастьем; они идут на огромный риск, даже ставят на карту свою жизнь, чтобы только принадлежать друг другу, что в древности бывало разве

только в случаях нарушения супружеской верности. И, наконец, появляется новый нравственный критерий для осуждения и оправдания половой связи; спрашивают не только о том, была ли она брачной или внебрачной, но и о том, возникла ли она по взаимной любви или нет? Понятно, что в феодальной или буржуазной практике с этим новым критерием обстоит не лучше, чем со всеми другими критериями морали, — с ним не считаются. Но относятся к нему и не хуже, чем к другим: он так же, как и те, признается — в теории, на бумаге. А большего и требовать пока нельзя.

Средневековье начинается с того, на чем остановился древний мир со своими зачатками половой любви, — с прелюбодеяния. Мы уже описали рыцарскую любовь, создавшую песни рассвета. От этой любви, стремящейся к разрушению брака, до любви, которая должна стать его основой, лежит еще далекий путь, который рыцарство так и не прошло до конца. Даже переходя от легкомысленных романских народов к добродетельным германцам, мы находим в «Песне о Нибелунгах», что Кримхильда, хотя она втайне влюблена в Зигфрида не меньше, чем он в нее, когда Гунтер объявляет ей, что просватал ее за некоего рыцаря, и при этом не называет его имени, отвечает просто:

«Вам не нужно меня просить; как Вы мне прикажете, так я всегда и буду поступать; кого Вы, государь, дадите мне в мужья, с тем я охотно обречусь»⁷⁰.

Ей даже в голову не приходит, что здесь вообще может быть принята во внимание ее любовь. Гунтер сватается за Брунхильду, а Этцель — за Кримхильду, которых они ни разу не видели; точно так же в «Гудрун»⁷¹ Зигебант ирландский сватается за норвежскую Уту, Хетель хегелинский — за Хильду ирландскую, наконец Зигфрид морландский, Хартмут орманский и Хервиг зеландский — за Гудрун; и только здесь последняя свободно решает в пользу Хервига. По общему правилу, невесту для молодого князя подыскивают его родители, если они еще живы; в противном случае он это делает сам, советуясь с крупными вассалами, мнение которых во всех случаях пользуется большим весом. Да иначе и быть не могло. Для рыцаря или

барона, как и для самого владетельного князя, женитьба — политический акт, случай для увеличения своего могущества при помощи новых союзов; решающую роль должны играть интересы *дома*, а отнюдь не личные желания. Как в таких условиях при заключении брака последнее слово могло принадлежать любви?

То же самое было у цехового бюргера средневековых городов. Уже одни охранявшие его привилегии, создававшие всевозможные ограничения цеховые уставы, искусственные перегородки, отделявшие его юридически здесь — от других цехов, там — от его же товарищей по цеху, тут — от его подмастерьев и учеников, — достаточно суживали круг, в котором он мог искать себе подходящую супругу. А какая из невест была наиболее подходящей, решалось при этой запутанной системе безусловно не его индивидуальным желанием, а интересами семьи.

Таким образом, в бесчисленном множестве случаев заключение брака до самого конца средних веков оставалось тем, чем оно было с самого начала, — делом, которое решалось не самими вступающими в брак. Вначале люди появлялись на свет уже состоящими в браке — в браке с целой группой лиц другого пола. В позднейших формах группового брака сохранялось, вероятно, такое же положение, только при все большем сужении группы. При парном браке, как правило, матери договариваются относительно браков своих детей; и здесь также решающую роль играют соображения о новых родственных связях, которые должны обеспечить молодой паре более прочное положение в роде и племени. А когда с торжеством частной собственности над общей и с появлением заинтересованности в передаче имущества по наследству господствующее положение заняли отцовское право и моногамия, тогда заключение брака стало целиком зависеть от соображений экономического характера. *Форма* брака-купли исчезает, но по сути дела такой брак осуществляется во все возрастающих масштабах, так что не только на женщину, но и на мужчину устанавливается цена, причем не по их личным качествам, а по их имуществу. В практике господствующих классов с самого начала было неслыханным делом, чтобы взаимная склонность сторон преобладала над всеми

другими соображениями. Нечто подобное встречалось разве только в мире романтики или у угнетенных классов, которые в счет не шли.

Таково было положение к моменту, когда капиталистическое производство со времени географических открытий, благодаря развитию мировой торговли и мануфактуры, вступило в стадию подготовки к мировому господству. Можно было полагать, что этот способ заключения браков будет для него самым подходящим, и это действительно так и оказалось. Однако — прения мировой истории неисчерпаема — именно капиталистическому производству суждено было пробить здесь решающую брешь. Превратив все в товары, оно уничтожило все исконные, сохранившиеся от прошлого отношения, на место унаследованных обычаев, исторического права оно поставило куплю и продажу, «свободный» договор. Английский юрист Г. С. Мейн полагал, что сделал величайшее открытие своим утверждением, что весь наш прогресс, сравнительно с предыдущими эпохами, состоит в переходе *from status to contract* * — от унаследованного порядка к порядку, устанавливаемому свободным договором⁷²; впрочем, — насколько это вообще правильно, это было сказано уже в «Коммунистическом манифесте»⁷³.

Но заключать договоры могут люди, которые в состоянии свободно располагать своей личностью, поступками и имуществом и равноправны по отношению друг к другу. Создание таких «свободных» и «равных» людей именно и было одним из главнейших дел капиталистического производства. Хотя это вначале происходило еще только полусознательно и вдобавок облекалось в религиозную оболочку, все же со времени лютеранской и кальвинистской реформации было твердо установлено положение, что человек только в том случае несет полную ответственность за свои поступки, если он совершил их, обладая полной свободой воли, и что нравственным долгом является сопротивление всякому принуждению к безнравственному поступку. Но как же согласовалось это с прежней практикой заключения браков? Согласно буржуазному пониманию, брак был договором, юридической сделкой,

* — от статута к договору. *Ред.*

и притом самой важной из всех, так как она на всю жизнь определяла судьбу тела и души двух человек. В ту пору формально сделка эта, правда, заключалась добровольно; без согласия сторон дело не решалось. Но слишком хорошо было известно, как получалось это согласие и кто фактически заключал брак. Между тем, если при заключении других договоров требовалось действительно свободное решение, то почему этого не требовалось в данном случае? Разве двое молодых людей, которым предстояло соединиться, не имели права свободно располагать собой, своим телом и его органами? Разве благодаря рыцарству не вошла в моду половая любовь и разве, в противоположность рыцарской любви, связанной с прелюбодеянием, супружеская любовь не была ее правильной буржуазной формой? Но если долг супругов любить друг друга, то разве не в такой же мере было долгом любящих вступать в брак друг с другом и ни с кем другим? И разве это право любящих не стояло выше права родителей, родственников и иных обычных брачных маклеров и сводников? И если право свободного личного выбора бесцеремонно вторглось в сферу церкви и религии, то могло ли оно остановиться перед невыносимым притязанием старшего поколения распоряжаться телом, душой, имуществом, счастьем и несчастьем младшего?

Эти вопросы не могли не встать в такое время, когда были ослаблены все старые узы общества и поколеблены все унаследованные от прошлого представления. Мир сразу сделался почти в десять раз больше; вместо четверти одного полушария перед взором западноевропейцев теперь предстал весь земной шар, и они спешили завладеть остальными семью четвертями. И вместе со старинными барьерами, ограничивавшими человека рамками его родины, пали также и тысячелетние рамки традиционного средневекового способа мышления. Внешнему и внутреннему взору человека открылся бесконечно более широкий горизонт. Какое значение могли иметь репутация порядочности и унаследованные от ряда поколений почетные цеховые привилегии для молодого человека, которого манили к себе богатства Индии, золотые и серебряные рудники Мексики и Потоси? То была для буржуазии пора странствующего

рыцарства; она также переживала свою романтику и свои любовные мечтания, но на буржуазный манер и в конечном счете с буржуазными целями.

Так произошло то, что поднимающаяся буржуазия, в особенности в протестантских странах, где больше всего был поколеблен существующий порядок, все более и более стала признавать свободу заключения договора также и в отношении брака и осуществлять ее вышеописанным образом. Брак оставался классовым браком, но в пределах класса сторонам была предоставлена известная свобода выбора. И на бумаге, в теоретической морали и в поэтическом изображении, не было ничего более незыблемого и прочно установленного, чем положение о безнравственности всякого брака, не покоящегося на взаимной половой любви и на действительно свободном согласии супругов. Одним словом, брак по любви был провозглашен правом человека, и притом не только *droit de l'homme* *, но, в виде исключения, и *droit de la femme* **.

Но это право человека в одном отношении отличалось от всех остальных так называемых прав человека. Тогда как эти последние на практике распространялись только на господствующий класс — буржуазию — и прямо или косвенно сводились на нет для угнетенного класса — пролетариата, здесь снова сказывается ирония истории. Господствующий класс остается подвластным известным экономическим влияниям, и поэтому только в исключительных случаях в его среде бывают действительно свободно заключаемые браки, тогда как в среде угнетенного класса они, как мы видели, являются правилом.

Полная свобода при заключении браков может, таким образом, стать общим достоянием только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собственности устранит все побочные, экономические соображения, оказывающие теперь еще столь громадное влияние на выбор супруга. Тогда уже не останется больше никакого другого мотива, кроме взаимной склонности.

* Игра слов: «*droit de l'homme*» означает «право человека», а также «право мужчины». *Ред.*

** — правом женщины. *Ред.*

Так как половая любовь по природе своей исключительна, — хотя это ныне соблюдается только женщиной, — то брак, основанный на половой любви, по природе своей является единобрачием. Мы видели, насколько прав был Бахофен, когда он рассматривал переход от группового брака к единобрачию как прогресс, которым мы обязаны преимущественно женщинам; только дальнейший шаг от парного брака к моногамии был делом мужчин; исторически он по существу заключался в ухудшении положения женщин и облегчении неверности для мужчин. Поэтому, как только отпадут экономические соображения, вследствие которых женщины мирились с этой обычной неверностью мужчин, — забота о своем собственном существовании и еще более о будущем детей, — так достигнутое благодаря этому равноправие женщины, судя по всему прежнему опыту, будет в бесконечно большей степени способствовать действительной моногамии мужчин, чем полиандрии женщин.

Но при этом от моногамии безусловно отпадут те характерные черты, которые ей навязаны ее возникновением из отношений собственности, а именно, во-первых, господство мужчины и, во-вторых, нерасторжимость брака. Господство мужчины в браке есть простое следствие его экономического господства и само собой исчезает вместе с последним. Нерасторжимость брака — это отчасти следствие экономических условий, при которых возникла моногамия, отчасти традиция того времени, когда связь этих экономических условий с моногамией еще не понималась правильно и утрированно трактовалась религией. Эта нерасторжимость брака уже в настоящее время нарушается в тысячах случаев. Если нравственным является только брак, основанный на любви, то он и остается таковым только пока любовь продолжает существовать. Но длительность чувства индивидуальной половой любви весьма различна у разных индивидов, в особенности у мужчин, и раз оно совершенно иссякло или вытеснено новой страстной любовью, то развод становится благодеянием как для обеих сторон, так и для общества. Надо только избавить людей от необходимости брести через ненужную грязь бракоразводного процесса.

Таким образом, то, что мы можем теперь предложить о формах отношений между полами после предстоящего уничтожения капиталистического производства, носит по преимуществу негативный характер, ограничивается в большинстве случаев тем, что будет устранено. Но что придет на смену? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из боязни экономических последствий. Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности, — и точка.

Вернемся, однако, к Моргану, от которого мы порочно удалились. Историческое исследование развившихся в период цивилизации общественных учреждений выходит за рамки его книги. На судьбе моногамии в течение этого периода он останавливается поэтому лишь весьма кратко. Он также усматривает в дальнейшем развитии моногамной семьи известный прогресс, приближение к полному равноправию полов, не считая, однако, эту цель уже достигнутой. Но, — говорит он, —

«если признать тот факт, что семья последовательно прошла через четыре формы и находится теперь в пятой, то возникает вопрос, может ли эта форма сохраниться на длительный срок в будущем? Ответ возможен только один — она должна развиваться по мере развития общества и изменяться по мере изменения общества, точно так же как это было в прошлом. Являясь продуктом определенной общественной системы, она будет отражать состояние ее развития. Так как моногамная семья за период с начала цивилизации усовершенствовалась, и особенно заметно в современную эпоху, то можно, по меньшей мере, предполагать, что она способна к дальнейшему совершенствованию, пока не будет достигнуто равенство полов. Если же моногамная семья в отдаленном будущем окажется не способной удовлетворять потребности общества, то невозможно заранее предсказать, какой характер будет иметь ее преемница»⁷⁴.

«ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ И КОНЕЦ КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ»

По учению Фейербаха, религия есть основанное на чувстве, сердечное отношение между человеком и человеком, которое до сих пор искало свою истину в фантастическом отражении действительности,— при посредстве одного или многих богов, этих фантастических отражений человеческих свойств,— а теперь непосредственно и прямо находит ее в любви между «я» и «ты». И таким образом, у Фейербаха, в конце концов, половая любовь становится одной из самых высших, если не самой высшей формой исповедания его новой религии.

Основанные на чувстве отношения между людьми, особенно же между людьми разного пола, существовали с тех самых пор, как существуют люди. Что касается половой любви, то она в течение последних восьми столетий приобрела такое значение и завоевала такое место, что стала обязательной осью, вокруг которой вращается вся поэзия. Существующие позитивные религии ограничиваются тем, что дают высшее освящение государственному регулированию половой любви, то есть законодательству о браке; они могут все хоть завтра совершенно исчезнуть, а в практике любви и дружбы не произойдет ни малейшего изменения.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 292

ИЗ ПИСЕМ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Когда я покинул вас, для меня открылся новый мир, мир любви, к тому же вначале страстной, безнадежной любви. Даже путешествие в Берлин, которое при других обстоятельствах привело бы меня в величайший восторг, побудило бы к созерцанию природы, разожгло бы жажду жизни, оставило меня холодным. Оно даже сильно расстроило меня, ибо скалы, которые я увидел, были не более непреклонны и горды, чем мои чувства, обширные города не более оживленны, чем моя кровь, обеды в гостинице не более обильны и неудобоваримы,

чем тот рой фантастических образов, который я носил в себе, и, наконец, искусство не так прекрасно, как Женни.

*Письмо Маркса к отцу, 10 ноября 1837 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведе-
ний, стр. 7*

Могу Вас уверить без тени романтики, что я по уши влюблен, и притом — серьезнейшим образом. Я обручен уже более семи лет, и моя невеста выдержала из-за меня самую ожесточенную, почти подточившую ее здоровье борьбу, отчасти с ее пиетистски-аристократическими родственниками, для которых «владыка на небе» и «владыка в Берлине» в одинаковой степени являются предметами культа, отчасти с моей собственной семьей, где засело несколько попов и других моих врагов. Поэтому я и моя невеста выдержали в течение ряда лет больше ненужных и тяжелых столкновений, чем многие лица, которые вдвое старше и постоянно говорят о своем «житейском опыте» (излюбленное словечко нашего «Juste-Milieu» *).

*Маркс — Арнольду Руге, 13 марта 1843 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 374*

Моя любимая!

Снова пишу тебе, потому что нахожусь в одиночестве и потому, что мне тяжело мысленно постоянно беседовать с тобой, в то время как ты ничего не знаешь об этом, не слышишь и не можешь мне ответить. Как ни плох твой портрет, он прекрасно служит мне, и теперь я понимаю, почему даже «мрачные мадонны», самые уродливые изображения богородицы, могли находить себе ревностных почитателей, и даже более многочисленных почитателей, чем хорошие изображения. Во всяком случае ни одно из этих мрачных изображений мадонн так много не целовали, ни на одно не смотрели с таким благоговейным умилением, ни одному так не поклонялись, как этой твоей фотографии, которая хотя и не мрачная, но хмурая и вовсе не отображает твоего милого, очаровательного, «dolce» **, словно созданного для поцелуев лица. Но я совершенствую то, что плохо

* — Эдгара Бауэра. *Ред.*

** — «сладостного». *Ред.*

запечатлели солнечные лучи, и нахожу, что глаза мои, как ни испорчены они светом ночной лампы и табачным дымом, все же способны рисовать образы не только во сне, но и наяву. Ты вся передо мной как живая, я пошу тебе на руках, покрываю тебя поцелуями с головы до ног, падаю перед тобой на колени и вздыхаю: «Я вас люблю, madame!» * И действительно, я люблю тебя сильнее, чем любил когда-то венецианский мавр **. Лживый и пустой мир составляет себе ложное и поверхностное представление о людях. Кто из моих многочисленных клеветников и злоязычных врагов прекрнул меня когда-нибудь тем, что я гожусь на роль первого любовника в каком-нибудь второразрядном театре? А ведь это так. Найдись у этих негодяев хоть капля юмора, они намалевали бы «отношения производства и обмена» на одной стороне и меня у твоих ног — на другой. Взгляните-ка на эту и на ту картину, гласила бы их подпись. Но негодяи эти глухи и останутся глупцами in seculum seculorum ***.

Временная разлука полезна, ибо постоянное общение порождает видимость однообразия, при котором стираются различия между вещами. Даже башни кажутся вблизи не такими уж высокими, между тем как мелочи повседневной жизни, когда с ними близко сталкиваешься, непомерно вырастают. Так и со страстями. Обыденные привычки, которые в результате близости целиком захватывают человека и принимают форму страсти, перестают существовать, лишь только исчезает из поля зрения их непосредственный объект. Глубокие страсти, которые в результате близости своего объекта принимают форму обыденных привычек, вырастают и вновь обретают присущую им силу под волшебным воздействием разлуки. Так и моя любовь. Стоит только пространству разделить нас, и я тут же убеждаюсь, что время послужило моей любви лишь для того, для чего солнце и дождь служат растению — для роста. Моя любовь к тебе, стоит тебе оказаться вдали от меня, предстает такой, какова она на самом деле — в виде великана; в ней сосредоточиваются вся моя духовная энергия и вся сила моих чувств. Я вновь ощущаю себя

* Гейне. Стихотворение из цикла «Опять на родине». *Ред.*

** Шекспир. «Отелло». *Ред.*

*** — во веки веков. *Ред.*

человеком в полном смысле слова, ибо испытываю огромную страсть. Ведь та разносторонность, которая навязывается нам современным образованием и воспитанием, и тот скептицизм, который заставляет нас подвергать сомнению все субъективные и объективные впечатления, только и существуют для того, чтобы сделать всех нас мелочными, слабыми, брюзжащими и нерешительными. Однако не любовь к фейербаховскому «человеку», к молешоттовскому «обмену веществ», к пролетариату, а любовь к любимой, именно к тебе, делает человека снова человеком в полном смысле этого слова.

Ты улыбнешься, моя милая, и спросишь, почему это я вдруг впал в риторику? Но если бы я мог прижать твое нежное, чистое сердце к своему, я молчал бы и не проронил бы ни слова. Лишенный возможности целовать тебя устами, я вынужден прибегать к словам, чтобы с их помощью передать тебе свои поцелуи. В самом деле, я мог бы даже сочинять стихи и перерифмовать «*Libri Tristium*» Овидия в немецкие «Книги скорби». Овидий был удален только от императора Августа. Я же удален от тебя, а этого Овидию не дано было понять.

Бесспорно, на свете много женщин, и некоторые из них прекрасны. Но где мне найти еще лицо, каждая черта, даже каждая морщинка которого пробуждали бы во мне самые сильные и прекрасные воспоминания моей жизни? Даже мои бесконечные страдания, мою невозместимую утрату * читаю я на твоем милом лице, и я преодолеваю это страдание, когда осыпаю поцелуями твое дорогое лицо. «Погребенный в ее объятиях, воскрешенный ее поцелуями», — именно, в твоих объятиях и твоими поцелуями. И не нужны мне ни брахманы, ни Пифагор с их учением о перевоплощении душ, ни христианство с его учением о воскресении.

Маркс — Жени Маркс, 21 июня 1856 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 432—436

Моя дорогая, любимая Жени!

...Если пишу тебе с таким запозданием, то это, поверь, не от забывчивости. Напротив. Каждый день

* Имеется в виду смерть сына Маркса Эдгара. Ред.

совершаю паломничество к старому дому Вестфаленов (на Нейштрассе), который интересуется меня больше, чем все римские древности, — ведь он напоминает мне о счастливейшей поре юности, в нем же таилось мое самое драгоценное сокровище. Кроме того, со всех сторон меня то и дело спрашивают о *quondam* * «самой красивой девушке Трира» и «царице балов». Чертовски приятно мужу сознавать, что жена его в воображении целого города продолжает жить как «зачарованная принцесса»...

Маркс — Женни Маркс, 15 декабря 1863 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 531

Самое лучшее в древнеирландских законах⁷⁵ — семейное право. Должно быть, беспутными были те времена. Многоженство существовало, во всяком случае было *терпимо*, и при этом незаконные жены делились на шесть-семь групп, в том числе «*imris*», «которой он (мужчина) обладает с согласия ее мужа». В высшей степени наивны также правила о распоряжении имуществом. Если имущество у обоих одинаково, муж и (первая или главная) жена распоряжаются им сообща. Если мужу принадлежит все, а жене ничего, распоряжается муж. Если же все имущество принадлежит жене, а у мужа ничего нет, то «жена становится на место мужа, а муж на место жены». Все же в этом больше цивилизации, чем в современных английских законах.

Энгельс — Марксу, 8 мая 1870 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 414

Посылаю Вам кое-какой материал о запрете нарушения супружеской верности⁷⁶. Я, правда, не знаю, сможете ли Вы его использовать. Это щекотливый предмет, и Вы сами должны решить, не будет ли больше вреда, чем пользы, если его затронуть. Во всяком случае мне хотелось показать Вам, каким путем можно трактовать эту заповедь, не впадая в филистерское морализирование, и Вам все же может пригодиться собранный по этому вопросу исторический материал, который имелся в моем распоряжении.

Энгельс — Эдуарду Бернштейну, 12 марта 1881 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 138—139

* — некогда. Ред.

...В тот момент, когда на Вас обрушивается самый жестокий удар, какой только может получить женщина, — в этот момент Вы находите в себе достаточно самообладания, чтобы оправдывать мужчину, рука которого все же нанесла этот удар. Отказаться от такой великодушной женщины после пяти лет совместной жизни — этого я не в состоянии понять.

Вы говорите, что о виновности Карла* не может быть и речи. Хорошо, в этом Вы — высший судья. Но это еще не дает права нам быть несправедливыми к Вам. Вы говорите о разводе как о единственно правильном выходе при ваших характерах. Но если бы с вашими характерами действительно нельзя было ужиться, то мы ведь тоже должны были бы это заметить и давно уже ждали бы развода как чего-то естественного и неизбежного. Допустим даже, что вы действительно не сходитесь характерами. Карл добился союза с Вами ценой борьбы со своей и Вашей семьей, он знал, что Вы принесли ему в жертву, он прожил с Вами счастливо, как нам известно, пять лет. В таком случае никакой временный разлад, употребляя Ваше собственное выражение, не должен был бы сбить его с толку. Если же новая, внезапно вспыхнувшая страсть заставила его совершить этот крайний шаг, то он не должен был делать этого слишком поспешно и прежде всего обязан был избегать малейшего намека на то, что он делает это под влиянием людей, не желающих его союза с Вами и, быть может, до сих пор не простивших Вам того, что Вы стали его женой.

Вы говорите о Карле: без любви, без страсти его натура гибнет. Если эта натура проявляется в том, что каждую пару лет требует новой любви, то он сам ведь должен будет признать, что при нынешних условиях или такую натуру следует обуздать, или она запутает его и других в бесконечных трагических конфликтах.

Я считал себя обязанным сказать Вам это, дорогая Луиза. Вообще ведь наши общественные отношения таковы, что мужчине куда легче совершить по отношению к женщине очень большую несправедливость, и много ли найдется таких мужчин, которые могли бы считать себя совершенно свободными от подобных

* — Каутского. *Ред.*

обвинений? «Подите, вы не достойны женщин!» — сказал один из величайших людей, лучше всего знавший это по собственному опыту. И мне пришлось повторить это себе, когда я читал Ваше письмо...

*Энгельс — Луизе Каутской, 11 октября 1888 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 86—87*

...Твои родные не были довольны вашим браком. Я знаю по опыту в моей собственной семье, как трудно, а порой и невозможно, родителям быть справедливыми по отношению к зятю или невестке, вошедшим в семью вопреки их воле. При всем том родители убеждены в наилучших своих намерениях, но эти наилучшие намерения большей частью приводят лишь к тому, что создается ад для нового члена семьи, а косвенно и для собственного сына или дочери. Каждый муж может найти какие-нибудь недостатки в своей жене и наоборот; это в порядке вещей. Но в результате благонамеренного вмешательства третьих лиц это критическое отношение может перерасти в неприязненное чувство и длительный разлад. Если у вас это было так, то вы оба правы: Луиза в том, что нет оснований для разлада между вами, а ты в том, что отношения фактически разладились.

Если же разлад, безразлично по какой причине, был настолько значителен, что ты серьезно принял решение разойтись, то следовало, по-моему, прежде всего взвесить различие в положении жены и мужа при современных условиях. Мужу развод в общественном смысле не наносит абсолютно никакого ущерба, он сохраняет целиком свое положение, просто снова становится холостяком. Жена теряет все свое положение, должна опять начинать все сначала и притом в более тяжелых условиях. Поэтому когда жена говорит о разводе, то муж может делать все, просить и умолять, не унижая себя; напротив, если муж лишь слегка намекнет на развод, то жена, если она себя уважает, почти вынуждена тотчас же пойти ему навстречу. Из этого следует, что муж лишь в крайнем случае, лишь после зрелого размышления, лишь вполне уяснив себе необходимость этого, имеет право решиться на этот крайний шаг и то лишь в самой деликатной форме...

*Энгельс — Карлу Каутскому, 17 октября 1888 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 93—94*

...Мне известно, что при таких общественных отношениях, какие существуют в Южной Италии, где сохранилось еще немало воспоминаний из времен родового строя, брат считается естественным защитником своей сестры и мстителем за нее. Но ведь брат также женат, у него есть жена и дети, на нем лежат обязанности по отношению к ним, а в современном обществе эти обязанности важнее всех других. Поэтому, как мне кажется, ради своей собственной семьи Вам не следует прибегать к действию, которое неизбежно обрекло бы Вас на вечную разлуку с ней.

В моих глазах Ваша сестра остается такой же чистой и достойной уважения, как и прежде.

Но если Вы считаете, что должны отомстить, то имеются другие средства клеймить соблазнителя в глазах общества.

Здесь брат отхлестал бы подлеца публично.

Во Франции и Германии было бы достаточно дать пощечину на виду у всех...

В Италии Вы также найдете средство публично клеймить такого подлеца и окружить его всеобщим презрением, не нанося ему сколько-нибудь серьезных увечий.

Как уже сказано, я далек от того, чтобы и в этом отношении давать Вам совет. Но если Вы твердо убеждены, что какой-то акт мести необходим, то лучше уж нанести ущерб чести соблазнителя, чем мстить ему другим способом...

*Энгельс — Паскуале Мартиньетти. 9 января 1891 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 6*

ИЗ СТАТЬИ В. И. ЛЕНИНА

«О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ»

...Возьмем вопрос о разводе. Роза Люксембург пишет в своей статье⁷⁷, что централизованное демократическое государство, вполне мирясь с автономией отдельных частей, должно оставить в ведении центрального парламента все важнейшие отрасли законодательства и, между прочим, законодательство о разводе. Эта заботливость об обеспечении центральной властью демо-

кратического государства свободы развода вполне понятна. Реакционеры против свободы развода, призывая к «осторожному обращению» с ней и крича, что она означает «распад семьи». Демократия же полагает, что реакционеры лицемерят, защищая на деле всевластие полиции и бюрократии, привилегии одного пола и худшее угнетение женщины; — что на деле свобода развода означает не «распад» семейных связей, а, напротив, укрепление их на единственно возможных и устойчивых в цивилизованном обществе демократических основаниях.

Обвинять сторонников свободы самоопределения, т. е. свободы отделения, в поощрении сепаратизма — такая же глупость и такое же лицемерие, как обвинять сторонников свободы развода в поощрении разрушения семейных связей. Подобно тому, как в буржуазном обществе против свободы развода выступают защитники привилегий и продажности, на которых строится буржуазный брак, так в капиталистическом государстве отрицание свободы самоопределения, т. е. отделения наций, означает лишь защиту привилегий господствующей нации и полицейских приемов управления в ущерб демократическим.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 286

ИЗ СТАТЬИ В. И. ЛЕНИНА
«О КАРИКАТУРЕ НА МАРКСИЗМ
И ОБ «ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ
ЭКОНОМИЗМЕ»»

То же самое на вопросе о разводе. Напомним читателю, что вопрос этот в дискуссии по *национальному* вопросу затронула впервые Роза Люксембург. Она высказала то справедливое мнение, что, защищая автономию внутри государства (области или края и т. п.), мы должны, как социал-демократы централисты, отстаивать решение общегосударственной властью, общегосударственным парламентом, важнейших государственных вопросов, к числу коих относится законодательство о *разводе*. Пример развода наглядно показывает, что нельзя быть демократом и социалистом, не требуя сей-

час же полной свободы развода, ибо отсутствие этой свободы есть свержение угнетенного пола, женщины, — хотя вовсе не трудно смекнуть, что признание свободы ухода от мужей не есть *приглашение* всем женщинам уходить!

П. Киевский «возражает»:

«Как же выглядело бы это право» (развода), «если бы в *этих* случаях» (когда жена *хочет* уйти от мужа) «жена не могла бы его реализовать? Или если бы эта реализация зависела от воли *третьих* лиц, или, еще хуже, от воли претендентов на «руку» данной жены? Стали бы мы добиваться провозглашения *такого* права? Разумеется, нет!»

Это возражение показывает самое полное непонимание отношения, существующего между демократией *вообще* и капитализмом. При капитализме обычны, не как отдельные случаи, а как типичное явление, такие условия, когда для угнетенных классов «реализовать» их демократические права невозможно. Право развода в большинстве случаев останется нереализуемым при капитализме, ибо угнетенный пол подавлен экономически, ибо женщина при какой угодно демократии остается «домашней рабыней» при капитализме, рабыней, запертой в спальне, детской, кухне... Чем полнее свобода развода, тем яснее женщине, что источник ее «домашнего рабства» капитализм, а не бесправие.

...Право развода, как и *все* без исключения демократические права, при капитализме трудно осуществимо, условно, ограничено, формально-узко, но тем не менее отрицающих это право ни один порядочный социал-демократ не сочтет не только социалистами, но и демократами...

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 125—126, 127

П И С Ь М О В. И. Л Е Н И Н А

И. Ф. АРМАНД ⁷⁸

Dear friend! * План брошюры очень советую написать поподробнее. Иначе слишком многое неясно.

* — Дорогой друг! Ред.

Одно мнение должен высказать уже сейчас:

§ 3 — «требование (женское) свободы любви» советую вовсе выкинуть.

Это выходит действительно не пролетарское, а буржуазное требование.

В самом деле, что Вы под ним понимаете? Что *можно* понимать под этим?

1. Свободу *от* материальных (финансовых) расчетов в деле любви?

2. Тоже *от* материальных забот?

3. от предрассудков религиозных?

4. от запрета папаши etc.?

5. от предрассудков «общества»?

6. от узкой обстановки (крестьянской или мещанской или интеллигентски-буржуазной) среды?

7. от уз закона, суда и полиции?

8. от серьезного в любви?

9. от деторождения?

10. свободу адюльтера? и т. д.

Я перечислил много (не все, конечно) оттенков. Вы понимаете, конечно, не №№ 8—10, а или №№ 1—7 или *вроде* №№ 1—7.

Но для №№ 1—7 надо выбрать иное обозначение, ибо свобода любви не выражает точно этой мысли.

А публика, читатели брошюры *неизбежно* поймут под «свободой любви» вообще нечто вроде №№ 8—10, даже *вопреки Вашей воле*.

Именно потому, что в современном обществе классы, наиболее говорливые, шумливые и «вверхувидные», понимают под «свободой любви» №№ 8—10, именно поэтому *сие* есть не пролетарское, а буржуазное требование.

Пролетариату важнее всего №№ 1—2, и затем №№ 1—7, а это собственно не «свобода любви».

Дело не в том, что Вы *субъективно* «хотите понимать» под этим. Дело в *объективной логике* классовых отношений в делах любви.

Friendly shake hands!

W. I. *

17 января 1915 г.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 51—52

* Дружески жму руку! В. И. Ред.

И. Ф. АРМАНД

Дорогой друг! Извиняюсь за опоздание с ответом: хотел вчера, да меня задержали и не оказалось времени сесть за письмо.

По поводу Вашего плана брошюры я находил, что «требование свободы любви» неясно и — независимо от Вашей воли и желания (я подчеркивал это, говоря: дело в объективных, классовых отношениях, а не в Ваших субъективных желаниях) — явится в современной общественной обстановке буржуазным, а не пролетарским требованием.

Вы не согласны.

Хорошо. Рассмотрим дело еще раз.

Чтобы неясное сделать ясным, я перечислил примерно десяток *возможных* (и неизбежных в обстановке классовой розни) различных толкований, причем отметил, что толкования 1—7, по-моему, будут типичны или характерны для пролетарок, а 8—10 для буржуазок.

Если это опровергать, то надо показать: (1) что эти толкования неверны (тогда заменить их другими или отметить неверные) или (2) неполны (тогда добавить недостающее) или (3) не так делятся на пролетарские и буржуазные.

Ни того, ни другого, ни третьего Вы не делаете.

Пунктов 1—7 Вы вовсе не касаетесь. Значит, признаете их (в общем) правильность? (То, что Вы пишете о проституции пролетарок и их зависимости: «невозможности сказать нет», вполне подходит под пп. 1—7. Несогласия у нас здесь нельзя усмотреть ни в чем.)

Не оспариваете Вы и того, что это *пролетарское* толкование.

Остаются пп. 8—10.

Их Вы «немного не понимаете» и «возражаете»: «не понимаю, как можно (так и написано!) *отождествлять* (!!??) свободу любви с» п. 10...

Выходит, что я «отождествляю», а Вы меня разносить и разбивать собрались?

Как это? что это?

Буржуазки понимают под свободой любви пп. 8—10 — вот мой тезис.

Опровергаете Вы его? Скажите, что *буржуазные* дамы понимают под свободой любви?

Вы этого не говорите. Неужели литература и жизнь не *доказывают*, что буржуазки именно это понимают? Вполне доказывают! Вы молча признаете это.

А раз так, дело тут в их классовом положении, и «опровергнуть» *и* *х* едва ли можно и едва ли не наивно.

Надо ясно *отделить* от них, *противопоставить* им пролетарскую точку зрения. Надо учесть тот объективный факт, что иначе *о* *н* *и* выхватят соответствующие места из вашей брошюры, истолкуют их по-своему, сделают из вашей брошюры воду на свою мельницу, извратят ваши мысли перед рабочими, «*смутят*» рабочих (посеяв в них опасение, не *чужие* ли идеи *Вы* им несете). А в их руках тьма газет и т. д.

А Вы, совершенно забыв объективную и классовую точку зрения, переходите в «атаку» на *меня*, будто я «отождествляю» свободу любви с пп. 8—10... Чудно, ей-ей, чудно...

«Даже мимолетная страсть и связь» «поэтичнее и чище», чем «поцелуи без любви» (пошлых и пошленьких) супругов. Так Вы пишете. И так собираетесь писать в брошюре. Прекрасно.

Логичное ли противопоставление? Поцелуи без любви у пошлых супругов *грязны*. Согласен. Им надо противопоставить... что?.. Казалось бы: поцелуи *с любовью*? А Вы противопоставляете «мимолетную» (почему мимолетную?) «страсть» (почему не любовь?) — выходит, по логике, будто поцелуи без любви (мимолетные) противопоставляются поцелуям без любви супружеским... Странно. Для популярной брошюры не лучше ли противопоставить *мещански-интеллигентски-крестьянский* (кажись, п. 6 или п. 5 у меня) пошлый и грязный брак без любви — пролетарскому гражданскому браку с любовью (с добавлением, если уж непременно хотите, что и мимолетная связь-страсть может быть грязная, может быть и чистая). У Вас вышло противопоставление не классовых *типов*, а что-то вроде «казуса», который возможен, конечно. Но разве в казусах дело? Если брать тему: казус, индивидуальный случай грязных поцелуев в браке и чистых в мимолетной связи, — эту тему надо разработать в романе (ибо тут весь *своя* в *индивидуальной* обстановке, в анализе

характеров и психики данных типов). А в брошюре?

Вы очень хорошо поняли мою мысль насчет неподходящей цитаты из Кей, сказав, что-де «нелепо» выступать в роли «профессоров *ёз* любовь». Именно. Ну, а в роли профессоров *ёз* мимолетная и т. д.?

Право же, мне вовсе не полемики хочется. Я бы охотно отбросил это свое письмо и отложил дело до беседы. Но мне хочется, чтобы брошюра была хороша, чтобы из нее никто *не мог* вырывать неприятных для Вас фраз (иногда *одной* фразы довольно, чтобы была ложка дегтю...), *не мог* Вас *перетолковывать*. Я уверен, что Вы и здесь «против воли» написали, и посылаю это письмо только потому, что может быть Вы обстоятельнее разберете план в связи с письмами, чем по поводу бесед, а ведь план вещь очень важная.

Нет ли у Вас знакомой француженки-социалистки? Переведите ей (якобы с английского) мои пп. 1—10 и ваши замечания о «мимолетней» и т. д. и посмотрите на нее, послушайте ее внимательнее: маленький опыт, что скажут люди *со стороны*, каковы их впечатления, их ожидания от брошюры?

Жму руку и желаю поменьше хворать головной болью и поскорее поправляться. В. У.

P. S. Насчет Божии не знаю... Возможно, что my friend* переобещал... Но что? Не знаю. Дело отложено, т. е. конфликт отложен, не устранен. Надо будет бороться и бороться!! Удастся ли их отговорить? Каково Ваше мнение?

24 января 1915 г.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 54—57

ИЗ СТАТЬИ В. И. ЛЕНИНА

«О ЗНАЧЕНИИ ВОИНСТВУЮЩЕГО МАТЕРИАЛИЗМА»

Самое небольшое знакомство с законодательством буржуазных стран о браке, разводе и внебрачных детях, а равно с фактическим положением дела в этом отношении покажет любому интересующемуся вопросом

* Мой друг. *Ред.*

человеку, что современная буржуазная демократия, даже во всех наиболее демократических буржуазных республиках, проявляет себя в указанном отношении именно крепостнически по отношению к женщине и по отношению к внебрачным детям.

Это не мешает, конечно, меньшевикам, эсерам и части анархистов и всем соответствующим партиям на Западе продолжать кричать о демократии и о ее нарушении большевиками. На самом деле, именно большевистская революция является единственной последовательно-демократической революцией в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей. А это вопрос, затрагивающий самым непосредственным образом интересы большей половины населения в любой стране. Только большевистская революция впервые, несмотря на громадное число предшествовавших ей и называющих себя демократическими буржуазных революций, провела решительную борьбу в указанном отношении, как против реакционности и крепостничества, так и против обычного лицемерия правящих и имущих классов.

ИЗ РАБОТЫ КЛАРЫ ЦЕТКИН
«ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ»

Товарищ Ленин неоднократно говорил со мной о женском вопросе. Он, очевидно, придавал женскому движению очень большое значение, как такой существенной составной части движения масс, которая может при известных условиях стать решающей его частью. Само собой разумеется, полное социальное равноправие женщины было для него основой, совершенно бесспорной для коммуниста.

Первая наша продолжительная беседа на эту тему происходила осенью 1920 года в большом кабинете Ленина в Кремле. Ленин сидел за своим покрытым бумагами и книгами письменным столом, который свидетельствовал о занятиях и работе, но без «гениального беспорядка».

— Мы безусловно должны создать мощное международное женское движение на ясной определенной теоретической основе, — начал он, поздоровавшись, нашу беседу. — Без марксистской теории не может быть хорошей практики, это ясно. Нам, коммунистам, необходима и в этом вопросе величайшая принципиальная чистота. Мы должны резко отграничиться от всех остальных партий. Правда, нашему II Международному конгрессу⁷⁹, к сожалению, не удалось обсудить женский вопрос. Он поставил вопрос, но не успел занять какую-либо определенную позицию. Дело застряло в комиссии. Она должна выработать резолюцию, тезисы, твердую линию. Но до сих пор ее работы мало подвинулись. Вы должны помочь ей в этом.

Я уже слыхала от других то, что сообщал мне теперь Ленин, и выразила свое изумление по этому поводу. Я была полна энтузиазма от всего, совершенного русскими женщинами во время революции, от всего того, что они и сейчас делают для ее защиты и дальнейшего развития. Что же касается положения и деятельности товарищей-женщин в партии большевиков, то мне казалось, что здесь партия является прямо-таки образцовой. Она одна дает международному коммунистическому женскому движению ценные, обученные и испытанные силы, служа одновременно и великим историческим примером.

— Это верно, это очень хорошо,— заметил Ленин с легкой улыбкой.— В Петрограде, здесь в Москве, в городах и в промышленных центрах, расположенных в отдаленных от них местах, пролетарки держались во время революции великолепно. Без них мы не победили бы. Или едва ли победили бы. Вот мое мнение. Какую храбрость они проявили, как храбры они и сейчас! Представьте себе страдания и лишения, которые они выносят. И они держатся, держатся потому, что хотят отстоять Советы, потому, что хотят свободы и коммунизма. Да, наши работницы великолепны, они — классовые бойцы. Они заслуживают восхищения и любви. Вообще нужно признаться, что даже «кадетские» дамы в Петрограде во время борьбы против нас проявили больше храбрости, чем юнкера.

Это правда: у нас в партии есть надежные, умные и неутомимо деятельные коммунистки. Они могли бы занять ответственные посты в Советах, в исполкомах, в наркоматах, в учреждениях. Многие из них работают днем и ночью либо в партии, либо среди пролетарской и крестьянской массы, либо в Красной Армии. Это для нас очень ценно. И это важно для женщин во всем мире, свидетельствуя о способностях женщин, о высокой ценности, которую имеет их работа для общества. Первая пролетарская диктатура по-настоящему пробивает дорогу к полному общественному равноправию женщин. Она искореняет больше предрассудков, чем кипы литературы о женском равноправии. Однако, несмотря на все это, у нас еще нет международного коммунистического женского движения, а мы должны добиться его во что бы то ни стало.

Мы должны немедленно приступить к его созданию. Без такого движения работа нашего Интернационала и его партий не полна и никогда не будет полной. А наша революционная работа должна выполняться целиком. Расскажите, как обстоит дело с коммунистической работой за границей.

Я стала рассказывать все, о чем могла иметь сведения при тогдашней слабой и нерегулярной связи между партиями, примкнувшими к Коминтерну...

Понятно, особенно подробно я говорила о положении вещей в Германии. Я рассказала ему, что Роза придавала большое значение вовлечению в революционную борьбу самых широких масс женщин. Когда была основана коммунистическая партия, Роза настаивала на издании газеты, посвященной женскому движению. Когда Лео Йогихес обсуждал со мной план работы партии, во время своего последнего свидания со мной, за полутора суток до того, как его убили, и давал мне различные задания, то в их числе был и план организационной работы среди женщин-работниц. На первой же своей нелегальной конференции партия занялась этим вопросом. Выдвинувшиеся в довоенное и военное время обученные и опытные агитаторши и руководительницы почти все без исключения остались в социал-демократических партиях обоих оттенков и удерживали под своим влиянием волнуемые массы работниц. Однако и среди женщин уже образовалось небольшое ядро энергичных, самоотверженных товарищей, которые принимали участие во всей работе и борьбе нашей партии. Партия же сама уже организовала планомерную деятельность среди работниц. Конечно, все это только начало, но все же начало хорошее.

— Недурно, совсем недурно, — сказал Ленин. — Энергия, самоотверженность и воодушевление коммунистов, их храбрость и разум в период нелегальщины или полунелегальщины открывают хорошую перспективу развития работы. В росте партии и ее мощи охват масс и организация выступлений — ценные моменты. Но как обстоит дело в этом вопросе с ясным пониманием его основ и обучением этому товарищей? Ведь это имеет решающее значение для работы в массах. Я сейчас не могу припомнить, кто это сказал: «Для того,

чтобы совершать великие дела, нужно воодушевление». Нам и трудящимся всего мира предстоит совершить еще действительно великие дела. Итак, что воодушевляет ваших товарищей, пролетарских женщин в Германии? Как обстоит дело с их пролетарским классовым сознанием? Сосредоточены ли их интересы, их активность на политических требованиях момента? На чем сконцентрированы их мысли?

Я слышал по этому поводу от русских и немецких товарищей странные вещи. Это я должен рассказать. Мне говорили, что одна талантливая коммунистка издает в Гамбурге газету для проституток и стремится организовать их для революционной борьбы. Роза, как коммунистка, действовала и чувствовала по-человечески, когда она в одной статье вступилась за проститутку, которую какое-то нарушение полицейских правил, связанных с ее печальным ремеслом, привело в тюрьму. Они достойны сожаления — эти двойные жертвы буржуазного общества. Во-первых, жертвы его проклятой системы собственности, а затем еще и проклятого нравственного лицемерия. Это ясно. Только грубый, близорукий человек может забывать об этом. Но одно дело — понимать это, и совсем другое — как бы это выразить — организовывать проституток как особый революционный боевой отряд и издавать для них профессиональный орган. Разве в Германии больше нет промышленных работниц, которых нужно организовывать, для которых должна существовать газета, которых необходимо привлечь к вашей борьбе? Здесь речь идет о болезненном уклоне. Мне это сильно напоминает литературную моду, придававшую всякой проститутке образ сладенькой мадонны. Правда, корень и там был здоровый: социальное сочувствие, возмущение против нравственного лицемерия почтенной буржуазии. Но здоровое начало подверглось буржуазному развращению и выродилось. Вообще проституция и у нас здесь поставит еще перед нами много трудных задач. Возвратить проститутку к производительному труду, найти ей место в общественном хозяйстве — вот к чему сводится дело. Но при теперешнем состоянии нашего хозяйства и совокупности наличных условий провести это трудно и сложно. Вот вам кусок женского вопроса, который после завоевания пролетариатом го-

сударственной власти стоит перед нами во всей своей широте и требует разрешения. Нам в Советской России он причинит еще много хлопот. Но вернемся к вашему частному случаю в Германии. Партия ни в коем случае не должна спокойно смотреть на такие беспорядочные поступки своих членов. Это создает путаницу и раздробляет силы. А вы сами, что вы сделали, чтобы помешать этому?

Раньше, чем я успела ответить, Ленин продолжал:

— Список ваших грехов, Клара, еще не окончен.

Мне говорили, что на вечерах чтения и дискуссий с работницами разбираются преимущественно вопросы пола и брака. Это будто бы предмет главного внимания, политического преподавания и просветительной работы. Я ушам своим не верил, когда услышал это. Первое государство пролетарской диктатуры борется с контрреволюционерами всего мира. Положение в самой Германии требует величайшей сплоченности всех пролетарских революционных сил для отпора все более напирательной контрреволюции. А активные коммунисты в это время разбирают вопросы пола и вопрос о формах брака в настоящем, прошлом и будущем! Они считают своим важнейшим долгом просвещать работницу в этой области. Говорят, что наибольшим распространением пользуется брошюра одной венской коммунистки о половом вопросе. Какая ерунда эта книжка! То, что в ней есть правильного, рабочие уже давно читали у Бебеля⁸⁰. Только не в форме скучной дубовой схемы, как в брошюре, а в форме захватывающей агитации, полной нападок на буржуазное общество. Упоминание в брошюре гипотез Фрейда придает ей как будто «научный» вид, но все это кустарная пачкотня. Теория Фрейда сейчас тоже своего рода модная причуда. Я отношусь с недоверием к теориям пола, излагаемым в статьях, отчетах, брошюрах и т. п., — короче, в той специфической литературе, которая пышно расцвела на навозной почве буржуазного общества. Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощен вопросами пола, как индийский факир — созерцанием своего пупа. Мне кажется, что это изобилие теорий пола, которые большей частью являются гипотезами, притом часто произвольными, вытекает из личных потребностей. Именно из стремления оправдать перед буржуазной

моралью собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе. Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне так же противно, как и любовное копание в вопросах пола. Как бы бунтарски и революционно это занятие ни стремилось проявить себя, оно все же в конце концов вполне буржуазно. Это особенно излюбленное занятие интеллигентов и близко к ним стоящих слоев. В партии, среди классово-сознательного, борющегося пролетариата для него нет места.

Я бросила здесь замечание о том, что вопросы пола и брака при господстве частной собственности и буржуазного порядка вызывают назревание многообразных задач, конфликтов и страданий для женщин всех общественных классов и слоев. Война и ее последствия необычайно обострили для женщин конфликты и страдания, существовавшие раньше как раз в области отношений полов. Скрытые раньше для женщин проблемы обнажились. К этому присоединяется еще атмосфера начавшейся революции. Мир старых чувств и мыслей трещит по швам. Прежние социальные связи слабеют и рвутся, намечаются зачатки новых связей и отношений между людьми. Интерес к этим вопросам объясняется потребностью в уяснении положения, потребностью в новой ориентировке. В этом сказывается также и реакция против извращений и обмана буржуазного общества. Видоизменения форм брака и семьи в ходе истории, в их зависимости от экономики — удобное средство для искоренения из ума рабочих предвзвешенности о вечности буржуазного общества. Историко-критическое отношение к нему должно переходить в беспощадный анализ буржуазного строя, в разоблачение его сущности и вызываемых им последствий, включая и заклеивание лживой половой морали. Все дороги ведут в Рим. Всякий марксистский анализ касательно важной части идеологической надстройки общества, выдающегося социального явления должен приводить к анализу буржуазного строя и его базы — частной собственности; и всякий такой анализ должен приводить к выводу, что «Карфаген должен быть разрушен».

Ленин, улыбаясь, кивал головой.

— Вот как! Вы точно адвокат защищаете своих товарищей и свою партию! Конечно, то, что вы говорите,

справедливо. Но для совершенной в Германии ошибки это в лучшем случае может служить извинением, но не оправданием. Ошибка была и остается ошибкой. Можете ли вы мне дать серьезное заверение, что во время чтения и дискуссии вопросы пола и брака рассматриваются с точки зрения выдержанного, жизненного исторического материализма? Ведь это предполагает многостороннее глубокое знание, отчетливейшее марксистское овладение огромнейшим материалом. Где у вас для этого сейчас силы? Если бы они были налицо, то не могло бы случиться, что брошюра, вроде упомянутой, использовалась бы в качестве учебного материала на вечерах чтения и дискуссий. Эту брошюру рекомендуют и распространяют, вместо того чтобы ее критиковать. К чему же приводит в конце концов это неудовлетворительное, немарксистское обсуждение вопроса? К тому, что вопросы пола и брака не воспринимаются как части главного социального вопроса. Наоборот, большой общественный вопрос начинает сам казаться частью, придатком проблемы пола. Самое главное отступает на задний план как второстепенное. Это не только вредит ясности в этом вопросе, это вообще затемняет мышление, затемняет классовое сознание рабочих.

Кроме того, еще одно не лишнее замечание. Еще мудрец Соломон говорил, что всему свое время. Скажите, пожалуйста, время ли сейчас по целым месяцам занимать рабочих тем, как любят и любимы, как ухаживают и принимают ухаживания. И конечно, — в прошлом, настоящем, будущем и у различных народов. И это затем гордо именуют историческим материализмом. Сейчас все мысли рабочих должны быть направлены на пролетарскую революцию. Она создаст основу также и для действительного обновления условий брака и отношений между полами. Но сейчас, право, на первый план выступают иные проблемы, чем формы брака у австралийских негров и внутрисемейные браки в древнем мире. В порядок дня германского пролетария история ставит по-прежнему вопрос о Советах, о Версальском мире и его влиянии на жизнь женских масс, о безработице, падающей заработной плате, налогах и многом другом. Короче, я остаюсь при своем мнении, что этот способ политического и социального

просвещения рабочих не верен, совершенно не верен. Как вы могли молчать? Вы должны были использовать против этого свой авторитет.

Я объяснила своему горячему другу, что не упускала случая критиковать, возражать руководящим товарищам-женщинам и выступать в отдельных местах. Но ведь ему известно — нет пророка в своем отечестве и среди своей родни. Своей критикой я навлекла на себя подозрение в том, что «во мне еще сильны пережитки социал-демократической позиции и старомодного мещанства». Однако, в конце концов, критика не осталась напрасной. Вопросы пола и брака больше не являются центральными в кружках и на вечерах дискуссий.

Ленин продолжал развивать нить своей мысли.

— Знаю, знаю,— сказал он,— меня тоже в связи с этим достаточно подозревают в филистерстве. Но я к этому отношусь спокойно. Желторотые птенцы, едва вылупившиеся из яйца буржуазных воззрений, всегда ужасно умны. Нам приходится с этим мириться, но «исправлять» себя мы не намерены. Юношеское движение тоже болеет современной постановкой вопросов пола и чрезмерным увлечением ими.

Ленин сделал ироническое ударение на слове «современной», в то же время как будто отмахиваясь от него.

— Как мне сообщили, вопросы пола — также излюбленный предмет изучения в ваших юношеских организациях. Говорят, что едва хватает докладчиков по этому вопросу. Это безобразие особенно вредно для юношеского движения, особенно опасно. Оно очень легко может способствовать чрезмерному возбуждению и подогреванию половой жизни у отдельных лиц и повести к расточению здоровья и силы юности. Вы должны бороться и против этого явления. У женского и юношеского движения ведь немало точек соприкосновения. Наши товарищи-коммунистки должны всюду вести планомерную, совместную с молодежью работу. Это возвышает и переносит их из мира индивидуального материнства в мир материнства социального. Необходимо содействовать всякому пробуждению социальной жизни и деятельности женщин, чтобы они могли преодолеть узость своей мещанской, индивидуалистиче-

ской домашней и семейной психологии. Но это между прочим.

У нас тоже значительная часть молодежи усердно занимается «ревизией буржуазного понимания и буржуазной морали» в вопросах пола. И, должен добавить, значительная часть нашей лучшей, действительно многообещающей молодежи. Дело обстоит так, как вы только что указывали. В атмосфере последствий войны и начавшейся революции старые идеологические ценности рушатся, теряя свою сдерживающую силу. Новые ценности выкристаллизовываются медленно, с борьбой. Взгляды на отношения человека к человеку, на отношения мужчины к женщине революционизируются, революционизируются и чувства и мысли. Между правом личности и правом коллектива, а значит и обязанностями личности, проводятся новые разграничения. Это медленный и часто очень болезненный процесс исчезновения и зарождения. Все это касается и области половых отношений, брака, семьи. Распад, гниение, грязь буржуазного брака с его трудной расторжимостью, свободой для мужа и рабством для жены, гнусная лживость половой морали и отношений наполняют лучших людей чувством глубокого отвращения.

Гнет законов буржуазного государства о браке и семье отягчает зло и обостряет конфликты. Это — гнет «священной частной собственности». Она освящает продажность, низость, грязь. Условный обман «порядочного» буржуазного общества довершает остальное. Люди восстают против господствующей мерзости и извращения. И в эту эпоху, когда рушатся могущественные государства, когда разрываются старые отношения господства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются. Подхлестывающая жажда разнообразия в наслаждениях легко приобретает безудержную силу. Формы брака и общения полов в буржуазном смысле уже не дают удовлетворения. В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции. Понятно, поставленное этим на очередь чрезвычайно запутанное сплетение вопросов глубоко занимает как женщин, так и молодежь. И те и другие особенно сильно страдают от

нынешней неурядицы в области половых отношений. Молодежь восстает против этого со свойственной ее возрасту бурностью. Это понятно. Ничего не могло бы быть более ложного, чем начать проповедовать молодежи монашеский аскетизм и святость грязной буржуазной морали. Однако вряд ли хорошо то, что в эти годы вопросы пола, усиленно выдвигаемые естественными причинами, становятся центральными в психике молодежи. Последствия бывают прямо роковыми. Спросите-ка об этом т. Лилину. У нее должен быть опыт на основе ее обширной работы в различных воспитательных учреждениях, и вы знаете, что она настоящая коммунистка и лишена предрассудков.

Изменившееся отношение молодежи к вопросам половой жизни, конечно, «принципиально» и опирается будто бы на теорию. Многие называют свою позицию «революционной» и «коммунистической». Они искренне думают, что это так. Мне, старику, это не импонирует. Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне так называемая «новая половая жизнь» молодежи — а часто и взрослых — довольно часто кажется чисто буржуазной, кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости. Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем. Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории «стакана воды» наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась. Эта теория стала злым роком многих юношей и девушек. Приверженцы ее утверждают, что теория эта марксистская. Спасибо за такой «марксизм», который все явления и изменения в идеологической надстройке общества выводит непосредственно, прямолинейно и без остатка исключительно только из экономического базиса. Дело обстоит совсем не так уж просто. Некый Фридрих Энгельс уже давно установил эту истину, касающуюся исторического материализма.

Я считаю знаменитую теорию «стакана воды» совершенно не марксистской и сверх того противообщественной. В половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой, будь оно возвышенно или низко. Энгельс в «Происхождении

семьи» указал на то, как важно, чтобы половая любовь развилась и утончилась. Отношения между полами не являются просто выражением игры между общественной экономикой и физической потребностью. Было бы не марксизмом, а рационализмом стремиться свести непосредственно к экономическому базису общества изменение этих отношений самих по себе, выделенных из общей связи их со всей идеологией. Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питье воды — дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу.

Как коммунист, я не питаю ни малейшей симпатии к теории «стакана воды», хотя бы на ней и красовалась этикетка «освобожденная любовь». Вдобавок, она и не нова, и не коммунистична. Вы, вероятно, помните, что эта теория проповедовалась в изящной литературе примерно в середине прошлого века как «эмансипация сердца». В буржуазной практике она обратилась в эмансипацию тела. Проповедь в то время была талантливее, чем сейчас; как обстоит дело с практикой — не могу судить.

Не то чтобы я своей критикой хотел проповедовать аскетизм. Мне это и в голову не приходит. Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни. Однако, по моему мнению, часто наблюдаемый сейчас избыток половой жизни не приносит с собой жизнерадостности и бодрости, а, наоборот, уменьшает их. Во времена революции это скверно, совсем скверно.

Молодежи особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт — гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода, — разносторонность духовных интересов, учение, разбор, исследование, и все это по возможности совместно! Все это дает молодежи больше, чем вечные доклады и дискуссии по вопросам пола и так называемого «использования жизни». В здоровом теле здоровый дух! Не монах, не Дон-Жуан, но и не германский филистер, как

печто среднее. Вы ведь знаете молодого товарища XYZ. Прекрасный, высокоодаренный юноша! Боюсь, что, несмотря на все, из него ничего путного не выйдет. Он мечется и бросается из одной любовной истории в другую. Это не годится ни для политической борьбы, ни для революции. Я не поручусь также за надежность и стойкость в борьбе тех женщин, у которых личный роман переплетается с политикой, и за мужчин, которые бегают за всякой юбкой и дают себя опутать каждой молодой бабенке. Нет, нет, это не вяжется с революцией.

Ленин вскочил, ударив рукой по столу, и сделал несколько шагов по комнате.

— Революция требует от масс, от личности сосредоточения, напряжения сил. Она не терпит оргиастических состояний, вроде тех, которые обычны для декадентских героев и героинь Д'Аннунцио. Несдержанность в половой жизни — буржуазна: она признак разложения. Пролетариат — восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянения половой несдержанности, ни опьянения алкоголем. Он не смеет и не хочет забыть о гнусности, грязи и варварстве капитализма. Он черпает сильнейшие побуждения к борьбе в положении своего класса, в коммунистическом идеале. Ему нужны ясность, ясность и еще раз — ясность. Поэтому, повторяю, не должно быть никакой слабости, никакого расточения и уничтожения сил. Самообладание, самодисциплина — не рабство; они необходимы и в любви. Но простите, Клара. Я далеко отклонился от исходной точки нашего разговора. Отчего вы меня не призвали к порядку? Тревога меня заставила заговориться. Будущее нашей молодежи меня глубоко волнует. Она — часть революции. И если вредные явления буржуазного общества начинают распространяться и на мир революции, как широко разветвляющиеся корни некоторых сорных растений, то лучше выступить против этого заблаговременно. Затронутые вопросы к тому же тоже составляют часть женской проблемы.

...У нас впереди еще самая трудная часть нашей задачи — восстановление. В процессе его станут значительными и вопросы отношения полов, вопросы

брака и семьи. А пока вы должны бороться, когда и где понадобится. Вы не должны допускать, чтобы эти вопросы трактовались не по-марксистски и создавали почву для дезорганизующих уклонов и извращений. Вот наконец я подошел к вашей работе.

Ленин взглянул на часы.

— Время, которым я располагаю, — сказал он, — уже наполовину истекло. Я заболтался. Вы должны написать руководящие тезисы о коммунистической работе среди женщин. Я знаю ваш принципиальный подход и практический опыт. Поэтому наш разговор об этой работе будет коротким. Итак, принимайтесь за дело. Как вы себе представляете эти тезисы?

Я сжато поделилась с ним своими мыслями. Ленин несколько раз одобрительно кивал, не прерывая меня. Окончив, я посмотрела на него вопросительно.

— Правильно, — сказал он, — поговорите еще об этой работе с Зиновьевым. Было бы также хорошо, если б вы сделали об этом доклад на собрании ответственных партийных работников и продискутировали вопрос. Жаль, очень жаль, что т. Инессы здесь нет. Она больна и уехала на Кавказ. После обсуждения напишите тезисы. Комиссия их рассмотрит, а Исполком решит окончательно. Я выскажусь только по нескольким главным пунктам, по которым вполне разделяю вашу позицию. Они кажутся мне важными также и для нашей текущей агитационной и пропагандистской работы, поскольку мы хотим подготовить успешные выступления и победоносные бои.

— Тезисы должны резко подчеркивать, что истинное освобождение женщин возможно только через коммунизм. Нужно основательно разобрать вопрос о неразрывной связи между положением женщины как человека и члена общества и частной собственностью на орудия производства. Этим мы надежно отгородимся от буржуазного движения за «эмансипацию женщин». Это также кладет основание к рассмотрению женского вопроса как части социального, рабочего вопроса и таким образом позволяет прочно связать его с пролетарской классовой борьбой и революцией. Женское коммунистическое движение само должно быть массовым, должно быть частью всеобщего массового движения, не только движения пролетариев, но всех эксплуатируемых

и угнетенных, всех жертв капитализма или иных отношений господства. В этом заключается значение женского движения для классовой борьбы пролетариата и его исторической творческой задачи: создания коммунистического общества. Мы можем по праву гордиться тем, что цвет женщин-революционеров находится в нашей партии, в Коминтерне. Но это еще не имеет решающего значения. Мы должны привлечь миллионы трудящихся женщин в городе и деревне к участию в нашей борьбе, и особенно к делу коммунистического переустройства общества. Без женщин не может быть настоящего массового движения.

Из нашего идеологического понимания вытекают и организационные меры. Никаких отдельных организаций коммунисток! Коммунистка — такой же член партии, как и коммунист, с теми же обязанностями и правами. В этом не может быть никаких расхождений. Однако мы не должны закрывать глаза на факты. Партия должна иметь органы — рабочие группы, комиссии, комитеты, отделы или как там они будут называться, — специальная задача которых — будить широкие массы женщин, связывать их с партией и удерживать под ее влиянием. Для этого, конечно, необходимо, чтобы мы вели в полной мере систематическую работу среди этих женских масс. Мы должны обучать выведенных из пассивности женщин, вербовать и вооружать их для пролетарской классовой борьбы под руководством Коммунистической партии. Я имею при этом в виду не только пролетарок, работающих на фабрике или стоящих у домашней плиты. Я помню при этом и о крестьянках, о женщинах различных слоев мелкой буржуазии. Они все тоже жертвы капитализма, и со времени войны они ими стали больше, чем когда-либо. Аполитичная, необщественная, отсталая психика этих женских масс, замкнутость их круга деятельности, весь склад их жизни — вот факты. Было бы бессмысленно не обращать на это внимания, совершенно бессмысленно. Нам нужны свои органы для работы среди них, нужны особые методы агитации и организационные формы. Это не буржуазная защита «прав женщины», это практическая революционная целесообразность.

Я сказала Ленину, что его рассуждения для меня ценная поддержка. Многие товарищи, очень хорошие

товарищи, решительнейшим образом боролись против того, чтобы партия создавала особые органы для планомерной работы среди широких женских масс. Они объявляли это возвратом к социал-демократическим традициям, к пресловутой «эмансипации женщины». Они доказывали, что коммунистические партии, раз они принципиально и полностью признают равноправие женщин, должны вести работу среди трудящихся масс без каких-либо разделений. Подход к женщинам должен быть тот же, что и к мужчинам. Всякая попытка принять во внимание в отношении агитации или организации обстоятельства, отмеченные Лениным, клеймится защитниками противоположных воззрений как оппортунизм, как предательство и отказ от принципа.

— Это не ново и совсем не доказательно, — возразил Ленин. — Не давайте ввести себя в заблуждение. Почему у нас нигде, даже в Советской России, нет в партии такого же количества женщин, как мужчин? Почему число профессионально организованных работниц так мало? Эти факты заставляют задуматься. Отрицание необходимости особых органов для нашей работы среди широких женских масс — одно из проявлений весьма принципиальной и высоко радикальной позиции наших «дорогих друзей» из Коммунистической рабочей партии. По-ихнему должна существовать только одна форма организации: рабочий союз. Я это знаю. Ссылка на принцип всплывает во многих революционно настроенных, но путаных головах, «коль скоро недочет в понятиях случится», т. е. когда разум отказывается воспринимать трезвые факты, на которые должно быть обращено внимание. Как справляются такие хранители «чистоты принципа» с исторически навязанными нам необходимостями в нашей революционной политике? Все эти рассуждения рассыпаются в прах перед неумолимой необходимостью: мы не можем осуществлять пролетарскую диктатуру без миллионов женщин, мы не можем без них вести коммунистическое строительство. Мы должны искать к ним дорогу, должны многое изучить, многое перепробовать, чтобы найти ее.

Поэтому вполне правильно, что мы выдвигаем требования в пользу женщин. Это не программа-минимум, не программа реформ в социал-демократическом духе, в духе II Интернационала. Это не признание того, что

мы верим в вечность или хотя бы в продолжительное существование буржуазии и ее государства. Это также и не попытка успокоить женские массы реформами и отвлечь их от пути революционной борьбы. Ничего общего с реформистским жульничеством. Наши требования только практически вытекают из факта жгучей нужды и постыдных унижений, которые переносит слабая и бесправная при буржуазном строе женщина. Мы свидетельствуем этим, что знаем эти нужды, чувствуем и угнетение женщины, чувствуем привилегированное положение мужчин и ненавидим — да, ненавидим и хотим устранить все то, что гнетет и мучит работницу, жену рабочего, крестьянку, жену маленького человека и даже, во многих отношениях, и женщину из состоятельного класса. Права и общественные мероприятия, которых мы требуем от буржуазного общества для женщин, служат доказательством того, что мы понимаем положение и интересы женщин и при пролетарской диктатуре примем их во внимание. Конечно, не путем усыпляющих мер опеки. Нет, конечно, нет, но как революционеры, которые призывают женщин, как равноправных, самих работать над перестройкой хозяйства и идеологической надстройки.

Я заверила Ленина, что разделяю его точку зрения, но она, несомненно, натолкнется на сопротивление. Неуверенные и робкие умы будут отвергать ее как «опасный оппортунизм». Нельзя также отрицать, что и наши теперешние требования для женщин могут быть неправильно поняты и истолкованы.

— Ну, что там! — воскликнул Ленин несколько раздраженно. — Эта опасность угрожает всему, что мы говорим и делаем. Если мы из страха перед ней будем воздерживаться от целесообразных и необходимых поступков, то можем просто превратиться в индийских столпников. Не шевелиться, только бы не шевелиться, а не то можем кувырнуться вниз с высоты столпа наших принципов! В нашем случае речь идет не только о том, что мы требуем, но и о том, как мы это делаем. Кажется, я это достаточно ясно подчеркнул. Понятно, что мы не должны в нашей пропаганде молитвенно перебирать четки наших требований для женщин. Нет, в зависимости от наличных условий мы должны бороться то за одни, то за другие требования, бороться, —

конечно, всегда в связи с общими интересами пролетариата.

Конечно, каждая схватка приводит нас в противоречие с почтенной буржуазной кликой, с ее не менее почтенными реформистскими лакеями. Это заставляет последних или бороться заодно с нами, под нашим руководством — чего они не хотят, — или же сбросить с себя личину. Таким образом, борьба резко выделяет нас, выявляет наше коммунистическое лицо. Она вызывает к нам доверие широких женских масс, которые чувствуют себя эксплуатируемыми, поработанными, задавленными господством мужчин, властью предпринимателя и всем буржуазным обществом в целом. Всеми преданные, покинутые трудящиеся женщины начинают понимать, что они должны бороться вместе с нами. Должны ли мы еще особо заверять друг друга, что борьба за права женщин должна быть связана с основной целью: с завоеванием власти и установлением диктатуры пролетариата? Это в настоящее время есть и остается нашей альфой и омегой. Это ясно, совершенно ясно. Но широчайшие трудящиеся народные женские массы не будут чувствовать неудержимого стремления разделить с нами борьбу за государственную власть, если мы будем всегда трубить только об одном этом требовании, хотя бы даже трубить в иерихонские трубы. Нет, нет! Мы должны политически связать наш призыв также и в сознании женских масс со страданиями, нуждами и желаниями трудящихся женщин. Они должны знать, что для них пролетарская диктатура значит: полное уравнивание в правах с мужчиной как по закону, так и на практике, в семье, государстве и обществе, а также и сокрушение власти буржуазии.

«Советская Россия доказывает это, — воскликнула я, — она послужит нам великим примером!»

Ленин продолжал:

— Советская Россия выдвигает наши требования для женщин в новом освещении. При диктатуре пролетариата они уже не предмет борьбы между пролетариатом и буржуазией, а служат кирпичами для строительства коммунистического общества. Это показывает женщинам по ту сторону границы решающее значение завоевания власти пролетариатом. Различие между их положением здесь и там должно быть четко прорабо-

тано, чтобы вы имели женские массы за собой в революционной классовой борьбе пролетариата. Их мобилизация, проведенная с ясным пониманием принципов на твердой организационной основе, — вопрос жизни и победы коммунистической партии. Не будем, однако, обманывать себя. У наших национальных секций все еще нет правильного понимания этого вопроса. Они держатся пассивно, выжидательно перед лицом задачи создания под коммунистическим руководством массового движения трудящихся женщин. Они не понимают, что развертывание такого массового движения и руководство им составляет важнейшую часть всей партийной деятельности, даже половину общепартийной работы. Их признание, при случае, необходимости и ценности мощного, имеющего перед собой ясную цель коммунистического женского движения — платоническое признание на словах, а не постоянная партийная забота и долг.

Агитационную и пропагандистскую деятельность среди женских масс, их пробуждение и революционизирование они рассматривают как нечто второстепенное, как дело, касающееся только коммунисток. Коммунисток упрекают в том, что дело не движается вперед более быстро и энергично. Это неправильно, в корне неправильно! Настоящий сепаратизм и равноправие женщин *à la gebours*, как говорят французы, т. е. равноправие женщин навыворот. Что лежит в основе неправильной позиции наших национальных секций? (Я говорю не о Советской России.) В конечном итоге — не что иное, как недооценка женщины и ее работы. Именно так. К сожалению, еще по адресу многих наших товарищей можно сказать: «Поскребите коммуниста — и вы найдете филистера». Конечно, скрести нужно чувствительное место — его психику в отношении женщины. Существует ли более наглядное доказательство этому, чем то, что мужчины спокойно смотрят, как женщины изнашиваются на мелкой работе, однообразной, изнуряющей и поглощающей время и силы, работе в домашнем хозяйстве; на то, как их кругозор при этом сужается, ум тускнеет, биение сердца становится вялым, воля слабой? Я говорю, конечно, не о буржуазных дамах, которые сваливают все домашние работы, включая уход за детьми, на наемных людей. То, что я го-

ворю, относится к огромному большинству женщин, в том числе и к женам рабочих, даже если эти жены целый день проводят на фабрике и зарабатывают сами.

Очень немногие мужья, даже из пролетариев, думают о том, как сильно они могут облегчить тяготы и заботы жены или даже совсем снять их с нее, если бы захотели помочь в «женской работе». Но нет, ведь это же противно «праву и достоинству мужа». Он требует, чтобы у него был отдых и комфорт. Домашняя жизнь женщины — это ежедневное принесение себя в жертву в тысячах ничтожных мелочей. Старое право господства мужа продолжает жить в скрытом виде. Его рабыня объективно мстит ему за это — тоже в скрытом виде: отсталость женщины, отсутствие у нее понимания революционных идеалов мужа ослабляет его бодрость и решимость в борьбе. Это есть те крохотные черви, которые незаметно, медленно, но верно подтачивают и грызут. Я знаю жизнь рабочих, — и не только по книгам. Наша коммунистическая работа среди женских масс, наша политическая работа включает в себя значительный кусок воспитательной работы среди мужчин. Мы должны вытравить старую рабовладельческую точку зрения до последних мельчайших корней ее. И в партии, и в массах. Это относится к нашим политическим задачам так же, как и настоятельно необходимое образование штаба из товарищей — мужчин и женщин, — получивших основательную теоретическую и практическую подготовку, чтобы проводить и двигать партийную работу среди трудящихся женщин.

На мой вопрос о современных условиях в Советской России Ленин ответил:

— Правительство пролетарской диктатуры, конечно в союзе с Коммунистической партией и профсоюзами, прилагает все усилия к тому, чтобы преодолеть отсталые воззрения мужчин и женщин и вырвать таким образом почву из-под старой, некоммунистической психологии. Нужно ли говорить, что проведено полное равноправие мужчины и женщины в законодательстве! Во всех областях заметно искреннее стремление провести это равноправие в жизнь. Мы втягиваем женщин в работу советского хозяйства, управлений, в законодательство и в правительственную работу. Мы открываем им двери всех курсов и учебных заведений, чтобы

повысить их профессиональную и социальную подготовку. Мы основываем общественные кухни и столовые, прачечные и починочные мастерские, ясли, детские сады, детские приюты, воспитательные учреждения всякого рода. Короче, мы всерьез проводим требование нашей программы переложить хозяйственные и воспитательные функции индивидуального домашнего хозяйства на общество. Этим путем женщина освобождается от старого домашнего рабства и всякой зависимости от мужа. Ей предоставляется полная возможность деятельности в обществе в соответствии с ее способностями и наклонностями. Детям же предоставляются более благоприятные условия для их развития, чем те, что ждали бы их дома. У нас самое передовое в свете законодательство по охране женского труда. Уполномоченные организованных рабочих проводят его в жизнь. Мы устраиваем родильные приюты, дома для матерей и младенцев, организуем консультации для матерей, курсы по уходу за грудными и малолетними детьми, выставки по охране материнства и младенчества и тому подобное. Мы прилагаем самые серьезные усилия, чтобы удовлетворить нужды необеспеченных, безработных женщин.

Мы отлично знаем, что всего этого еще мало по сравнению с потребностями трудящихся женских масс, что это еще совершенно недостаточно для действительного освобождения их. И все же это гигантский шаг вперед по сравнению с тем, что было в царской капиталистической России. Это даже много по сравнению с тем, что делается там, где капитализм еще неограниченно господствует. Это хорошее начало. Направление взято верное, и мы будем последовательно, со всей нашей энергией развивать его дальше. Вы, за границей, можете быть в этом уверены. С каждым днем существования Советского государства становится все яснее, что мы без миллионов женщин не продвинемся вперед. Представьте себе, что это значит в стране, где добрых 80% населения — крестьяне. Мелкое крестьянское хозяйство означает индивидуальное домашнее хозяйство и прикрепление к нему женщины. Вам в этом отношении будет куда лучше и легче, чем нам, конечно при условии, что ваши пролетарские массы осознают свою объективную историческую зрелость для захвата

власти, для революции. Не будем отчаиваться. Наши силы растут вместе с трудностями. Практическая необходимость натолкнет нас на новые пути и в отношении раскрепощения женских масс. В соединении с Советским государством товарищеская солидарность совершит великие дела. Конечно, товарищеская солидарность в коммунистическом, а не в буржуазном смысле, в котором ее проповедуют реформисты, революционный энтузиазм которых выдохся, как дешевый уксус. Рука об руку с товарищеской солидарностью должна идти и личная инициатива, которая переходит в коллективную деятельность и сливается с ней. При пролетарской диктатуре освобождение женщин путем осуществления коммунизма будет иметь место и в деревне. В этом отношении я жду самого лучшего от электрификации нашей промышленности и сельского хозяйства. Это грандиозное дело! Трудности его проведения велики, чудовищно велики. Для их преодоления необходимо развязать и воспитать могущественные силы масс. Миллионы женщин должны участвовать в этом...

* * *

Следующая моя беседа с Лениным о женском движении состоялась приблизительно недели две спустя. Ленин пришел ко мне. Как и всегда почти, посещение его было неожиданным, импровизированным и произошло во время перерыва в гигантской работе, которую вел вождь победоносной революции. Ленин выглядел очень усталым и озабоченным. Врангель еще не был решительно разбит, а вопрос о снабжении больших городов продовольствием стоял перед Советским правительством, как неумолимый сфинкс.

Ленин спросил, как обстоит дело с тезисами. Я сообщила ему, что было заседание большой комиссии, в котором приняли участие и высказались все находящиеся сейчас в Москве видные коммунистки. Тезисы готовы и должны теперь подвергнуться обсуждению в малой комиссии. Ленин сказал, что следует стремиться к тому, чтобы III Всемирный конгресс рассмотрел вопрос с должной основательностью⁸¹. Один этот факт победит предрассудки многих товарищей. Вообще же в первую очередь за это должны взяться коммунистки, и притом взяться основательно.

— Не щебетать, как добрые тетушки, а говорить громко, как борцы, говорить ясно,— воскликнул Ленин оживленно.— Конгресс — это не салон, в котором дамы должны блистать очарованием, как это говорится в романах. Конгресс — арена борьбы, на которой мы сражаемся за знания, нужные для революционного действия. Докажите, что вы можете бороться. Конечно, в первую голову против врагов, но также и внутри партии, когда понадобится. Речь идет ведь о широких массах женщин. Наша русская партия будет выступать за все предложения и меры, которые помогут завоевать эти массы. Если женщины не будут с нами, то контрреволюционерам может удастся повести их против нас. Мы должны всегда об этом помнить.

«Женские массы должны стать нашими, хотя бы они были прикованы цепями к небу,— подхватила я мысль Ленина.— Здесь, в центре революции с его кипящей жизнью, частым и сильным биением пульса, у меня зародился план большого международного выступления трудящихся женских масс. Особенный толчок к этому дали мне ваши большие беспартийные женские конференции и съезды. Мы должны были бы попытаться превратить их из национальных в международные. Несомненным фактом является то, что мировая война и вызванные ею последствия глубоко потрясли широчайшие женские массы различных социальных классов и слоев. В них началось брожение, они пришли в движение. Горькие заботы об обеспечении своего существования и наполнения его содержанием ставят перед ними вопросы, о которых большинство из них едва подозревало, и только меньшинство хорошо осознало их. Буржуазное общество не в состоянии дать на них удовлетворительный ответ. Его может дать только коммунизм. Мы должны заставить широчайшие женские массы капиталистических стран осознать это и для этого созвать беспартийный международный женский конгресс».

Ленин ответил не сразу. Со взглядом, как бы обращенным внутрь, крепко сжав губы и несколько выпятив нижнюю, он размышлял.

— Да,— сказал он затем,— мы должны это сделать. План хорош. Но хороший, даже превосходнейший план ничего не стоит, если он не будет хорошо выполнен.

Подумали ли вы уже о его выполнении? Как вы его себе представляете?

Я подробно изложила Ленину свои соображения по этому поводу...

Ленин во время моего изложения несколько раз, как бы соглашаясь, кивал головой и вставлял короткие одобрительные замечания.

— Мне кажется, Клара, — сказал он, — что вы очень хорошо продумали это дело с политической стороны и в главных чертах также и с организационной. Я совершенно согласен с тем, что при данной обстановке такой конгресс мог бы проделать важную работу. В нем заложена возможность завоевания нами широчайших женских масс, в особенности масс женщин, занимающихся профессиональным трудом всякого рода, — промышленных работниц, домашних работниц, а также учительниц и других служащих. Это было бы хорошо, очень хорошо! Подумайте об обстановке. В момент крупных экономических схваток или же политических забастовок — какой прирост сил несет революционному пролетариату сознательное возмущение женских масс! При условии, конечно, что мы их сумеем завоевать и удержать. Выгоды были бы велики, даже прямо огромны. Но как вы думаете насчет некоторых вопросов? Вероятно, государственные власти весьма неблагоприятно отнесутся к делу созыва конгресса и попытаются ему помешать. Однако они вряд ли осмелятся грубо задуть его. Во всяком случае это вас не испугает. Но не боитесь ли вы, что вы, коммунистки, и в комитетах, и на самом конгрессе будете задавлены численным перевесом представительниц буржуазии и реформизма и их несомненно большей ловкостью? И затем прежде всего действительно ли вы уверены в марксистской выучке наших товарищей-коммунисток, в том, что из них можно набрать ударную группу, которая с честью выдержит бой?

Я ответила на это Ленину, что власти вряд ли будут угрожать конгрессу бронированным кулаком. Насмешки и грубые нападки против конгресса послужат только агитацией в его пользу. Численности и ловкости некоммунистических элементов мы, коммунисты, можем противопоставить научное превосходство исторического материализма в охвате и освещении социальных проблем

и последовательность наших требований для их разрешения. Наконец — и это не самое последнее, — мы можем противопоставить победу пролетарской революции в России и ее работу в деле раскрепощения женщины. Слабая, недостаточная выучка отдельных товарищей могла бы быть уравновешена планомерной подготовкой и совместной работой. В этом отношении я жду самого лучшего от русских коммунисток. Они должны составить железное ядро нашей фаланги. С ними я спокойно решилась бы на нечто гораздо большее, чем бои на конгрессе. Кроме того, если мы даже потерпим поражение при голосовании, то самый факт нашей борьбы выдвинет коммунизм на первый план и будет иметь выдающееся пропагандистское значение, одновременно создавая для нас новые точки опоры для дальнейшей работы. Ленин расхохотался.

— У вас все такой же энтузиазм по отношению к русским революционеркам. Да, да, старая любовь не забывается. Я думаю, что вы правы. Даже поражение после упорной борьбы было бы выигрышем, было бы подготовкой будущих завоеваний среди трудящихся женских масс. В общем, речь идет о предприятии, ради которого стоит рискнуть. Мы не можем никак проиграть полностью. Но, конечно, я надеюсь на победу, желаю победы от всего сердца. Она принесла бы нам значительное укрепление мощи, расширение и укрепление нашего фронта борьбы, она внесла бы в наши ряды оживление, движение и активность. Это всегда полезно. К тому же конгресс вызвал бы в лагере буржуазии и ее реформистских друзей рост беспокойства, неуверенности, противоречий и конфликтов. Можно себе представить, кто будет заседать вместе с «гиенами революции», и, если дело пойдет хорошо, под их руководством: тут будут и честные, прирученные социал-демократки под верховным руководством Шейдемана, Дитмана и Легина, и благочестивые христианки, благословляемые папой или следующие учению Лютера, и настоящие дочери тайных советников и новоиспеченные статские советницы, английские бонтонные, как леди, пацифистки и пламенные французские суффражистки. Какую картину хаоса, распада буржуазного мира должен отразить конгресс! Какую картину его безысходной безнадежности! Конгресс усилил бы распад и этим ослабил бы силы

контрреволюции. Всякое ослабление сил врага равнозначно усилению нашей мощи. Я за конгресс. Поговорите о нем с Григорием. Он вполне поймет важность этого дела. Мы его энергично поддержим. Итак, начинайте. Желаю вам успеха в борьбе.

...Я с радостью и надеждой принялась за подготовительную работу. Однако идея конгресса разбилась о позицию, занятую германскими и болгарскими коммунистками, которые в то время руководили самым значительным, если не считать Советской России, коммунистическим женским движением. Они отклонили созыв конгресса.

Когда я сообщила об этом Ленину, он ответил мне: — Жаль, очень жаль! Эти товарищи оставили неиспользованной блестящую возможность открыть широчайшим женским массам новые, лучшие перспективы и этим привлечь их к революционной борьбе пролетариата. Кто знает, повторится ли так скоро такой благоприятный случай. Железо надо ковать, пока горячо. Но сама задача осталась. Вы должны продолжать искать путь к женским массам, которые капитализм поверг в ужасающую нужду. Вы должны искать его во что бы то ни стало. От этой необходимости нельзя уклониться. Без организованной деятельности масс под руководством коммунистов нет победы над капитализмом, нет строительства коммунизма. Потому должен, наконец, прийти в движение и Ахерон женских масс...

*Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, 1970,
стр. 37—59*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Закон 1802 г. ограничивал рабочее время детей-учеников 12 часами и запрещал использовать их на ночной работе. Этот закон распространялся только на хлопчатобумажную и шерстяную промышленность; он не предусматривал контроля со стороны фабричной инспекции и фактически не соблюдался фабрикантами. — 19.

² Закон, запрещавший использовать для работ под землей женщин, а также детей моложе 10 лет, был принят парламентом 10 августа 1842 года. — 31.

³ Тайный совет — специальный орган при короле Англии в составе министров и других должностных лиц, а также высших представителей духовенства. — 38.

⁴ Синие книги (Blue Books) — общее название публикаций материалов английского парламента и дипломатических документов министерства иностранных дел. Синие книги, получившие свое название из-за синей обложки, издаются в Англии с XVII в. и служат основным официальным источником для изучения экономической и дипломатической истории этой страны.

В данном случае речь идет о 5 отчетах «Children's Employment Commission (1862)» («Комиссии по обследованию условий детского труда (1862)»). — 54.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 284—286. — 62.

⁶ Эта мысль была развита уже в первой книге Фурье «Теория четырех движений», где, в частности, содержится следующее общее положение: «Социальный прогресс и изменения периода происходят в соответствии с прогрессом женщин к свободе, а упадок социального порядка происходит в соответствии с уменьшением свободы женщин». Фурье резюмировал это положение в формуле: «Расширение прав женщин есть основной принцип всякого социального прогресса» (Ch. Fourier. Oeuvres complètes, t. I. Paris, 1841, p. 195—196). — 63.

⁷ Речь идет о приеме в члены Международного Товарищества Рабочих Гертруды Кугельман и г-жи Тенге. Кугельман, Гертруда — жена Людвиг Кугельмана. Тенге — близкая знакомая семьи Кугельманов в Ганновере, интересовалась учением Маркса и I Интернационалом. — 63.

⁸ Ло, Харриет (1832—1897) — видная деятельница атеистического движения в Англии, член Генерального Совета (1867—1872) и манчестерской секции Интернационала (1872). — 63.

⁹ Речь идет о третьем конгрессе Интернационала, состоявшемся в Брюсселе 6—13 сентября 1868 года. — 63.

¹⁰ *Национальный рабочий союз* был создан в США в августе 1866 г. на съезде в Балтиморе; активное участие в создании Союза принял видный деятель американского рабочего движения Силвис. Союз вскоре установил связь с Международным Товариществом Рабочих. — 64.

¹¹ *Стачка лондонских докеров*, происходившая с 12 августа по 14 сентября 1889 г., явилась одним из крупнейших событий английского рабочего движения конца XIX века. В ней участвовало 30 тысяч докеров и свыше 30 тысяч рабочих других профессий; большинство из них составляли неквалифицированные рабочие, не входившие ни в один из тред-юнионов. В результате своей стойкости и организованности стачечники добились удовлетворения своих требований о повышении заработной платы и улучшении условий труда. — 66.

¹² *Стачка работниц спичечных фабрик в Лондоне*, происходившая в июле 1888 г., окончилась успешно; работницы добились некоторого повышения заработной платы. — 66.

¹³ *Союз рабочих газовых предприятий и чернорабочих* — первый в истории рабочего движения Англии тред-юнион неквалифицированных рабочих, возникший в конце марта — начале апреля 1889 г. в условиях роста стачечного движения. Большую роль в организации Союза и руководстве им играли Э. Маркс-Эвелинг и Э. Эвелинг. Союз выдвинул требование законодательного установления восьмичасового рабочего дня. За короткий срок Союз приобрел большое влияние среди широких слоев рабочих; в течение года в него вступило до 100 тысяч рабочих газовых предприятий. Он принял активное участие в организации стачки лондонских докеров 1889 года. — 67.

¹⁴ *Стачка в Силвертауне* (район в Ист-Энде) — происходившая в сентябре — декабре 1889 г. забастовка рабочих, занятых в производстве подводных кабелей и резиновых изделий. Бастующие, число которых составляло около трех тысяч человек, требовали повышения почасовой и сдельной заработной платы, более высокой оплаты работы в сверхурочное и праздничное время, увеличения заработной платы женщинам и детям. Активное участие в организации стачки принимала Элеонора Маркс-Эвелинг; в ходе стачки ею был основан союз молодых работниц. Стачка, продолжавшаяся почти три месяца, была проиграна рабочими Силвертауна вследствие того, что их не поддерживали другие тред-юнионы. — 67.

¹⁵ *Стачка рабочих Газовой компании южной части Лондона* происходила в декабре 1889 — феврале 1890 года. Причиной стачки явилось несоблюдение владельцами компании ранее принятого соглашения о введении восьмичасового рабочего дня, повышении заработной платы, о приеме на работу лишь членов Союза рабочих газовых предприятий и т. д. Стачка была проиграна рабочими вследствие недостаточно активной помощи со стороны других тред-юнионов, в частности союза докеров, а также в связи с начавшимся в 1890 г. спадом стачечного движения. Восьмичасовой рабочий день на предприятиях компании был отменен. — 67.

¹⁶ *Лондонский совет тред-юнионов* был создан на конференции делегатов различных тред-юнионов Лондона в мае 1860 года. — 68.

¹⁷ *Бар, Герман* (1863—1934) — австрийский буржуазный публицист, критик, романист и драматург. П. Эрнст просил Энгельса в письме от 31 мая 1890 г. помочь ему в полемике против Г. Бара, выступившего в журнале «Freie Bühne für modernes Leben» («Свободная сцена современной жизни»), № 17, 28 мая 1890 г., со статьей «К женскому вопросу. Эпигоны марксизма», направленной против статьи Эрнста «Женский вопрос и социальный вопрос» (опубликована в «Freie Bühne» № 15, 14 мая 1890 г.). — 68.

¹⁸ Имеется в виду венская «Arbeiterinnen-Zeitung». Выражение «гнепы», употребленное Энгельсом в отношении указанной газеты, заимствовано из стихотворения Шиллера «Песнь о колоколе», где женщины, участницы революции, сравниваются с гнемпами.

В первом номере «Arbeiterinnen-Zeitung», начавшей выходить с 1 января 1892 г., были опубликованы статьи: Л. Лафарг. «Ein Gruß aus Frankreich» («Приветствие из Франции») и Л. Каутской. «Aus England» («Из Англии»); 5 февраля 1892 г. была напечатана статья Э. Маркс-Эвелинг «Wie sollen wir organisiren?» («Как нам следует организовываться?»).

Каутская, Луиза (1860 — ум. после 1937 г.) — австрийская социалистка, член редакции «Arbeiterinnen-Zeitung», с 1890 г. секретарь Энгельса; первая жена Карла Каутского. — 70.

¹⁹ *Съезд Социал-демократической партии Германии в Эрфурте* проходил с 14 по 21 октября 1891 года. На нем присутствовало 258 делегатов.

Важнейшим решением съезда было принятие новой программы германской социал-демократии. С докладом о программе на съезде выступал В. Либкнехт. — 71.

²⁰ Возвращаясь вместе с Бебелем из Швейцарии (после Цюрихского конгресса), Энгельс остановился на несколько дней в Вене. В связи с этим 11 сентября 1893 г. австрийские социал-демократы организовали в честь Энгельса и Бебеля торжественный вечер. 14 сентября было проведено собрание, посвященное итогам Цюрихского конгресса, на котором Энгельс выступил с речью (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 427—428). — 73.

²¹ 9 января 1895 г. в «Vorwärts» было опубликовано обращение буржуазного феминистского Союза женских обществ к женщинам «всех партий и всех классов», призывающее подписаться под петицией рейхстагу и ландтагам с просьбой предоставить женщинам права союзов и собраний. 24 января 1895 г. Клара Цеткин выступила в «Vorwärts» с резкой критикой этой петиции и призывала женщин-пролетарок не ставить своих подписей под ней. — 74.

²² *Международный социалистический конгресс в Штутгарте* — VII конгресс II Интернационала — проходил с 18 по 24 августа 1907 года. Конгресс рассмотрел вопросы: 1) Милитаризм и международные конфликты; 2) Взаимоотношения между политическими партиями и профессиональными союзами; 3) Колониальный вопрос; 4) Иммиграция и эмиграция рабочих и 5) Избирательные права женщин. — 75.

²³ *Фабианское общество* — английская реформистская организация, основанная в 1884 году; свое название общество получило по имени римского полководца III века до н. э. Фабия Максима, прозванного «Кунктатором» («Медлителем») за его выжидательную тактику, уклонение от решительных боев в войне с Ганнибалом. — 75.

²⁴ *Речь идет о XII Пироговском съезде врачей*, состоявшемся в Петербурге с 29 мая (11 июня) по 5 (18) июня 1913 года. На съезде присутствовало около 1500 человек. — 77.

²⁵ *Неомальтузианство* — разновидность реакционной, члoвеконенавистнической теории английского буржуазного экономиста — священника Р. Мальтуса (1766—1834). Мальтус утверждал, что не капитализм и эксплуатация являются причинами обнищания трудящихся, а превышение роста народонаселения над ростом производства средств существования и что устранение всех социальных бедствий якобы возможно путем искусственного сокращения роста народонаселения, т. е. поздержания от браков и деторождения. — 77.

²⁶ *«Лейпцигская Народная Газета»* («Leipziger Volkszeitung») — немецкая социал-демократическая ежедневная газета. Выходила с 1894 по 1933 год. — 80.

²⁷ *Международная женская социалистическая конференция* происходила в Берне 26—28 марта 1915 года. Она была созвана по инициативе заграничной организации журнала «Работница» при ближайшем участии Клары Цеткин, бывшей в то время председателем Международного бюро женщин-социалисток. Всю подготовительную работу по созыву конференции вели И. Ф. Арманд, Н. К. Крупская и др. под руководством В. И. Ленина. «Со всей страстностью отдался Ильич собиранию сил для борьбы на международном фронте, — писала позднее Н. К. Крупская. — «Не беда, что нас единицы, — сказал он как-то, — с нами будут миллионы». Он составлял и нашу резолюцию для Бернской женской конференции, следил за всей ее работой» (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. 1957, стр. 244). Делегаткам, отправлявшимся на конференцию в Швейцарию, чинились

всяческие препятствия со стороны властей, которые не хотели выдавать им паспорта с визой на выезд, а также со стороны оппортунистических руководителей социалистических партий, угрожавших исключить делегатов из партии. На конференции присутствовало 29 делегатов от женских организаций Англии, Германии, Голландии, Франции, Польши, России, Швейцарии. В русскую делегацию входило 7 человек: 4 от ЦК РСДРП (Арманд, Крупская и др.) и 3 от ОК.

Большинство делегатов конференции находилось под влиянием центристов и поэтому вместо обсуждения общих социалистических задач в связи с войной конференция ограничила свою работу обсуждением доклада К. Цеткин «Об интернациональных выступлениях женщин-социалисток в пользу мира». Резолюция по этому вопросу была выработана К. Цеткин при участии делегатов от Англии и Голландии и носила центристский характер. Представительницы ЦК РСДРП на конференции внесли проект резолюции, написанный Лениным, который указывал социалисткам революционный путь борьбы против войны и международного оппортунизма. В защиту этого проекта на конференции выступала И. Ф. Арманд. Конференция приняла резолюцию, составленную К. Цеткин. — 81.

²⁸ I Всероссийский съезд работниц, созданный ЦК РКП(б), состоялся в Москве, в Доме союзов, 16—21 ноября 1918 года. На съезде присутствовало 1147 делегатов от фабрик, заводов и деревенской бедноты. Ленин выступил с речью на четвертый день работы съезда, 19 ноября. После речи Ленина съезд принял резолюцию, в которой говорилось, что работницы и крестьянки Советской республики сумеют оправдать возлагаемые на них надежды Советского правительства и трудового народа в строительстве новой, коммунистической жизни. С речами и докладами на заседаниях съезда и его секций выступили А. И. Ульянова-Елизарова, В. П. Ногин, Е. М. Ярославский, И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай, К. Н. Самойлова, Л. Н. Сталь и другие. Съезд призвал трудящихся женщин к защите Советской власти и принял конкретные решения по вопросам работы среди женщин: об облегчении положения женщины путем развития различных форм общественного обслуживания, о вовлечении женщин в общественную жизнь, о воспитании детей, об охране детского труда и т. д.

Съезд положил начало организации работниц и крестьянок. Он высказался за создание при партийных комитетах комиссий по работе среди женщин, основной задачей которых было политическое воспитание работниц и привлечение их к активной общественной деятельности. — 93.

²⁹ Первый съезд работниц и крестьянок Петроградской губернии состоялся 15—16 января 1920 г. На съезде присутствовало 403 делегатки, из них — 157 коммунисток и 246 — беспартийных. В числе делегатов были: 91 крестьянка, 131 работница, 133 представительницы интеллигентного труда, 15 портних, 11 хозяек и 2 женщины-милиционерки. Хотя на съезде преобладали беспартийные, дух съезда был ярко коммунистический. Съезд обсудил следующие вопросы: текущий момент;

партия коммунистов, работница и крестьянка; земельный вопрос; о потребительской коммуне, социальное воспитание и др. В первый день съезда было оглашено присланное съезду приветствие В. И. Ленина и послана ответная телеграмма В. И. Ленину. С приветствием от ЦК РКП(б) и центрального отдела работниц и крестьянок на съезде выступила Е. Д. Стасова, которая подчеркнула особое значение предстоящей «недели фронта» и призвала женщин-делегаток напрячь все силы для работы по восстановлению нормальной жизни. — 104.

³⁰ Гёте. «Заметки об искусстве». — 111.

³¹ Гуго, Густав (1764—1844) — немецкий юрист, профессор права в Геттингене, родоначальник реакционной исторической школы права. — 112.

³² Этот раздел статьи Маркса не был допущен цензурой к опубликованию. — 113.

³³ Маркс имеет в виду проповедь «свободы любви» в произведениях некоторых писателей-младогерманцев.

«Молодая Германия» — литературная группа, возникшая в 30-х годах XIX в. в Германии и находившаяся под влиянием Гейне и Берне. Отражая в своих художественных и публицистических произведениях оппозиционные настроения мелкой буржуазии, писатели «Молодой Германии» (Гуцков, Винбарг, Мундт и др.) выступали в защиту свободы совести и печати. Взгляды младогерманцев отличались идейной незрелостью и политической неопределенностью; вскоре большинство из них выродилось в заурядных буржуазных либералов. — 114.

³⁴ В настоящей статье К. Маркс подверг критике проект закона о разводе, составленный в 1842 г. под руководством Савиньи. Подготовка и обсуждение в правительственных сферах законопроекта о разводе были окружены глубочайшей тайной. Тем не менее 20 октября 1842 г. «*Rheinische Zeitung*» опубликовала проект закона и тем самым положила начало широкой публичной дискуссии о законопроекте на страницах «*Rheinische Zeitung*», «*Leipziger Allgemeine Zeitung*» и других газет. Опубликование проекта закона о разводе и решительный отказ редакции «*Rheinische Zeitung*» назвать лицо, приславшее текст законопроекта, было одной из причин запрещения «*Rheinische Zeitung*». — 116.

³⁵ Из редакционного примечания к статье «Проект нового закона о браке», опубликованной в приложении к «*Rheinische Zeitung*» № 319 от 15 ноября 1842 года. — 117.

³⁶ Бауэр, Эдгар (1820—1886) — немецкий публицист, младогегельянец, брат Бруно Бауэра. — 121.

³⁷ Из стихотворения Шиллера «Дева с чужбины». — 124.

³⁸ Имеется в виду напечатанная в VII выпуске «*Allgemeine Literatur-Zeitung*» (июнь 1844 г.) рецензия Шелиги на роман французского писателя Эжена Сю «Парижские тайны», написанный в духе сентиментально-мещанской социальной фантазии;

роман вышел в Париже в 1842—1843 гг. и получил широкую известность не только во Франции, но и за ее пределами. — 125.

³⁹ Маркс цитирует следующие произведения Ш. Фурье: «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (*«Théorie des quatre mouvements et des destinées générales»*) — первое издание вышло в 1808 г.), «Новый хозяйственный и социетарный мир» (*«Le nouveau monde industriel et sociétaire»*) — первое издание вышло в 1829 г., а также «Теория всемирного единства» (*«Théorie de l'unité universelle»*). Первое издание этого произведения вышло в 1822 г. под заглавием: *«Traité de l'association domestique-agricole»* («Трактат о домоводческо-земледельческой ассоциации»). — 126.

⁴⁰ Имеется в виду *Штурнер*, Макс (литературный псевдоним Каспара Шмидта) (1806—1856) — немецкий философ, младеггелянец, один из идеологов буржуазного индивидуализма и анархизма. — 127.

⁴¹ При работе над первым изданием своего труда Энгельс пользовался следующими книгами Мак-Леннана: *«Primitive Marriage. An Inquiry into the Origin of the Form of Capture in Marriage Ceremonies»*. Edinburgh, 1865 («Первобытный брак. Исследование о происхождении обряда похищения в свадебных церемониях». Эдинбург, 1865); *«Studies in Ancient History comprising a Reprint of «Primitive Marriage. An Inquiry into the Origin of the Form of Capture in Marriage Ceremonies»»*. London, 1876 («Очерки по древней истории, включающие перепечатку книги «Первобытный брак. Исследование о происхождении обряда похищения в свадебных церемониях». Лондон, 1876); в дальнейшем, при подготовке четвертого издания (1891), Энгельс учел также вышедшее в Лондоне и Нью-Йорке в 1886 г. новое издание последней книги Мак-Леннана. — 130.

⁴² L. H. Morgan. *«Ancient Society»*. London, 1877, p. 435. — 131.

⁴³ К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 21). — 131.

⁴⁴ Имеется в виду книга: J. J. Bachofen. *«Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über die Gynaiokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur»*. Stuttgart, 1861 (И. Я. Бахофен. «Материнское право. Исследование гинекокрации древнего мира на основе его религиозной и правовой природы». Штутгарт, 1861). — 132.

⁴⁵ Это письмо Маркса до нас не дошло. Энгельс упоминает о нем в письме Каутскому от 11 апреля 1884 года. — 133.

⁴⁶ Речь идет о тексте оперной тетралогии Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга», написанном самим композитором на основе скандинавского эпоса «Эдда» и немецкого эпоса «Песнь о Нибелунгах». См. R. Wagner. *«Der Ring des Nibelungen, erster Tag, die Walküre»*, zweiter Aufzug (Р. Вагнер. «Кольцо Нибелунга, день первый, Валькирия», акт второй). — 133.

⁴⁷ Говоря о французском друге и почитателе Вагнера, Энгельс имеет в виду французского социалиста Шарля Бонье.

«Эдда» — собрание мифологических и героических сказаний и песен скандинавских народов. — 134.

⁴⁸ *Асы* и *ваны* — две группы богов в скандинавской мифологии. — 134.

⁴⁹ Результаты исследований Файсона, проведенных им совместно с Хаунттом, изложены в книге: L. Fison and A. W. Howitt. «Kamilaroi and Kurnai». Melbourne, Sydney, Adelaide, and Brisbane, 1880 (Л. Файсон и А. У. Хаунтт. «Камиларои и курнаи». Мельбурн, Сидней, Аделаида и Брисбен, 1880). — 135.

⁵⁰ См. L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 459; Энгельс приводит эту цитату в изложении Маркса (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 28). — 139.

⁵¹ См. L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 470, а также «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 29, 31. — 144.

⁵² К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 31). — 144.

⁵³ Речь идет о статье 230 Гражданского кодекса, принятого при Наполеоне в 1804 году. — 145.

⁵⁴ См. К. Маркс. «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»» («Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 32). — 145.

⁵⁵ Гомер. «Одиссея», песнь первая. — 146.

⁵⁶ Эсхил. «Орестея. Агамемнон». — 146.

⁵⁷ Плутарх. «Изречения лакедемонянок», глава V; см. также G. F. Schoemann. «Griechische Alterthümer». Bd. I. Berlin, 1855, S. 268 (Г. Ф. Шёман. «Греческие древности». Т. I, Берлин, 1855, стр. 268). — 147.

⁵⁸ *Спартиаты* — полноправные граждане Древней Спарты. *Илоты* — бесправные жители Древней Спарты, прикрепленные к земле и обязанные нести в пользу землевладельцев-спартиатов определенные повинности. Положение илотов по существу ничем не отличалось от положения рабов. — 147.

⁵⁹ Аристофан. «Женщины на празднике Фесмофорий». — 147.

⁶⁰ Геродот. «История», кн. VIII, гл. 105; см. также W. Wachsmuth. «Hellenische Alterthumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staates». Th. II, Abth. II, Halle, 1830, S. 77 (В. Ваксмут. «Изучение эллинской древности с точки зрения ее государственности». Ч. II, отдел II, Галле, 1830, стр. 77). — 147.

⁶¹ Еврипид. «Орест». — 147.

⁶² Энгельс приводит мысль, высказанную в работе Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 30). — 149.

⁶³ L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 504. — 150.

⁶⁴ *Гиеродулы* — в Древней Греции и греческих колониях рабы и рабыни, принадлежавшие храмам. Женщины-гиеродулы во многих местах, особенно в городах Передней Азии и в Коринфе, занимались храмовой проституцией. — 150.

⁶⁵ См. Тацит. «Германия», главы 18—19. — 152.

⁶⁶ Аммиан Марцеллин. «История в 31 книге», кн. XXXI, гл. 9; Прокопий Кесарийский. «Война с готами», кн. II, гл. 14 (Книга VI «Истории войн Юстиниана с персами, вандалами и готами»). — 154.

⁶⁷ Имеется в виду поэзия трубадуров Южной Франции конца XI — начала XIII веков. — 154.

⁶⁸ Энгельс перефразирует здесь место из произведения Ш. Фурье. «Théorie de l'unité universelle», vol III, 2-me éd.; Oeuvres complètes, t. IV, Paris, 1841, p. 120 (Ш. Фурье. «Теория всемирного единства», т. III, 2-е изд.; Полное собрание сочинений, т. IV, Париж, 1841, стр. 120); первое издание этого произведения вышло под заглавием: «Traité de l'association domestique-agricole». Т. I—II, Paris — Londres, 1822 («Трактат о домоводческо-земледельческой ассоциации». Тт. I—II, Париж — Лондон, 1822). — 156.

⁶⁹ *Дафнис и Хлоя* — герои древнегреческого романа II—III веков; об авторе его, Лонге, не сохранилось никаких сведений. — 162.

⁷⁰ См. «Песнь о Нибелунгах», песнь десятая. — 163.

⁷¹ «Гудрун» (также «Кудрун») — средневековая немецкая эпическая поэма XIII века. — 163.

⁷² H. S. Maine. «Ancient Law: its Connection with the Early History of Society, and its Relation to Modern Ideas» (Г. С. Мейн. «Древнее право: его связь с ранней историей общества и его отношение к современным правовым понятиям»); первое издание этой работы вышло в Лондоне в 1861 году; упоминаемое Энгельсом место см. на стр. 190 этого издания. — 165.

⁷³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии», глава первая. — 165.

⁷⁴ L. H. Morgan. «Ancient Society». London, 1877, p. 491—492. — 169.

⁷⁵ Древнеирландские законы — свод кельтского обычного права. Действовали в Ирландии вплоть до 1605 г., когда они были отменены английским правительством. — 174.

⁷⁶ Имеется в виду незаконченная статья Энгельса «Du sollst nicht ehebrechen» («Не прелюбо сотвори»); возможно, Энгельс послал эту статью Бернштейну в связи с публикацией в газете «Sozialdemokrat» двух статей под заглавием «Die zehn Gebote» («Десять заповедей»). Статья не была опубликована. — 174.

⁷⁷ Люксембург, Роза (1871—1919) — выдающийся деятель международного рабочего движения, один из лидеров левого крыла II Интернационала. Речь идет о статье Р. Люксембург «Национальный вопрос и автономия», опубликованной в № 12 журнала «Przegląd Socjaldemokratyczny» («Социал-демократическое обозрение»), издававшегося польскими социал-демократами в Кракове с 1902 по 1904 г. и с 1908 по 1910 год. — 177.

⁷⁸ Арманд, Инесса Федоровна (Петрова) (1874—1920) — член большевистской партии с 1904 г., профессиональный революционер, деятель международного женского рабочего и коммунистического движения. — 179.

⁷⁹ Имеется в виду II конгресс Коминтерна (19 июля — 7 августа 1920 года). — 185.

⁸⁰ Речь идет о книге Августа Бебеля «Женщина и социализм». — 189.

⁸¹ III конгресс Коминтерна на заседании 8 июля 1921 года заслушал доклад Клары Цеткин о коммунистическом женском движении и принял резолюции: 1) «Методы и формы работы среди женщин коммунистических партий (Тезисы)» и 2) «Формы и методы коммунистической работы среди женщин». — 205.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Брак* — 89, 90, 94, 96, 109, 113—115, 116—119, 126, 127, 134, 135—138, 140, 152, 154—156, 157—160, 163—168, 170, 176, 182, 189—193.
- Детский труд в капиталистическом обществе* — 10—11, 18—20, 22—24, 28—30, 32—35, 39—46, 49—56, 62, 80, 127—128.
- Домашнее хозяйство*
- в первобытном обществе — 140, 158;
 - в феодальном и капиталистическом обществах — 12, 16, 88, 107, 158, 202—203;
 - его преобразование при коммунизме — 65, 88, 91, 92, 94—96, 99, 106, 161, 203—204.
- Женские международные социалистические конференции*
- в Штутгарте (1907) — 75—77;
 - в Берне (1915) — 81—84.
- Женский труд в капиталистическом обществе*
- в домашней промышленности — 9, 41—45, 55—56, 58—59;
 - в горной промышленности — 28—31;
 - в кирпичном производстве — 40;
 - в кружевном производстве — 22—25, 41—44, 46.
 - в текстильном производстве — 9—11, 38, 57;
 - в производстве бумаги и типографском деле — 39—40;
 - в производстве предметов одежды — 25—28, 46—48;
 - в других отраслях промышленности — 39, 46—47, 55—56, 58—59, 66—68;
 - в сельском хозяйстве — 52, 55, 60—62;
 - и его оплата — 10, 27, 55—57, 58—59, 65, 80;
 - и материнство — 11—13, 20—22, 24, 26, 30, 31, 36—38, 71, 87.
- Женское движение*
- его сущность и общественное значение — 63—64, 70, 93, 95, 106, 185, 192—193, 197—201;
 - буржуазное — 65, 68, 70—71, 74, 75, 76, 79—80, 92, 197;
 - рабочее — 62—64, 66—68, 70—71, 74—77, 81—85, 93, 97—99, 106, 186, 197—201.

*Законодательство о труде
женщин и детей* — 19, 31,
35, 38, 48, 51—52, 87, 204.

Любовь — 111, 120—124, 148,
153—154, 156, 161—163, 166,
169, 170—173, 175, 195—196;
— и лозунг «свободы люб-
ви» — 129, 180—183, 194—
196.

Мораль, нравственность —
17—18, 30—31, 37—38, 40—
44, 45, 54, 58, 73, 89, 112—
113, 118—120, 134, 165—
168, 174, 188—190, 193—194.

Проституция — 17, 25, 31, 58—
59, 72—73, 79—80, 89, 90,
109, 125—126, 134, 148,
150—151, 155—156, 159—
161, 181.

Пьянство — 31, 41.

*Равенство женщины с мужчи-
ной*

— их равноправие — 65, 74,
76, 85, 93—94, 95, 98—99,

102—108, 110, 158, 159, 185,
199—203;

— избирательное право для
женщин — 64, 75, 76, 86;
— вовлечение женщин в уп-
равление государством —
86—87, 92—93, 95, 100—101,
105, 186, 203.

Развод — 94, 116—120, 140—
152, 155, 156, 168, 175—176,
177—179.

Семья

— парная семья — 138—141;
— моногамная — 126—127,
128, 141—145, 148—149, 156,
160, 169, 178;

— буржуазная — 89—91, 120—
121, 127—128, 159;

— пролетарская — 11, 13—16,
58, 90, 156, 203;

— в коммунистическом обще-
стве — 89—91, 128, 160—
161, 169.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
------------------------------	---

Раздел первый

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЖЕНСКОГО И ДЕТСКОГО ТРУДА И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Из статьи Ф. Энгельса «ПОЛОЖЕНИЕ АНГЛИИ. ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК»	9
Из книги Ф. Энгельса «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ»	9
Из книги К. Маркса «КАПИТАЛ»	32
Из писем К. Маркса и Ф. Энгельса	54
Из книги В. И. Ленина «РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ» ,	55
В. И. Ленин. КАПИТАЛИЗМ И ЖЕНСКИЙ ТРУД	58
В. И. Ленин. МЕЛКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ЗЕМЛЕДЕЛИИ	59

Раздел второй

БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ. ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Из книги Ф. Энгельса «АНТИ-ДЮРИНГ»	63
Из писем К. Маркса и Ф. Энгельса	63
Из работы В. И. Ленина «ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ НАШЕЙ ПАРТИИ»	74
Из статьи В. И. Ленина «МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ШТУТГАРТЕ»	75
Из статьи В. И. Ленина «МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ШТУТГАРТЕ»	76
В. И. Ленин. РАБОЧИЙ КЛАСС И НЕОМАЛЬТУЗИАНСТВО ,	77

В. И. Ленин. ПЯТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД ПО БОРЬБЕ С ПРОСТИТУЦИЕЙ	79
<i>Из статьи В. И. Ленина «О БОРЬБЕ С СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМОМ»</i>	81
<i>Из работы В. И. Ленина «ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖЕНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ»</i>	82
<i>Из брошюры В. И. Ленина «СОЦИАЛИЗМ И ВОЙНА»</i>	84
<i>Из письма В. И. Ленина «РЕДАКЦИИ «НАШЕГО СЛОВА»»</i>	84
<i>Из статьи В. И. Ленина «ЗАДАЧИ ЛЕВЫХ ЦИММЕРВАЛЬДИСТОВ В ШВЕЙЦАРСКОЙ С.-Д. ПАРТИИ»</i>	85
<i>Из воззвания «ТОВАРИЩАМ, ТОМЯЩИМСЯ В ПЛЕНУ»</i>	86
<i>Из работы В. И. Ленина «ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА»</i>	86
<i>Из брошюры В. И. Ленина «ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ»</i>	86
<i>Из работы В. И. Ленина «МАТЕРИАЛЫ ПО ПЕРЕСМОТРУ ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ»</i>	87

Раздел третий

СОЦИАЛИЗМ, КОММУНИЗМ И РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

ИЗ «ЭЛЬБЕРФЕЛЬДСКИХ РЕЧЕЙ» Ф. ЭНГЕЛЬСА	88
<i>Из работы Ф. Энгельса «ПРИНЦИПЫ КОММУНИЗМА»</i>	89
<i>Из работы К. Маркса и Ф. Энгельса «МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ»</i>	89
<i>Из книги Ф. Энгельса «АНТИ-ДЮРИНГ»</i>	91
<i>Из статьи В. И. Ленина «ПЕРЛЫ НАРОДНИЧЕСКОГО ПРОЖЕКТЕРСТВА»</i>	91
<i>Из статьи В. И. Ленина «ОДНА ИЗ ВЕЛИКИХ ПОБЕД ТЕХНИКИ»</i>	92
<i>Из статьи В. И. Ленина «УДЕРЖАТ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВЛАСТЬ?»</i>	92
В. И. Ленин. РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОТНИЦ 19 НОЯБРЯ 1918 г.	93
<i>Из работы В. И. Ленина «ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РКП(б)»</i>	94
VIII СЪЕЗД РКП(б). ИЗ «ОТЧЕТА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА»	95
<i>Из статьи В. И. Ленина «ВЕЛИКИЙ ПОЧИН»</i>	95
В. И. Ленин. О ЗАДАЧАХ ЖЕНСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г.	97

<i>Из статьи В. И. Ленина «СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ»</i>	103
<i>В. И. Ленин. В БЮРО ЖЕНСКОГО СЪЕЗДА ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ</i>	104
<i>В. И. Ленин. К ЖЕНЩИНАМ-РАБОТНИЦАМ</i>	105
<i>Из статьи В. И. Ленина «К МЕЖДУНАРОДНОМУ ДНЮ РАБОТНИЦ»</i>	106
<i>Из статьи В. И. Ленина «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ РАБОТНИЦ»</i>	107

Раздел четвертый

СЕМЬЯ, БРАК, ЛЮБОВЬ

<i>Из работы К. Маркса «ЭКОНОМИЧЕСКО-ФИЛОСОФСКИЕ РУКОПИСИ 1844 ГОДА»</i>	109
<i>Из статьи К. Маркса «ДЕБАТЫ О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ»</i>	111
<i>Из статьи К. Маркса «ФИЛОСОФСКИЙ МАНИФЕСТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА»</i>	112
<i>К. Маркс. ПРОЕКТ ЗАКОНА О РАЗВОДЕ</i>	116
<i>Из работы К. Маркса «К КРИТИКЕ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА»</i>	120
<i>Из книги К. Маркса и Ф. Энгельса «СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО»</i>	121
<i>Из работы К. Маркса и Ф. Энгельса «НЕМЕЦКАЯ ИДЕОЛОГИЯ»</i>	126
<i>Из книги К. Маркса «КАПИТАЛ»</i>	127
<i>Из статьи Ф. Энгельса «КНИГА ОТКРОВЕНИЯ»</i>	129
<i>Из книги Ф. Энгельса «ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВА»</i>	129
<i>Из книги Ф. Энгельса «ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ И КОНЕЦ КЛАССИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ»</i>	170
<i>Из писем К. Маркса и Ф. Энгельса</i>	170
<i>Из статьи В. И. Ленина «О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ»</i>	177
<i>Из статьи В. И. Ленина «О КАРИКАТУРЕ НА МАРКСИЗМ И ОБ «ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМ ЭКОНОМИЗМЕ»»</i>	178
<i>Письмо В. И. Ленина И. Ф. АРМАНД</i>	179
<i>Письмо В. И. Ленина И. Ф. АРМАНД</i>	181
<i>Из статьи В. И. Ленина «О ЗНАЧЕНИИ ВОИНСТВУЮЩЕГО МАТЕРИАЛИЗМА»</i>	183
<i>Из работы Клары Цеткин «ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ»</i>	185
<i>Примечания</i>	210
<i>Предметный указатель</i>	220